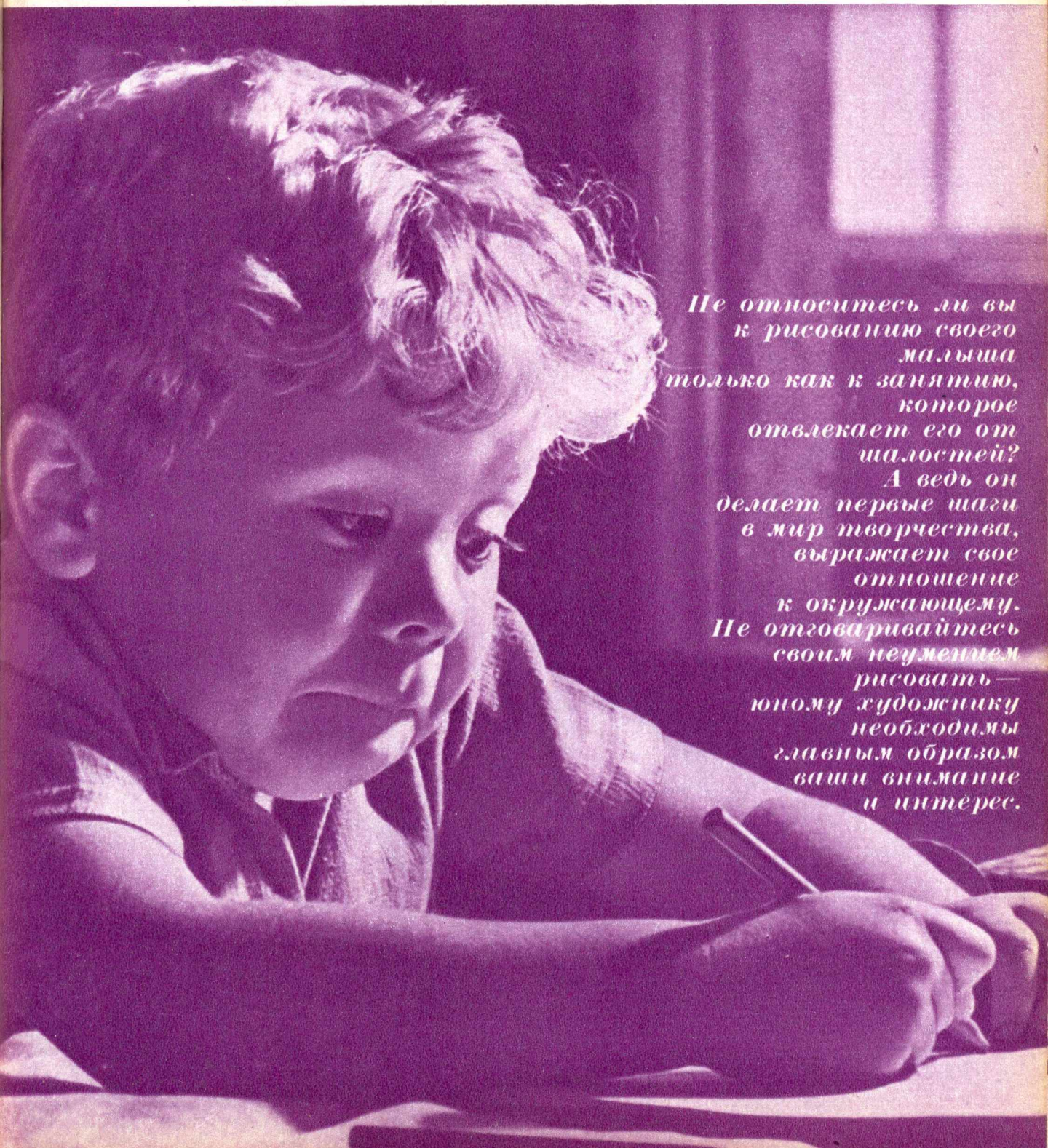

СЕМЬЯ И ШКОЛА

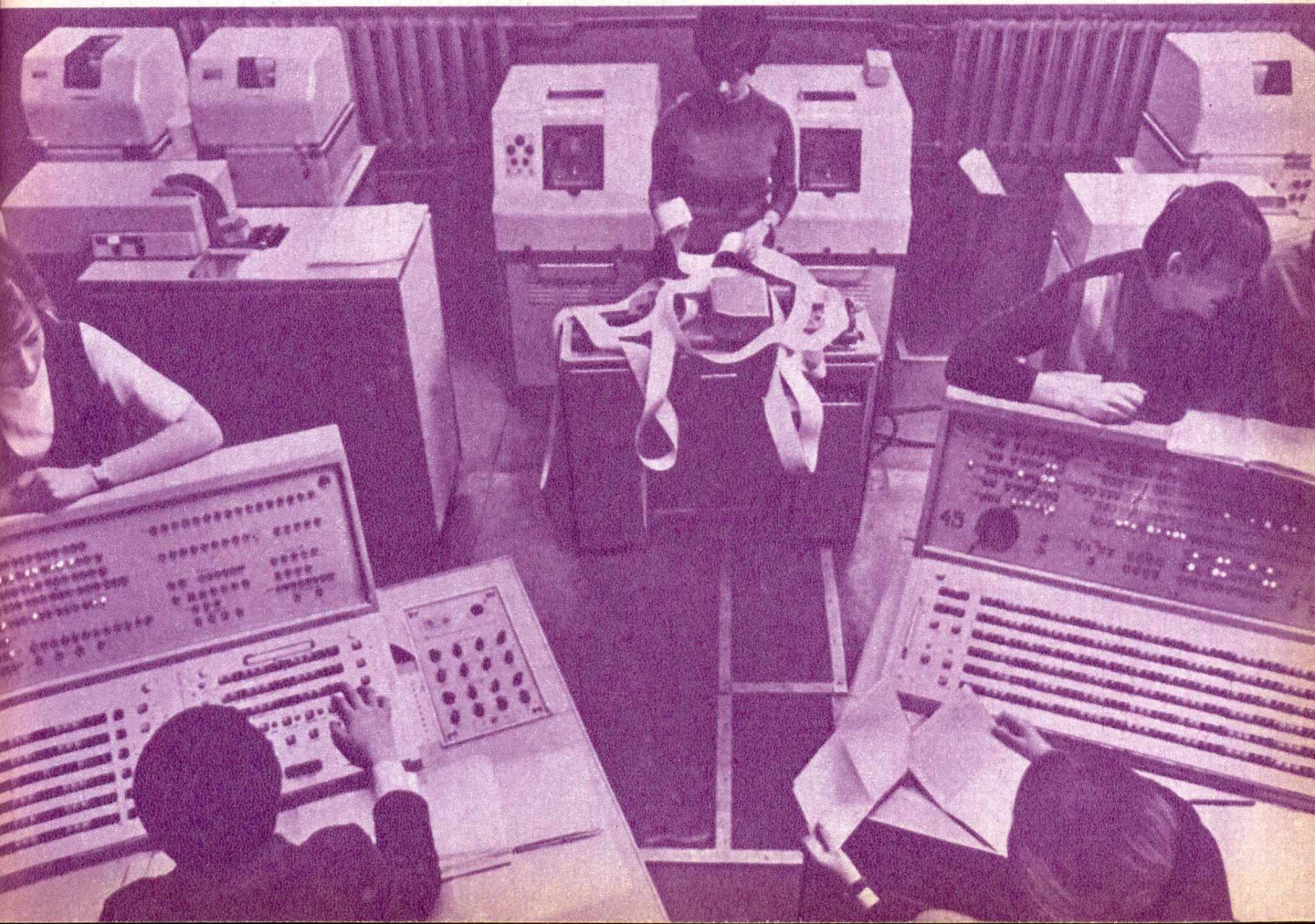
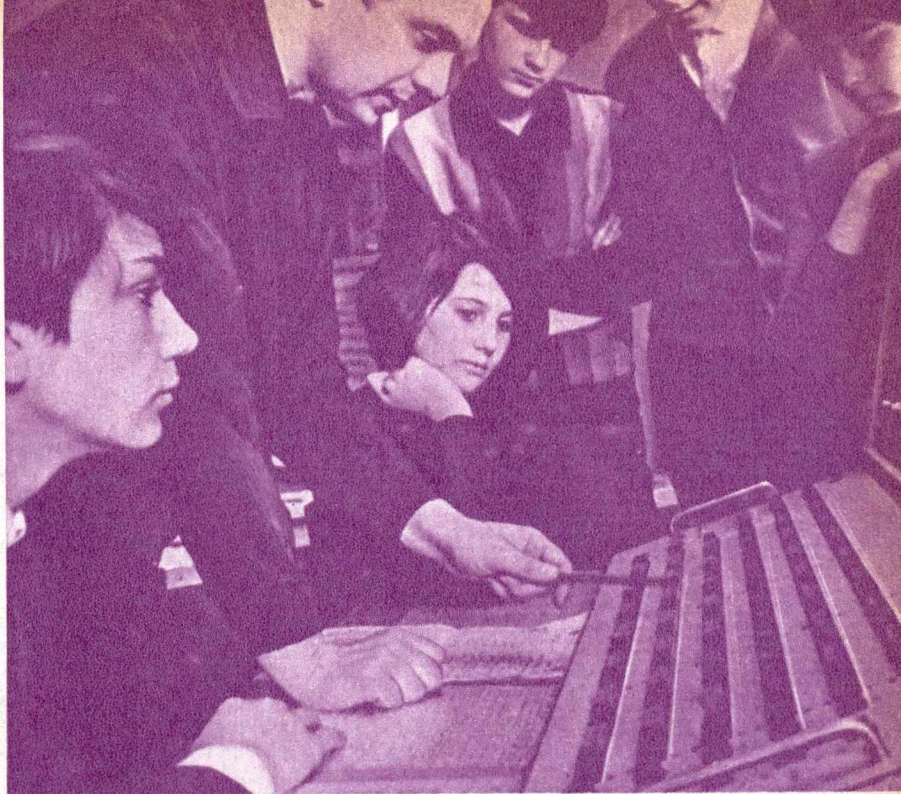
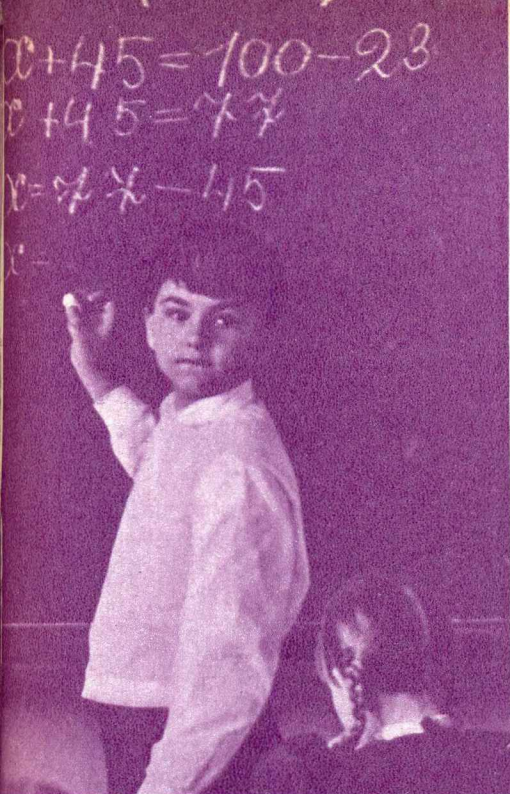
9/1972

ЖУРНАЛ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

*Не относитесь ли вы
к рисованию своего
малыша
только как к занятию,
которое
отвлекает его от
шалостей?*

*А ведь он
делает первые шаги
в мир творчества,
выражает свое
отношение
к окружающему.
Не отговаривайтесь
своим неумением
рисовать —
юному художнику
необходимы
главным образом
ваши внимание
и интерес.*

С коляской
на бульваре
в субботний день...
Да, это
не самое трудное
время
в жизни отца.
Подрастает сын,
и всё нужнее ему
мужская
надёжная рука.
Вместе с отцом...
И книги
вместе читать.
И гулять вместе —
уже
не по бульварам,
а по лесам
и горам.
И мастерить
вместе
разные вещи.
И вместе
заботиться
о маме.
И вместе
обдумывать
жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ

Жаркое лето для жаркой дружбы	2	Школа дошкольника Л. Левинова, Г. Сапгир. Приключения Кубарика и Томатика, или Веселая математика. (Продолжение)	33
Идут уроки Н. Салмина, В. Сохина. Внимание требует внимания М. Подгорная. Неладья по русскому И. Марнянский. Геометрия без недомолвок	4 6 8	Старинные наставления	38
Родительский опыт И. Краснопольская. Аракеяны от 14 до 90	10	Детство замечательных людей В. Шатчинин. Пирогов	39
В. Приступа. Такой длинный продленный день	12	У врача Б. Шеврыгин. Не кричать!	40
Почта С. Каневская. Форменная неразбериха В. Янчевский. Откуда мы Ирина Л. Да, ни одной! Р. Арсламов. Не только способности Ю. Клюев. Не сошлись характерами... Т. Миронова. Помидоры на балконе. Что дает олимпиада. (Ответ на письмо читателя Н. Койдана) Не помеха. (Ответ на письмо читательницы Э. Банах) Из переписки с читателями Советы	14 15 15 15 16 16 17 18 18 19	Природа А. Онегов. Кормушка	42
Дневник общественника Е. Перина. С чего начать	21	Л. Чуковская. На морском берегу	44
Н. Смирнова, М. Константиновский. Перешел в первый класс	22	Листая журналы	49
Музыка и каждый из нас Ф. Розинер. ...И мы вместе	25	Книги Г. Румянцев. «Ненужного» нет! С. Сивоконь. Поморы Советую: прочтите Недавно выпущено	50 51 52 53
Школа дошкольника: теория Л. Венгер. Дорого вовремя время	28	Радио Ищем соавтора. (Беседа с Н. В. Литвиновым) На зарядку!	54 55
Ю. Доброленская. Жук в корбочке	32	Л. Успенский. Закон буквы. (Продолжение)	56
		Рисуют дети А. Михайлов. Не так, как взрослые	58
		Е. Овдак. Пуговицы литые, петельки витые	60
		С. Глязер. Игры во дворе	62
		На 64 клетках	63
		Картины нравов В. Алексеев. Крестьянская свадьба	64
		На 2-й странице вкладки фото С. Тапкина	

СЕМЬЯ И ШКОЛА

Ежемесячный журнал
для родителей
Академии
педагогических наук СССР
Сентябрь 1972 года
№ 9 27-й год издания

жаркое лето для жаркой дружбы

*Когда ученики
собираются после каникул,
им есть о чем
порассказать друг другу.*

*Летом отдыхают
на лесном приволье.*

*Летом путешествуют,
ездят в гости к друзьям.*

*А друзья
у нашей детворы
по всей стране.*

*Это лето было особенное.
Кроме дел и развлечений,
ради которых собирались вместе
дети разных народов,
населяющих нашу Родину,
укрепило оно в них
радостное чувство
единой советской семьи.*

слёт в артеке

Нынешним летом в Артеке состоялся V Всесоюзный слет пионеров. Это слет-ровесник: Советскому Союзу 50 лет и пионерской организации тоже 50. Этим событиям и посвятили слет. В Артеке собрались отличники учебы, победители всесоюзных конкурсов и соревнований, ребята, награжденные правительственными наградами и наградами ЦК ВЛКСМ, лучшие красные следопыты, участники операции «Чукотка», бойцы «Зарницы». Среди гостей слета были ветераны пионерской организации страны, герои войны и труда, писатели, ученые, кинематографисты, композиторы, мастера спорта, представители пятидесяти одной зарубежной страны.

Каждый день, проведенный в Артеке, надолго останется в памяти каждого участника слета. Это встречи на костровых площадках, поездка в город-герой Севастополь, открытие выставки «50 лет Всесоюзной организации имени В. И. Ленина», «День мира и солидарности» и многое другое.

Ребята подвели итоги всесоюзного пионерского марша «Всегда готов!», приняли обращение ко всем пионерам. В нем говорится: «В ответ на огромную любовь и заботу нашей партии, правительства, советского народа 25-миллионная пионерия с новой силой подтверждает свою беззаветную верность пионерской клятве: жить, учиться, бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия».

«какая она большая!»

Этим летом, как и каждый год, детишек из Бурятии, Красноярского края, Эвенкийского и Ненецкого национальных округов приглашали отдыхать в пионерские лагеря России, Армении, Азербайджана, Грузии, Латвии. Солнце, море, новые знакомства — впечатлений многое множество. Но вот главное: ребята увидели, как велика, красива и

щедро наша Родина. «Какая она большая!» — написала одна девочка домой на берег Белого моря из лагеря на берегу Черного моря.

всё выросло

В 1948 году в старинном русском городе Владимире на Первый всеобщий слет юннатов-мичуриnceв собрались посланцы из всех союзных республик. Тогда же заложили парк имени союзных республик. И вот спустя 24 года во Владимире состоялся такой же слет. Делегаты увидели большой парк. Каждый нашел здесь уголок, напоминавший ему родные места — тайгу и альпийские луга, горные ущелья и степные просторы. Всё выросло на владимирской земле!

Два года назад «Пионерская правда» объявила о создании «Малой Тимирязевки». Сейчас в ее рядах — тысячи юных исследователей полей, опытников, которые помогают своим колхозам и совхозам выращивать высокие урожаи. Сто двадцать юных тимирязевцев приехали в столицу из всех союзных республик на свой первый слет. А в Ростов на традиционный всероссийский слет ученических производственных бригад и школьных лесничеств съехалось 500 делегатов. Это юные механизаторы, полеводы, животноводы, защитники леса. На слете соревновались трактористы, мастера машинной дойки, стригали.

построили на миллион

У старших школьников новость: во многих местах созданы ученические строительные бригады. Уже в прошлом году было около четырех с половиной тысяч юных строителей. Результат их труда оценивается серьезной цифрой — миллион! В официальных отчетах про это написано так: «Освоено капиталовложений на миллион рублей». А пошло все от липецких школьников, поэтому в Липецке и состоялся слет участников ученических строительных бригад со всей страны.

ЛОВКИЕ И СИЛЬНЫЕ

В Киеве прошла XII Всесоюзная спартакиада школьников, в которой участвовало пять тысяч юных физкультурников. Главным судьей спартакиады был Герой Советского Союза летчик-космонавт Валерий Быковский.

Флаги всех союзных республик развивались над стадионом «Текстильщик» в городе Иванове. Здесь проходил финал XVII пионерских спортивных игр «Дружба».

Земля белорусская — живая история мужества и героизма. Брест, Орша, Хатынь... Эти названия звучат для ребят, как легенда. Понятно, с каким волнением вели машины участники всесоюзных соревнований юных автомобилистов, которые состоялись в Минске.

В ОБЩЕМ ХОРЕ

В Эстонии есть традиция: праздники песни и танца. На эти праздники приглашают певцов и танцоров из других республик. И конечно, все с удовольствием слушают детские голоса в общем хоре. И в этом году на певческом поле в Таллине побывали гости со всей страны.

ГОРОДА-РОВЕСНИКИ

57-я школа Одессы пригласила к себе ребят из других городов-героев. 18-я душанбинская школа у себя устроила фестиваль дружбы, на который собрались ребята из всех республик.

Люди отмечают дни рождения. Города — тоже. Десятилетние ребята из харьковской школы № 83 побывали в Светлогорске, Шевченко и Светлом. Эти города — их ровесники. Вот и увидели мальчики и девочки, что может сделать трудовой народ за десять лет. Есть над чем подумать!

Кто еще живет на 55 параллели, решили узнать пионеры из Усть-Илимска. Были посланы письма в

Новгород, Псков, Томск, Бодайбо и другие города. Вскоре пришли ответы: фотографии, карты, рисунки, сувениры. Своеобразная альбом-эстафета прошла по всей стране через города 55 параллели.

ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

В Чувашской автономной республике есть село Аншихово-Норваши. Оттуда пишет член совета дружины Клавия Иванова: «Пионеры нашей школы подружались с ребятами всех союзных республик. К нам часто приходят письма из Узбекистана, Армении, Прибалтики, Белоруссии. Получаем мы от своих друзей и детские газеты и журналы. Вместе с пионерами Эстонии мы провели поиск воинов-чувашей, участвовавших в освобождении Эстонии от фашистов».

А вот что пишут молдаване: «Мы, пионеры 6 «б» класса 4-й кишиневской школы были приглашены в гости к своим друзьям из 4-й школы города Утены Литовской ССР. До этого мы с ними вели переписку. И вот осуществилась наша давняя мечта — лично встретиться с ребятами из янтарного края... В нашей памяти надолго останется вечер «Дружбы», факельное шествие к могиле воинов, павших в годы Великой Отечественной войны. Нас познакомили с жизнью Утенского района...»

У КОСТРА

На Пушкинском перевале в Варденинском и Горийском районах пионеры закавказских республик зажигают костры «Дружбы». И как бы принимая от них эстафету, зажигают костры на границах своих республик пионеры Татарии, Удмуртии, Мордовии.

«В братской семье народов СССР» — так назывался вечер в Кафанской школе. Выступали на нем родители, представители разных национальностей — казах Кобзар Капиев, армянин Артавазд Галстян, украинец Иван Холод, бело-

рус Алексей Шокел, азербайджанец Джалил Дадашев, румын Георгии Боднер. Их рассказы о братстве советских людей, подкрепленные примерами фронтовой дружбы, товарищеской взаимовыручки на работе, были особенно понятны детям.

НА СТРОЙКЕ

Строительство Чикейской ГЭС, что в Дагестане, было объявлено Всесоюзной комсомольской стройкой. Сюда съехались строители с Урала, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, городов РСФСР. Многие приехали с детворой. Жили в палатках. Теперь здесь вырос поселок «Дружба», построена школа, где учатся ребята. На одном из пионерских сборов шестиклассница Наида Султанахмедова сказала: «Мы хотим показать приехавшим из разных республик ребятам свой горный Дагестан, показать, какой наш край красивый, какие здесь речки, сады, наше море». И как бы за всех приехавших ей ответила Ляля Хамидулина: «Когда я вернусь в свой Ленинград, я расскажу ребятам о нашем Дагестане».

ВНИМАНИЕ ТРЕБУЕТ ВНИМАНИЯ

10 советов родителям первоклассников

Рискнем в самом начале учебного года сделать одно предсказание: родители часто будут жаловаться на недостаток внимательности у новоиспеченных школьников; педагоги будут в невнимательности видеть причины отставания в учебе не одного своего питомца.

Да, у младшего школьника внимание еще не развито. Попробуем дать несколько советов, которые, надеемся, помогут родителям лучше справиться с трудностями, отсюда происходящими.

1. ПОСТАРАЙТЕСЬ ПОНЯТЬ, КАКОГО РОДА НЕВНИМАТЕЛЬНОСТЬ.

Говоря вообще о невнимательности детей, иногда имеют в виду разные ее виды. Вот ребенок, готовя уроки, не может сосредоточиться и выполнить задание до конца. Он постоянно отвлекается: услышав разговор, увидев что-то, то и дело отрывается от работы, ошибается даже при списывании. Здесь у ребенка просто отсутствует устойчивое внимание. Ваша задача — всячески развивать его (как — об этом дальше).

Другой случай: маленький ученик, вспомнив о каком-то интерес-

ном для него событии, не слышит учителя или, думая о чем-то другом, делает ошибки в вычислениях. В этом случае внимание, вообще говоря, развито, ребенок умеет сосредоточить его, но оно направлено на другое. И здесь ваша задача — понять, почему. Переутомлен? Сильно увлечен чем-то (далеким от учения)? Неинтересны сами занятия? Ясно, что во всяком случае действовать вы будете уже по-иному.

2. НУЖНА ВНЕШНЯЯ ОРГАНИЗАЦИЯ.

Рассматривая картинку, ребенок либо останавливается на одном чем-то привлечшем его предмете и не видит ничего другого, либо беспорядочно скользит взглядом, вообще не задерживаясь ни на чем. Похожая трудность встречается и при чтении: дети теряют строчку, пропускают слова, слоги. Дело в том, что объем внимания (то есть количество объектов, которые можно увидеть сразу) у первоклассника еще очень мал, а планомерно, последовательно рассматривать объект он еще не умеет. На помощь должны прийти внешние вспомогательные средства. Пусть указкой водит по картинке, последовательно переходя от предмета к предмету. Пусть листком бумаги двигает по строчке и постепенно открывает слоги, слова, переходит к следующей строчке. Нужно делать это вместе с ребенком, но постепенно приучать его работать одного.

Выполняя задания по математике, некоторые дети списывают все заданные для решения примеры, а потом один за другим подставляют ответы. И часто делают ошибки: считают одну строчку, а ответ записывают в другую, путают числа из разных примеров, пропускают примеры. Нужна внешняя организация и здесь. Настаивайте на последовательном списывании примеров по мере решения, по одному.

3. НЕ ОБОЙТИСЬ БЕЗ ПЛАНА НАБЛЮДЕНИЯ.

Но ведь и указка может двигаться беспорядочно, не зная, на чем остановиться. Чтобы не было беспорядочного блуждания по картинке (это относится, конечно, не только

к картинке, но и к любому наблюдению), надо научить ребенка составлять план наблюдения (в самом простом виде хотя бы — что рассматриваю сначала, что потом, про что не забыть). Не сразу, но рано или поздно ребенок научится составлять такой план самостоятельно.

4. ЗАДАЙТЕ ОБРАЗЕЦ.

Известно, что обычно лучше видится, воспринимается то, что хорошо знакомо, а на то, что не известно, даже если оно находится непосредственно перед нами, внимание обращается редко. «Легко проглядеть даже самые заметные явления, если на них уже не обратил внимание кто-либо другой», — говорил Чарльз Дарвин. Значит, если мы хотим, чтобы ребенок увидел то, что должен увидеть в еще неизвестном ему предмете, явлении, мы должны подготовить его к этому. А именно — дать образец того, что он должен увидеть. Если мы хотим, чтобы он увидел в стене дома четырехугольник, мы должны дать ему сначала общее представление о четырехугольнике — тогда он сможет этот «образец формы» приложить к предмету... Если мы хотим научить ребенка выделять отдельный звук в аккорде («обратить на этот звук внимание»), мы должны дать ему «образец» этого звука.

Конечно, мы не всегда можем дать (и не всегда нужно давать) такой образец, поэтому будем постепенно учить ребенка самостоятельно создавать мысленные образцы.

Если, например, ребенок садится рисовать по заданию, нужно прежде попросить его «вспомнить», какие основные части имеются в предмете, что именно он будет изображать. Например, дано задание нарисовать домик. «Какой домик ты будешь рисовать, большой или маленький? Сколько этажей будет в нем? В доме есть стены и крыша, сколько стен будет видно на твоём рисунке? Будут ли на них окна, двери? Какую форму будет иметь крыша?»

5. УЧИТЕ СОСРЕДОТОЧИВАТЬСЯ НА СУЩЕСТВЕННОМ.

Психологов давно привлекают так называемые «феномены Пиаже»

(по имени ученого, впервые описавшего эти факты). Закljučаются они вот в чем. Если даже на глазах ребенка изменить внешнюю форму предмета (например, вылить жидкость из бутылки в блюдо или любой другой сосуд, отличной от бутылки формы; изменить форму пластилинового шарика, раскатав его в «колбаску», и т. п.), то ребенок будет считать, что изменение внешней формы повлекло за собой и изменение количества самого вещества. Непосредственное восприятие захватывает внимание ребенка, ведет его за собой (подобно тому, как внимание взрослого захватывает и ведет за собой опытный фокусник или иллюзионист — только он для этого специально производит те или иные манипуляции). Но если детей научить видеть в предметах, например, длину и ширину и научить сравнивать предметы между собой (что и на сколько больше или меньше), то есть если дать детям образец оценки количества вещества, то эти самые «феномены Пиаже» исчезнут. Дети приобрели средство управлять своим вниманием, они могут теперь отвлечься от непосредственного восприятия и выделить в предметах необходимое и существенное.

6. ВАЖНО ОГРАНИЧИТЬ ЧИСЛО ОДНОВРЕМЕННО РЕШАЕМЫХ ЗАДАЧ.

Списывая какое-либо упражнение по языку, ребенок должен одновременно контролировать свое выполнение. Мы, взрослые, не думаем, как выводить буквы, как писать то или иное слово. Поэтому мы можем полностью сосредоточиться на смысле того, что мы пишем. А у первоклассника все требует одинаковой сосредоточенности: и написание букв, и сохранение строчки, и правильное держание ручки, и последовательность в списывании букв, и т. п. Поэтому очень часто и наблюдаются то пропуски букв, то выход за строчку, то всякого рода ошибки, которые считаются «ошибками на невнимательность». Учитывая эту трудность, очень важно ограничить число одновременно решаемых задач. Например, на начальной стадии овладения письмом основная задача — правильно изобразить букву.

При этом держание ручки, нажим на перо должны быть уже в какой-то степени автоматизированы, освоены, только тогда можно хорошо изобразить букву. При изучении грамматического правила основная задача — верное написание слова или фразы. К этому времени учащегося не должна уже сильно занимать мысль о том, как правильно изобразить ту или иную букву: эта операция должна быть уже в значительной степени автоматизирована.

Это принцип. Но в действительности неполное освоение более раннего действия еще отвлекает внимание учащегося от основной задачи. Помогут ему сосредоточиться опять-таки внешние средства.

Если, например, записывая слова, ребенок будет вслух громко или шепотом произносить их по слогам (произнося слог за слогом по мере написания), то вероятность, что он сделает грамматическую ошибку, резко снизится.

7. НУЖЕН САМОКОНТРОЛЬ.

Обычно родители берут контроль на себя (просят отвечать им урок, проверяют выполнение письменных домашних заданий и т. д.). Пусть дети учатся осуществлять такой контроль самостоятельно. Конечно, сначала они не сумеют контролировать себя. Когда ребенка просят проверить свою работу, он часто не находит и не исправляет даже случайные ошибки. Самоконтроль нужно организовать. Если при выполнении упражнения перед ребенком могло стоять много задач, то проверка обязательно должна быть ограничена чем-то одним (а если не одним, то должна быть намечена последовательность проверки). Так, если при списывании текста стояли задачи: сохранять правильный наклон, правильно писать буквы, соблюдать грамматическую правильность, то при проверке можно выделить одну основную задачу, например проверить лишь грамматическую правильность списанного текста. Нужны еще и средства, способы проверки. Так, при проверке грамматической правильности можно использовать чтение по слогам написанного текста, применяя прием постепенного открывания букв слова, которое вначале

закрывается линейкой; при проверке вычислений — закрыть полученный результат и пересчитать пример другим способом (например, в другом порядке взять слагаемые). В дальнейшем отпадет нужда во внешних средствах, проверка будет устной, а затем она станет настолько привычной для учащегося, что перед ним не будет каждый раз вставать специальной задачи контроля, контроль будет незаметно идти одновременно с выполнением работы.

8. УВАЖАЙТЕ ОБЯЗАННОСТИ РЕБЕНКА.

Внимание развивается не только в учебном, но и в домашнем труде — при выполнении отдельных поручений, а еще лучше в постоянных трудовых обязанностях ребенка. Тогда ребенок научается сам ставить цели и контролировать свое поведение, длительное время удерживать внимание на какой-то деятельности. Самое лучшее, что вы можете сделать для воспитания внимания, — это выработать в ребенке привычку доводить до конца всякую начатую работу и только после того, как окончено одно дело, приниматься за другое.

Но, к сожалению, взрослые часто пренебрежительно относятся к важности ребячьих дел. Даже во время приготовления домашних заданий детей нередко отвлекают поручениями, вопросами, наставлениями. Это хотя бы и ненадолго, но рассеивает внимание ребенка, ему трудно снова собраться, переключиться на занятия. Мало-помалу у ребенка закрепляется привычка работать, постоянно отвлекаясь. Время выполнения какого-то важного для него дела, поручения, а тем более время приготовления домашних заданий должно быть неприкосновенным для окружающих.

9. ЖЕЛАТЕЛЬНЫ НЕБОЛЬШИЕ ДОЗЫ.

Поскольку детям младшего школьного возраста трудно долго удерживать внимание, нужно специально вырабатывать у них привычку работать сосредоточенно. Для этого всю предстоящую работу разбивайте на небольшие «порции», которые ре-

бенок мог бы выполнить не отвлекаясь. Постепенно нужно увеличивать величину этих «порций», давать детям все большую самостоятельность при выполнении заданий.

10. ЗАГЛЯНИТЕ В СБОРНИКИ ИГР.

Развитию внимания у детей могут помочь специальные игры. Например, игра «Кто больше увидит?». Возможны несколько вариантов: 1) Показывается один предмет примерно на 30 секунд; нужно увидеть как можно больше свойств этого предмета (цвет, форму, особенности). 2) Показывается несколько предметов. Их открывают тоже на короткое время (от 30 до 60 секунд). Кто что сумеет увидеть за это время? 3) Показывается предмет или рассматривается картина, обстановка в комнате, вещи на столе. Затем играющие отворачиваются или ненадолго закрывают глаза, а руководитель игры за это время что-то меняет, потом задает вопрос: «Какие изменения произошли?»

Можно придумать еще много других вариантов аналогичных игр. Для таких занятий вовсе не обязательно создавать специально «учебную обстановку». В вашем распоряжении и время прогулок, и время общих семейных дел.

Попробуйте давать ребенку различного рода задания. Например, попросите описать, что он заметил в какое-то время года в окружающей природе. Что нового у нас во дворе? Чем отличается вот этот зверь? Попробуйте придать своему заданию живую, интересную форму — хотя бы загадайте загадку. Или вызовите ребенка на соревнование — кто больше подметит интересного.

**Н. САЛМИНА,
В. СОХИНА,**

кандидаты психологических наук

НЕЛАДЫ ПО РУССКОМУ

Что делать, если младший школьник отстает

Отставание по русскому языку весьма часто мучит и самих младших школьников, и родителей их.

Вот, кажется, ребенок старателен, усидчив, выполняет все задания. А как самостоятельная работа — диктант, изложение, сочинение, так плохая оценка. Настроение ученика падает, желание стараться пропадает: сколько ни старайся, результат плохой. В растерянности и родители: ругать не за что — сами видим, что занимается, но нужно срочно что-то делать! И начинаются поиски «экстренных мер»: берут репетитора, просят учителя дать дополнительные домашние задания, звонят на «неудачника» изнурительную (и не дающую почти никаких результатов) зубрежку правил.

Между тем не может быть никаких сомнений в том, что родители сами вполне в силах помочь отстающему. Конечно, при условии, что занятия будут проходить в контакте с учителем, проводиться систематически, долгое время и «без надрыва» — без окриков и упреков, которые резко снижают сообразительность ученика, без перегрузки в каждом отдельном занятии, без стремления одолеть трудности одним лихим наскоком.

Если нет сомнений в отставании, не стоит ждать итоговой оценки в четверти — «вытянет или не вытянет?» Ведь отставание не исчезнет, если школьник даже и вытянет на этот раз плохонькую троечку. В следующий четверти «хвост» окажется много больше, а «вытянуть» его — много труднее.

Есть отставание — нужно, не медля, браться за дело.

Хорошее пособие для занятий с отстающим — «Сборник диктантов для начальной школы». Если не удастся приобрести сборник в книжном магазине (в отделе пособий для учителей) или выписать его через «Книгу — почтой», то вам придется брать его время от времени в библиотеке или у педагога. Почему я советую пользоваться именно сборником диктантов? Разве нельзя продиктовать ребенку любой текст? Но диктанты с «какого-нибудь» текста могут оказаться слишком трудными, а главное — они не могут быть связаны с определенным правилом, в сборнике же тексты подобраны специально по классам, по темам, по отдельным правилам.

Самая первая задача — выяснить характер ошибок, то есть узнать, на какие именно правила делает ошибки ваш ребенок.

Начните с простого слухового диктанта. Вначале прочтите весь текст один раз целиком (чтобы его содержание стало ребенку ясно). Затем диктуйте по предложениям, повторяя их не более двух-трех раз (целиком); если же предложение длинное, то диктовать следует по частям, но ни в коем случае не по отдельному слову. Не нужно и повторять предложение по многу раз. Пусть ребенок привыкает охватывать памятью все предложение сразу, то есть учиться слушать, быть внимательным; такие же требования предъявляют при диктанте в школе, а разрыв в требованиях быть не должно. Диктовать нужно в обычной разговорной манере (опять-таки как диктуют в школе). Лишь на словах, которые трудны, следует остановить внимание, попросить, чтобы ребенок, прежде чем написать, четко и правильно произнес это слово по слогам.

Заключив диктант, предложите ребенку внимательно его перечитать (лучше каждое слово по слогам) и

исправить ошибки, если он их найдет. Затем, сверяя диктант с текстом сборника, проверьте его сами и подчеркните те слова, где есть ошибки. Дайте ему подумать, как написать эти слова правильно: там, где он затрудняется, исправьте сами. Пусть теперь он сумеет объяснить свою ошибку, то есть вспомнит все-таки правило, по которому слово нужно написать именно так.

Если же он не сумеет этого сделать, то пусть под внимательнейшим вашим контролем выпишет каждое слово, где была допущена ошибка, правильно и подчеркнет место, где было исправлено. Пусть затем эти слова выпишет в особую тетрадку (снова подчеркнув, что нужно) и выучит их, произнося правильно (и снова — по слогам).

На следующий день начните занятие с того, что попросите ребенка произнести злополучные слова по слогам. Затем продиктуйте их, проверьте, правильно ли они написаны на этот раз. Возвращайтесь к ним и в последующих занятиях, повторяя устно, вводя их в предложения для записи, чтобы правильное их начертание врезалось в память ребенка. Каждая новая письменная работа будет давать ряд новых слов, с которыми придется познакомиться. Позже можно будет дать специальный диктант из этих слов.

Всего несколько занятий — и вы увидите, на какое правило ученик делает ошибок больше всего. Поможет вам, конечно, и консультация с учителем. Полезно вместе с ним еще раз посмотреть тетради для контрольных работ — здесь характерные для ребенка ошибки также могут повториться с особой очевидностью.

Теперь можно начинать уже непосредственную борьбу с ошибками.

Предположим, ваш «неудачник» чаще всего делает ошибки, записывая вместо *дуб* — *дуп*, вместо *мороз* — *морос*, *скака* вместо *сказка* и т. п., то есть на правило правописания звонких согласных в конце слов и перед глухими согласными.

Не торопитесь сразу браться за главное правило. Предложите сначала повторить и хорошо запомнить звонкие и глухие согласные, уяснить разницу между ними, вспомнить, как отличить гласные от со-

гласных. На следующем занятии уже приступите к самому правилу.

Правило нужно запомнить и, главное, понять, что стоит изменить слово так, чтобы после согласного стоял гласный, и сразу становится ясно, какой звук произносится и какую букву надо писать (*дуб* — *дубы*, *мороз* — *морозы*, *сказка* — *сказочка*).

Теперь, найдя в «Сборнике диктантов» соответствующий раздел, вы можете приступить к работе над преодолением ошибки.

Каждый раз, начиная занятие, вы снова и снова предлагаете ребенку вспомнить правило, разбираете ряд примеров: «А как ты напишешь слова: *флаг*, *трубка*, *шубка*, *салазки*, *голубка*?» Он записывает под диктовку ряд слов на это правило (их можно выбрать из того же сборника диктантов, из учебника). Затем — предупредительный диктант. Предупредительным его называют потому, что главная задача его — предупредить ошибку, не позволить ее допустить.

Проводится этот диктант так: после того как вы прочитали текст целиком и диктуете первое предложение (скажем, «*В сильный мороз беги нос*»), ребенок не записывает его сразу. Сначала вы спрашиваете: «Как ты напишешь слово *мороз*?» — «*Мороз* — на конце «з», потому что, если изменить, будет морозы; «з» слышится ясно». — «Вспомни правило». Ребенок его вспоминает. «Теперь произнеси это слово по слогам». — «*Мо-роз*». — «Что ты напишешь после «м»?» — «О». Если он уже знает, что это безударный гласный, — хорошо, пусть скажет; если это еще не усвоено — достаточно пока, что он четко произнес звук: значит, на письме он не сделает ошибки. Трудное слово здесь и *береги*, его тоже нужно произнести четко и по слогам. А слово *нос* — опять-таки в соответствии с правилом — изменить (*носы*). И только после такого разбора ребенок берется за перо. И так — с каждым предложением. В конце, если ошибки все же были сделаны, работа над ошибками, как обычно.

Постепенно ребенок повторяет и твердо усвоит уже ряд правил. Тогда в предупредительном диктанте вы будете вспоминать не одно какое-

то правило, а все те, с которыми уже имели дело. Но это, разумеется, будет не сразу.

Теперь об объяснительном диктанте. От предупредительного он отличается тем, что здесь, наоборот, сначала предложение записывается, а затем уже ученик объясняет, почему он написал то или иное слово именно так, вспоминая нужное правило.

Полезен и диктант зрительный. Вы пишете на листе бумаги предложение, взятое из того же сборника диктантов (орфограммы лучше выделять). Предлагаете его прочесть один-два раза, затем записать (листок, естественно, убрал). Затем следующее. После того как диктант написан, пусть его проверит сначала сам ребенок, а уж потом вы. Если есть ошибки, работа над ошибками как обычно.

Еще один вид занятий: возьмите из учебника или из сборника диктантов текст, перепишите его, пропустив буквы, и предложите ребенку вставить их. Например: «*Ст.ной ст.ял др.мучий лес; В ч.ще пели солов.и; Бледн.. зеленая б.ре.ка тих. тр.петала под ветр.м*». Доказывая, почему надо вписать именно эту букву, а не другую, ребенок или изменяет слово, или говорит правило.

Вообще в любом виде работы надо сразу подтвердить правило примером, а то или иное написание — правилом, на котором оно основано. Это важно, потому что главная беда ребенка не в том, что он «ничего не знает». Знает! И знает многое. Но вот связь правила с практикой письма у него слаба. Как выражаются учителя, «практический навык» недостаточен. Вам и надо добиться, чтобы школьник научился применять правило и, следовательно, не допускать ошибок.

Полезен, наконец, и самодиктант, или письмо по памяти. Взяв небольшой отрывок прозы или строфу стихотворения, вы выделяете в нем орфограммы, анализируете их с ребенком, а затем просите выучить текст. На следующем занятии предлагаете припомнить его и произнести вслух, а затем записать по памяти («*Жгуч мороз трескучий. на дворе темно, серебряный иней запушил окно*» и т. д.). А затем обычная работа (проверка, анализ

ошибок, повторение правил, придумывание схожих примеров и т. д.).

А есть ли какая-нибудь польза от простого списывания с книги? Безусловно. Списывание закрепляет в памяти «облик слова», развивает внимание. Но чтобы эффект был больше, оно обязательно должно сопровождаться сверкой текста и работой над ошибками. Непроизвольное запечатление «облика слова» происходит, кстати, и при чтении. Вот почему среди «читающих» детей редко встретишь неуспевающего по русскому языку.

Возможно, при чтении этих советов у кого-то возникло опасение: а не перепутаю ли я, не объясню ли чего-нибудь не так? А вдруг я сам забыл многое из того, чему учится мой ребенок?

Настоятельно прошу таких сомневающихся поверить моему многолетнему опыту — если ваша работа будет идти последовательно, без ненужной торопливости, многое забытое само восстановится в вашей памяти; наконец, всегда можно обратиться за советом и помощью к учителю.

Не огорчайтесь и не отчаивайтесь, если вы сразу не ощутите результатов своей работы. Польза обязательно будет, но следует запастись терпением.

Не изнуряйте ребенка; на занятиях нужно отводить никак не больше одного часа в день.

Каждый успех ребенка отметьте и поощрите: «Вот видишь, вчера ты в этом слове сделал ошибку, а сегодня уже нет»; «А сегодня у тебя на одну ошибку меньше, чем вчера». Когда же дело идет хуже, чем вчера, — не упрекайте малыша, не подрывайте веру в успех, надежду, что он выбирается из числа отстающих. Мы, взрослые, и то частенько впадаем в уныние при неуспехе, а для ребенка, только что начавшего школьный путь, веру в свои силы не заменишь ничем.

М. ПОДГОРНАЯ,
педагог начальных классов
Ленинград

ГЕОМЕТРИЯ БЕЗ НЕДОМОЛВОК

О новом учебнике геометрии для 6-го класса

— А нам учительница совсем не так объясняла.

— А в классе мы это делали не так.

— И в учебнике не так, как ты говоришь.

Все это, так сказать, скромные варианты. Нередко встречаются и более категорические сентенции:

— Послушаешь тебя — только двойку получишь.

— Ничего ты не понимаешь, вас вообще неправильно учили.

Такие преподношения родителю, пытающемуся помочь своему отпрыску, не были уникальными и в былые времена. Теперь же, с переходом средней школы на новые программы, число их неуклонно растет. Все чаще появляются такие ситуации, когда родители, хорошо помнящие тот или иной вопрос из школьного курса, никак не могут поверить, что их знания в какой-то части безнадежно устарели. Особенно это касается математики, о которой в быту принято говорить: что бы там ни было, а дважды два всегда останется четыре.

В этой связи представляется поучительным заглянуть вместе с читателем в тот новый учебник геометрии, к изучению которого приступают в этом году наши шестиклассники, попытавшись в самых общих чертах выяснить основные новшества в нем.

— Но при чем здесь родители, не им же учить эту новую геометрию, — скажет иной читатель. Действительно, родителям, которые по каким-то причинам не помогают своему ребенку в изучении математики, все выше- и нижеизложенное, по-видимому, ни к чему. Настоящая статья адресована не им, а всем остальным родителям, число которых достаточно велико (в младших и средних классах помогать дома по математике — скорее норма, чем исключение).

*

Итак, что же нового в геометрии для шестого? Прежде всего, здесь более настойчиво, чем это делалось во всех предыдущих учебниках, внедряется принятый во всей математической науке аксиоматический метод. Метод этот заключается, говоря попроще, в том, что при рассмотрении математических понятий и фактов не должно быть никаких недомолвок, а все то, что только подразумевается, — не в счет. Если ты впервые назвал какое-то математическое понятие — тут же дай ему определение, или изволь открыто признать его первичным (начальным), неопределяемым; если ты высказал какое-то утверждение — изволь доказать его или во всеуслышание заявить, что принимаешь его без доказательства с тем, чтобы позже использовать его для доказательства других утверждений. Говоря более лаконично, каждое понятие либо должно быть отнесено к первичным, принимаемым без определения, либо ему дается определение на основе ранее введенных понятий, а каждое утверждение либо принимается без доказательства (аксиома), либо доказываем (теорема) на основе аксиом или ранее доказанных теорем.

Если читатель хорошо знаком с этим методом или только сейчас уловил его существо, он не будет удивлен тем, что в новом учебнике даются определения даже таким понятиям, как «точка лежит между двумя точками», «одинаково направленные лучи» и т. п. Не будет для него большой неожиданностью и то, что учащемуся предлагают установить, является ли отрезок (как множество точек) частью той прямой (тоже как множества точек), на которой он лежит, или же тре-

буют от ученика ответа на вопрос: если точка лежит между точками А и В, то лежит ли она между точками В и А? Причем теперь вовсе не достаточно сослаться на чертеж и ответить просто «да» или «нет»: ответ должен быть обоснован с помощью определений, аксиом и теорем.

Новой является в учебнике трактовка понятий равенства фигур и параллельности прямых. Теперь равными считаются только полностью совпадающие фигуры. Если же две фигуры совершенно одинаковы, но расположены в разных местах, их называют конгруэнтными, так как это два различных множества точек плоскости. А две прямые называются параллельными не только тогда, когда у них нет общих точек (и они лежат в одной плоскости), но и в случае, когда все их точки общие, то есть прямые совпадают.

Интересно, что в учебнике подробно объясняется, зачем понадобились именно такие определения. Обращает на себя внимание предельная четкость и общность определений. Так, к примеру, фигурой называется в новом учебнике любое множество точек, что позволяет считать фигурой как все пространство, так и отдельную точку. Значительно шире, чем в двух предыдущих классах, используется в геометрии шестого класса язык теории множеств. Наконец, важнейшей особенностью нового учебника является преобладание задач на доказательство и исследование над задачами вычислительными.

А нужен ли подобный уровень строгости уже в шестом классе? Зачем лишать учащегося права сослаться иногда на интуитивно очевидные наглядные представления? Не оторвем ли мы таким путем геометрию от ее практических применений? Все эти вопросы спорные и сложные и решить их не так-то просто. И вряд ли здесь целесообразно заниматься их обсуждением. Но одно (с моей точки зрения, самое главное) соображение в поддержку нового учебника считаю необходимым здесь провести.

Как известно, важнейшей задачей изучения школьной математики является воспитание мышления. Задача эта заключается не только

в том, чтобы привить ученикам элементы самостоятельности мышления, но и в том, чтобы научить их рассуждать точно и доказательно. Последнее означает, что необходимо неусыпно следить, чтобы учащийся не выдавал за доказанное то, что только приблизительно намечено, и не жонглировал терминами, лишенными точного смысла (по крайней мере, в курсе математики). Этой цели как нельзя лучше может служить новый учебник, накладывающий вето на приблизительные доказательства и смутно понимаемые понятия. Нет сомнений, что общая тенденция нового учебника правильная, хотя не исключено, что кое в чем он излишне строг.

Что же должны сделать в этих условиях родители, пытающиеся помочь своим детям в изучении новой геометрии? Многим из тех, кто не приемлет вышеприведенные соображения относительно дисциплины мышления (или просто никогда не задумывался над этим), отдельные места в учебнике могут показаться заданиями для бесплодного умствования. И если это случится с некоторыми родителями, их обязанность все-таки — воздержаться от открытого сообщения своего мнения шестикласснику. Нетрудно себе представить, насколько вредным для убеждений учащихся было бы такое негодующее замечание их родителей: «Ну, здесь авторы учебника совсем намуद्रили: зачем напрасно доказывать, что отрезок является частью прямой, если это и так ясно как божий день. Не геометрия, а какая-то схоластика».

Но воздержаться от ненужных высказываний — это, так сказать, только пассивная помощь школьнику. От человека, стремящегося помочь своим детям по-настоящему, требуется нечто большее. Дело в том, что включение в учебник большого числа упражнений на доказательство и исследование имеет своей целью научить школьника самостоятельно доказывать несложные теоремы с таким же успехом, как он решает задачи по алгебре. А это задача нелегкая. И здесь большую помощь могут оказать родители.

Весьма желательно, чтобы как можно чаще (особенно в первом по-

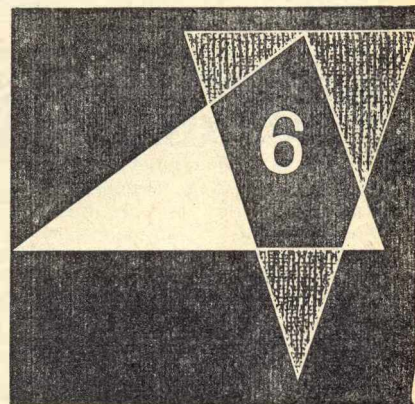
лугодии) ученик рассказывал дома, как он будет доказывать завтра в школе то или иное утверждение. Слушая такое доказательство, следует, по мере возможности, следить, чтобы не пропускались отдельные звенья в основных рассуждениях, чтобы безошибочно воспроизводились формулировки. При этом необходимо, в случае появления каких-то неточностей, останавливать говорящего вопросами: «На каком основании ты это сказал?», «Откуда это следует?», «Не пропустил ли ты одно нужное слово?» и т. п. Другими словами, не следует заниматься просто разучиванием теоремы как стихотворения.

Из всего вышеизложенного напрашиваются следующие выводы. Родители, желающие оказать действительную помощь своим детям, должны сами в какой-то мере вникнуть в новый учебник, приноровиться к его духу и букве. Не следует упорно отстаивать свою точку зрения, не разобравшись в том, как вопрос трактуется в новом учебнике: знания прежней геометрии и обычного здравого смысла может оказаться мало.

В заключение хочется выразить надежду, что многие родители, детям которых посчастливилось первыми учить геометрию по новому учебнику, не ограничатся рассмотрением его обложки и будут внимательно следить за успехами своих наследников.

И. МАРНЯНСКИЙ.

кандидат педагогических наук
г. Николаев

К Аракелянам меня провожал Герасим Мнацаканович Погосян, директор разданской средней школы № 4. По специальности он географ. Пишет диссертацию о Раздано-Севанском промышленном узле. Уже 20 лет работает в Раздане. Тут все знают его, и он знает всех. Погосян рассказал, что в былые времена места эти считались самыми отсталыми, самыми нищими. Настоящую одежду и настоящие сапоги во всей деревне носил один человек — священник. Жили трудно, дорог не было. Теперь Раздан упоминается даже в Директивах XXIV съезда партии. Здесь 35 тысяч жи-

строили в 1907 году. И Гарегин Аракелян, в дом которого мы сейчас идем, выполнил на той стройке почти все столярные работы. В первой разданской школе ныне индустриальный техникум. И когда года два назад решили сделать в техникуме ремонт, обнаружили, что пол в здании починки не требует — дед Гарегин сколотил его на века. И всем своим детям — трем сыновьям и трем дочкам, всем своим внукам и правнукам — а их более полусотни — сумел он передать уважение и любовь к труду.

Всю жизнь Гарегин не только сам столярничал, но и в школе преподавал столярное дело. Потом, уйдя на пенсию, хоть раз в неделю навещался в школу, ходил по классам, проверял крышки у парт, столы, стулья, если надо, чинил, красил. Любит дед пчел. Развел у себя пасеку. А потом решил подарить ее школе.

И вот мы в доме, где живут Аракеляны в возрасте от 90 до 14 лет. Девяносто деду Гарегину. Он глава семьи, первый разговор с ним.

— Меня пытаются: «Гарегин-джан! Почему у тебя все дети и внуки хорошие?» А ответ мой короткий: самое главное — дружба двух семейных лиц, мужа и жены. Вот и сын Грант скажет: «Старик прав».

Грант соглашается:

— Никогда не слышал, чтобы мои родители ссорились. И мои дети не слышали, чтобы мы с Засе ругались.

— Сколько помню себя, столько помню отца и мать всегда внимательных друг к другу и очень друг друга уважающих. — Это говорит старший сын Гранта, студент Ереванского университета Маис.

— Они никогда не ссорятся. Я даже не слышал, чтобы они из-за чего-нибудь пререкались. — Это второй сын — мастер завода Марзпет.

А вот слова единственной дочери Гранта и Засе, студентки пединститута Звард:

— Я желаю себе мужа такого, как мой отец. А сама учусь семейному искусству у матери. Как нам их не уважать, когда их все уважают? Отец всю жизнь учится. Окончил два института: он учитель и инженер. И в школе, и на заводе о нем говорят только хорошо. Его от партийной организации комбината рекомендовали председателем родительского комитета предприятия. В семье у нас нет лишних денег. И когда надо купить какую-то вещь в дом или что-нибудь из одежды, устраивается семейный совет — и решаем: кому и что в первую очередь. У нас замечательные книги и альбомы по искусству. Тут отец

АРАКЕЛЯНЫ ОТ 14 ДО 90

телей, и постоянно приезжают новые люди, селятся в новых домах и работают на промышленных предприятиях. Тут 300 учителей с высшим образованием, 100 врачей, 60 агрономов и зоотехников, 100 инженеров и почти 7 тысяч учащихся. Дом культуры, три кинотеатра, три больницы. Недавно построили новую поликлинику. О школах я уже и не говорю: они современные, со спортивными и актовыми залами, хорошими кабинетами.

А первую школу в Раздане по-

совета не спрашивает. И денег на это не жалеет. А ведь они стоят дорого. Зато такое наслаждение читать их, рассматривать репродукции картин. — Звард улыбается. — Мне иногда кажется, что я могу водить экскурсии по Эрмитажу, хотя не была там... Отец был. Не один, конечно, вместе с мамой. Они всегда вместе ездят. В прошлом году по Волго-Донскому каналу, теперь собираются в Крым. У мамы нет образования, но она труженица. Ее портрет — на Доске почета текстильной фабрики. Она ударница коммунистического труда. Когда родители возвращаются из поездки, все рассказывают нам. Это самые замечательные вечера в доме. Мы все, да еще соседей соберется полно. А папа и мама рассказывают, показывают каталоги, альбомы...

В воскресенье, когда я пришла к Аракелян на семейный обед, я с удовольствием слушала, как поют и играют дети Гранта, смотрела, как они танцуют, любовалась чеканкой (работой старших сыновей Гранта).

Директор школы говорил мне: «В этой семье все одаренные». Не знаю, сколько у детей Гранта от природы, но вижу, что способности здесь умно и кропотливо воспитывают. Вижу и то, что Звард назвала семейным искусством. При мне Грант принес домой разную зелень. Жена радостно благодарила его. Потом Грант ушел, детей в кухне не было. Засе посмотрела редису — крупная, красивая на вид, она оказалась трухлявой внутри. Засе покачала головой: «Не умеют мужчины делать покупки».

— Что же вы ему не сказали?

— Не хотела огорчать Гранта. Он купил, он принес — спасибо ему. Нельзя мужа по пустякам огорчать. Я стараюсь, и дети должны стараться радовать отца. Радовать и пустяками можно...

Я вспоминаю эту редису, когда Грант говорит, что ум сказывается в умении не обращать внимания на пустяки, в умении не делать из них повода для упреков. «Ну да, — соглашаюсь я, — конечно, не стоит попусту огорчать любимого человека». И вдруг слышу:

— Любовь, да, она многое подсказет. Но есть еще долг друг перед другом. Если долг не сознавать — все плохо. Я до женитьбы свою Засе не видел. Таков был обычай. Его и сейчас некоторые соблюдают. Я считаю — плохой обычай. Мне повезло: Засе прекрасная женщина. Но могло и не повезти. Я бы хотел, чтобы все мои дети нашли себе спутников сами, без сватовства, по любви. Но чтобы обязательно о долге помнили. Семья — это очень от-

ветственно. Молодые, когда женятся, должны знать: это союз на всю жизнь...

— Но может же сложиться так...

— Может. Бывает, пропала любовь. Вместе невыносимо. Тогда, конечно, развод — благо. Но создавая семью, надо думать, что только крайний, самый крайний случай может развести. В нашей семье не разводятся... Мы это знали, и дети наши знают. И пусть серьезнее думают о важном жизненном шаге, пусть помнят, что любовь без долга не крепка, скоротечна. Старые обычаи надо не просто забыть, отбросить, надо их обдумать...

— Вы говорите об этом с сыновьями и с дочерью?

— Если только к слову придется. А специально что ж говорить — сами видят...

«Сами видят» — эти слова воскресили, наполнили особым смыслом то, что я наблюдала. В час «пик» ехала я в переполненном ереванском автобусе. Двери настежь, на подножке «висит» несколько человек. Остановка. Сгорбленная старушка подошла к дверям. И... мгновенно освободилась площадка. Высокий юноша с модной прической буквально на руках внес старушку в автобус, где ей уже приготовили место. А через несколько остановок ее так же бережно ссадили. Старушка не благодарила. Она держалась со строгим достоинством и знаки внимания принимала как должное.

Потом, в городе Раздане, в селе Цахкадзор, я часто видела на улицах очень старых мужчин, очень старых женщин. Видела, как уступали им дорогу, как уважительно здоровались с ними. Они, как и та ереванская старушка, были сгорбленными, опирались на палку. Но не были они жалкими. Были гордыми.

Вот и деда Гарегина на родительском собрании в школе сажают на лучшее место. Он очень интересуется учением внуков; впрочем, все в Раздане внимательно к образованию детей. На родительские собрания, как правило, ходят не только матери, но и обязательно отцы, деды, бабушки.

В здешних семьях принято любовь семейную радость отмечать сбором всей родни, всех друзей. Последнее время в числе таких торжественных семейных событий — вступление юношей и девушек в комсомол. Устраивается большой обед, танцуют, поют. Не специально молодежный праздник — праздник всех. Старики приходят непременно. «Это дорогой час — видеть такую честь молодого», — сказал мне старый Аракелян.

Но однажды в Цахкадзоре нам встретилась на улице старая женщина. Она шла опустив голову, не поднимая глаз. Мои спутники не только не поздоровались с ней, но даже не смотрели в ее сторону. Потом объяснили: сын этой женщины совершил бесчестный поступок, мать заступилась за него. И вот окружена одиночеством.

Традиционное уважение к старшим — не слепое поклонение и повиновение. Старшие это понимают и дорожат таким уважением. «Строгим и добрым должен быть человек», — сказал старый Аракелян. Ни он, ни его сын Грант не торопятся «власть употребить» в отношении к детям. Я передаю слова Гранта Гарегинича:

— Я никогда не обращаюсь к детям с просьбой два раза. Достаточно одного. Но я обращаюсь, если точно знаю, что они меня поймут. У нас говорят так: пусть дети зря не лютуют слез, иначе у них не останется слез, чтобы плакать на могиле родителей... У Звард были длинные, красивые косы. А все ее подруги стали носить короткие прически. Звард тоже решила остричь волосы. Засе сказала: «Нельзя». Звард в слезы. Я поговорил с Засе — зачем из-за кос человека расстраивать. Утром Засе сказала дочери: «Хочешь, иди в парикмахерскую».

Я и отец любим симфоническую музыку, народные песни. А детям джаз нравится... Мы и дети — разные поколения. У каждого поколения — свои песни. И нам, и молодым надо уметь слушать и те, и другие...

Грант Гарегинич добавляет:

— Но родительская твердость необходима и в большом, и в малом. Помню, Звард была еще маленькая. Мы начали обедать, а она капризничает, не идет к столу. Мы все съели и разошлись. Она к матери: «Что же вы мне ничего не оставили? Я есть хочу!» Засе ответила: «Пока ты капризничала, мы пообедали. Теперь жди ужина». А ведь Звард — одна дочь, она любимица в семье.

...Мы разговариваем, а в дом то и дело заходят знакомые, соседи, родственники. Я не раз была в доме Аракелянов. Всегда, кроме них самих, тут был кто-то еще.

К старому Гарегину приходят за мудростью.

К Гранту Гарегиничу — за знаниями.

К Засе — за лаской.

К их молодежи — за весельем.

Это дом, где жизнь устроена умно, спокойно и весело.

*И. КРАСНОПОЛЬСКАЯ,
специальный корреспондент
«Семьи и школы»*

ТАКОЙ ДЛИННЫЙ ПРОДЛЕННЫЙ ДЕНЬ

«Продленный день: вопросы, опыт» — так назывались заметки Н. Зозулиной, напечатанные в № 2 «Семьи и школы» за этот год. Они вызвали заинтересованные отклики. Один из них мы публикуем. Заслуживает внимания вывод, сделанный автором из своего опыта: «Главное в группе продленного дня — полноценный отдых и доброжелательная атмосфера».

... Моя предшественница передала мне группу продленного дня с видимым удовольствием: преподаватель биологии, она получала наконец возможность работать по специальности.

У меня был довольно солидный опыт воспитателя детского сада, но с группами продленного дня я не имела дела. Да и пособий достать никаких не удалось.

Группу посещали ученики 1—5-го классов, главным образом отстающие и недисциплинированные (само направление в группу выглядело наказанием за нерадивость). Естественно, от меня ждали прежде всего, что я обеспечу приготовление детьми «домашних» заданий и тем самым поспособствую улучшению их успеваемости... Но первые же дни убедили меня в том, что надежды эти при заведенном порядке я вряд ли оправдаю.

Группа располагалась в обычном классе. Как только кончались учебные занятия, сразу же после них,

я должна была проводить «самоподготовку» («А то разбегутся!»). На это уходило два—два с половиной часа. Затем вела детей на обед — обязательно «строем». Из столовой, «строем» же, возвращались в класс, где работали еще час-полтора. Через каждые 45 минут — пятиминутный перерыв. По сути это был второй учебный день!

В оставшийся час я должна была провести беседу на заданную тему, или «встречу», или другое мероприятие. Затем подвести «итоги дня», иначе говоря, обсудить на группе нарушителей дисциплины (их хватало с избытком). Отпустив ребят, я оставляла отдельных неуспевающих и занималась с ними.

Качество «самоподготовки» было низкое, дети возбуждены, в классе шум, доходило и до драк. На прогулки и игры времени не оставалось. Отдельные ученики бросали группу, а учителя направляли в нее новых. Текучесть невероятная! Я чувствовала себя бессильной и временами впадала в отчаяние.

Только в субботу (домашних заданий не было) жизнь группы удавалось наладить по-другому. Мы ходили в лес и парк, совершали походы, вели наблюдения, устраивали подвижные игры. Поразительно! Дети преобразались, становились жизнерадостными, дисциплинированными, дружными. Им все было интересно!

Вот эти дни и заставили меня понять главное. В группу ребенок приходит совсем не таким, каким он пришел утром в школу — полным сил и бодрости, а утомленный физически и умственно после четырех-пяти часов занятий. В чем нуждается он прежде всего? В хорошем отдыхе — активном, обязательно на свежем воздухе, достаточно длительном — не менее двух часов. И время это должно быть таким же неприкосновенным, как время уроков в школе. Никакие развлечения не могут заменить пребывание детей на воздухе. Оно необходимо и для успешной «самоподготовки».

В конце концов удалось перестроить режим. В любую погоду сразу

же после занятий мы играли на школьном участке или отправлялись в лес. Брала с собой коврик, мячи, скакалки, бумагу, книги, флажки. Шли свободно, без строя. По пути всегда возникала непринужденная беседа, в нее включались все дети. Темы — самые различные: явления природы, погода, выбор профессии, правила уличного движения (около школы проходит шоссе), прочитанные книги и просмотренные фильмы, всякие «случаи из жизни». Такие беседы очень увлекали ребят, учили их наблюдать, излагать свои мысли, тренировали память.

В лесу мы выбирали полянку, стелили коврик и располагались на отдых. Детям я предоставляла полную свободу в выборе игр или занятий. Они пускали самолетик, делали зарисовки, собирали цветы, листья, плели венки и искали грибы (у нас и в январе грибы бывают), играли в мяч, прятки, салочки. Набегавшись, усталые и счастливые, рассаживались на коврике и просили: «Почитайте...» Я читала сказку. Ребята особенно любили слушать под шелест сосен, под лесные шорохи, под чириканье птиц, под легкое дуновение ветерка. Все становилось какими-то умиротворяющими и ласковыми.

За 15 минут до окончания отдыха (всего он занимал два—два с половиной часа) я напоминала дежурным об обеде — они шли вперед и сервировали столы. Из леса мы приносили букеты и дарили их работникам столовой. Потом мыли руки и садились за стол. (Замечу в скобках, что одно время дети обедали сразу после уроков. Но быстро выяснилось, что едят они без желания, иногда совсем отказываются от еды. Дело в том, что они не успевали проголодаться, ведь в 11—12 часов на перемене они получали молоко с булочкой).

Победая, каждый относил свою посуду в моечную и отправлялся в класс. Несколько минут отдыха, и все принимаются за приготовление домашних заданий.

Я следила за работой учеников,

проверяла выполненные задания и ставила оценку. Хотя она была «неофициальной», но ребята ею дорожили, показывали дома родителям. Конечно, я не могла сама все проверить, поэтому на помощь привлекала более сильных учеников, организовывала взаимопроверки. Это нравилось детям, они старались быть внимательными, проникались чувством ответственности за работу товарищей. Выполнявшие задание шли на воздух поиграть. Времени на самоподготовку стало уходить вдвое меньше, не более полутора часов.

А потом дети рисовали и лепили, конструировали и играли в настольные игры, читали и слушали чтение, смотрели диафильмы. Я проводила небольшие общие беседы, организовывала интересные для учеников встречи. В 5 часов вечера напоминала: пора идти домой. Но, увлеченные занятием или игрой, дети просили разрешения «остаться еще». Я уходила в класс для занятий с теми, кто нуждался в индивидуальной помощи.

Число таких детей постепенно уменьшалось, все стали успевать. Заметно улучшилась дисциплина. Постоянным стал и состав группы. От родителей было много благодарностей.

Из своего опыта я сделала твердый вывод. Главное в группе продленного дня — полноценный отдых и доброжелательная атмосфера. Будет это — будет и все остальное: хорошее приготовление уроков, разумная дисциплина, детская дружба.

Большую помощь мне оказали статьи замечательного педагога В. А. Сухомлинского, полные высокой человечности и коммунистической гражданственности. Они заставляли меня вдумываться в каждый шаг работы, проверять свое отношение к доверенному мне маленькому человеку со всеми его возрастными и индивидуальными особенностями, со всеми его радостями и огорчениями. Я убедилась, что работа в группах продленного дня требует особого душевного настроя.

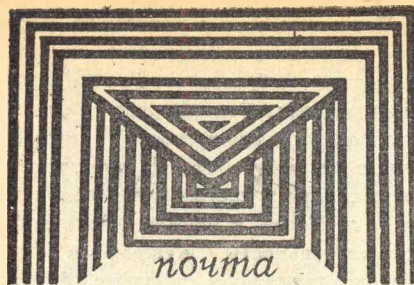
Несколько слов о родителях. Первое время я обращалась к ним главным образом со всякими претензиями. Это разрушало контакт между нами, хотя родители часто бывали в группе, старались помочь мне, участвовали в походах и т. д. Потом я поняла, что в доброжелательности нуждаются не только дети, но и взрослые. Встречаясь с отцом или матерью ученика, я в первую очередь обращала их внимание на хорошие черты в облике и поведении ребенка. А потом говорила: «Ваш Вася сегодня был рассеян. Он, видимо, не выспался. Постарайтесь, чтобы он своевременно ложился, а перед сном побыл часок на воздухе. И проследите, достаточно ли проветрена комната, где он спит». Такие конкретные советы всегда находили живой отклик у родителей. На другой день мне докладывал ученик: «Я вчера лег спать, как вы сказали. Хорошо выспался и сегодня отлично себя чувствовал на уроках...» Родители стали чаще и смелее обращаться ко мне со всякими вопросами, и мы все больше сближались.

Если ученик, бывало, в чем-либо провинится, я не спешила обращаться с жалобой к родителям. Проступок разбирали с ним, и слово, которое он давал, не подлежало дальнейшему обсуждению или сомнению. Это очень ценили ребята, и наши взаимоотношения становились все более искренними и откровенными.

Может быть, потому, что я работала в смешанной, то есть составленной из учеников разных классов группе, я считаю, что именно такая группа больше всего подходит для продленного дня. Старшие дети — отличные помощники воспитателя. Помогая младшим, они сами многому учатся, развивают в себе хорошие качества. Младшие, в свою очередь, охотно подражают старшим, обращаются к ним за помощью, привязываются к ним. Получается, как в большой и дружной многодетной семье...

В. ПРИСТУПА

г. Гурзуф

расследования

форменная неразбериха

Вот какое письмо мы получили. Писала мать одного из учеников 6-го класса «В» 157-й школы Ленинградского района Москвы:

«В нашей школе требуют пришивать к форменным пиджакам белые воротнички. Родители пробовали возражать против такой «моды», но если мальчик приходит без белого воротничка, ему делают замечание. Но ведь ученики и так носят под пиджаком рубашку с воротником. И еще сверху воротник! Получается нелепо и некрасиво. Может быть, вы поставите этот вопрос в журнале?»

Честно говоря, нам хотелось бы поставить в журнале какой-нибудь другой вопрос. Дело в том, что проблемы-то здесь никакой нет. И все-таки...

Говорит Сергей Михайлович ХЕЙКЕР, автор принятой модели школьной формы, художник Общесоюзного дома моделей:

— В свое время, когда коллегия Министерства просвещения РСФСР утверждала форму, подробно и тщательно обсуждались все детали одежды, вплоть до застежки и карманов. Никакого белого воротничка на пиджаке нет и быть не может. Видали вы когда-нибудь нормального взрослого человека, который пришел бы к своему пиджаку воротничок? Почему же надо выставлять на посмеище детей? Читательница совершенно права. Это некрасиво. Права она и в том, что это нелепо — между воротником пиджака и шеей лежит уже воротничок рубашки, так что и «гигиенические соображения» тут ни при чем. Быть может, этот белый воротничок идет от желания улучшить форму, сделать ее «повзрослее»? Над улучшением формы

работают модельеры (вместе со швейниками, текстильщиками, химиками). Самодельные же улучшения ни до чего хорошего не доводят. Ни с гигиенической, ни с эстетической точки зрения дополнительный белый воротничок теперешнему школьному костюму не нужен. Ни в одной модели: ни для учеников младших классов, ни для старшеклассников он не предусмотрен.

Но вот сообщение старшего товароведа отдела текстильных товаров и галантереи «Детского мира» Анны Ивановны ЮГОВОЙ:

— Ежегодно мы продаем десятки тысяч воротничков для мальчиков. Да, спрос большой. Из Киева везем товар, только чтобы угодить покупателю. Нет, это не специальные воротнички для школьных пиджаков. Кто их разрешит производить? Их в природе нет. Это уж родители сами приспособляют своим сыновьям широкие воротнички, предназначенные для форменных платьев девочек.

Если бы мальчишки знали, в чьих воротничках они шеголяют! Вот и пусть знают теперь...

Но, позвольте, десятки тысяч... Это не простое, значит, недоразумение в одном классе одной школы?

Хорошо, попробуем пройти всю лесенку от этого класса до Мосгороно.

Мария Михайловна ЛАСКАРЕВА, классный руководитель 6-го класса «В» 157-й школы:

— Как мать, про себя ругаю эти воротнички: возни и хлопот с ними много. А по должности приходится их требовать. В школе раз в четверть проводится «фотодень». Я как член местного комитета (куда входит еще школьный врач, представители комитета комсомола и пионерской дружины) следю за тем, чтобы ученики приходили в школу в отглаженной форме, аккуратно подстриженными, в начищенных ботинках, и чтобы был подшит белый воротничок — это требование руководства.

Завуч 157-й школы Маргарита Тимофеевна ШАРОВА:

— Руководство школы — за белый воротничок. Ребята выглядят аккуратно: белое — значит, чистое, свежее. И на учеников приятно смотреть. Инструкции? Разъяснения министерства? Выступления печати? Не помню... Мы не хотим отставать от других школ. Правда, на этот счет мнения разделились: одни учителя поддерживают нас, другие — против.

И действительно, некоторые учителя стараются обойти подобные требования руководителей школ. Уз-

нав об этом, заведующая Ленинградским районным отделом народного образования Валерия Викторовна ДОЦЕНКО говорит:

— Никуда не годится, когда в школе нет единых требований. Раз установлен белый воротничок, он у всех должен быть. Лично я — за белый воротничок.

Валентина Павловна АСТАХОВА, начальник сектора школ Московского городского отдела народного образования:

— При проверке школ не делаем замечаний, если ребята без белых воротничков, и не возражаем, когда они есть...

Вот так.

О воротничках наш журнал пишет не в первый раз. Еще в 1969 году давал разъяснения по этому вопросу заместитель начальника Главснабпроса Министерства просвещения РСФСР Г. В. Филимонов. На эту же тему на страницах «Известий» выступала заместитель Министерства просвещения РСФСР Л. К. Баласная. Напомним их ответ: белый воротничок к школьному пиджаку пришивать не надо.

И что же? Оказывается, не только в школах, в районо, но и в гороно не знают об этих разъяснениях Министерства просвещения РСФСР...

Когда мы уже подготовили материал к печати, пришло в редакцию еще одно письмо. Отклик на наше очередное выступление о белых рубашках.

«Эх раз, еще раз, еще сколько, сколько раз будет журнал помещать статьи типа «Еще раз о белых рубашках»? Письмо И. Сухаревой надлежало бы редакции направить министру просвещения для принятия уже мер, с доведением до сведения всех облоно, гороно, районо и школ... Иначе все это напоминает известную басню...»

Письмо резкое. Но, признаемся, справедливое.

В конце концов дело не в белых рубашках, белых воротничках и тому подобных вещах самих по себе (хотя мы понимаем, что родителей волнует и чисто практическая сторона вопроса). Дело в том, чтобы и родителям и детям была ясна целесообразность любого требования, выдвигаемого школой. Никаких резонных оснований под белым воротничком, как видно, нет. Следовательно, надо с этой форменной неразберихой кончать.

С. КАНЕВСКАЯ,
сотрудник отдела писем
«Семьи и школы»

письма

откуда мы

Радостное, но и щемящее чувство овладевает тобой при свидании с родной школой. Да еще если оно состоялось много-много лет спустя после того, как ты в последний раз переступил ее порог.

Вот старое трехэтажное здание. Когда-то оно было самым высоким (за что и прозвали его «Лондоном»), а значит, и самым лучшим в нашем станционном поселке Купино, что в Новосибирской области. Теперь это жилой дом. Школа же еще после войны переехала в новое просторное здание.

Входим в коридор «Лондона». Здесь, за этой дверью, состоялся первый выпуск десятилетки. Выпуск нашего класса. Перед новой школой стоит серый обелиск. На нем высечены до боли знакомые имена. Владимир Аксенов... Иван Мишнев... Никифор Захаренко... Дмитрий Ковальский. Мы знали их хорошо. Но их знают и помнят те, кто учится в нашей школе сейчас. Красные следопыты бережно собирают подробности о подвигах, совершенных нашими однокашниками, рассказывают о них, пишут в своих выпускных сочинениях.

Встречаясь со своими одноклассниками, с друзьями по школе, всегда с великой радостью обнаруживаешь в них добрые качества, оставленные на всю жизнь нашими учителями Ксенией Петровной Ильиной, Василием Кузьмичом Подловым, Павлом Николаевичем Кирсаевым, Василием Никифоровичем Куниловским, Николаем Григорьевичем Фетисовым, Иваном Демьяновичем Беленко...

Ходишь по школе. Разговариваешь с теперешними учителями и их воспитанниками. И невольно ловишь себя на том, как ревнивое сравнение с тем, что было при нас, все настоящей сменяется чувством доброй

зависти и гордости за наших преемников...

Среди своих любимых учителей нынешние школьники назвали историка Анну Федоровну Третьякову, биолога Зинаиду Гавриловну Лохинову, литератора Ирину Федоровну Стрекаль. А для нас же они по-прежнему Аня, Зина, Ира — ведь все они учились вместе с нами.

И так же, как своих нынешних учителей, знают и уважают ребята тех, у кого учились мы. Прежде всего, все от мала до велика знают и чтут бывшего директора школы географа Нестора Яковлевича Величко. Не так давно обществу Купинского района торжественно отметила его 80-летие.

Нестор Яковлевич уже не преподает. Но все равно вокруг него ребята. В нашем сибирском городке никогда не выращивались яблоки, груши, виноград. Теперь все это там растет. А начало этому положил Нестор Яковлевич, многолетний и бессменный руководитель районного общества друзей природы. Улицы города, некогда пыльные и пустынные, теперь утопают в зелени. Это тоже дело его рук.

Вновь, расставаясь со школой, с особой остротой чувствуешь: а ведь школа-то всегда оставалась в тебе. И вроде бы никогда по-настоящему не расставался с ней. Потому что слишком много в тебе того, что заложено школой...

В. ЯНЧЕВСКИЙ

да, ни одной!

В шестом номере журнала я прочитала статью «Рюмка? Две? Ни одной!», и у меня появилось желание рассказать о нашей семье.

У меня родители очень хорошие. Мама работает бухгалтером, а папа директором РЭС. Да и мы уже взрослые. Старший брат учится в втором курсе политехнического института, я работаю, а младший брат учится в десятом классе.

Для нас каждое семейное торжество превращалось в маленький праздник. Все красиво одевались и садились за стол. Для нас на столе стояли бутылки с лимонадом, а папа с мамой выпивали немного вина. А после обеда мы всей семьей шли гулять. Или в парк, или на речку. Отец нам рассказывал о своих военных походах.

Когда мы повзрослели, отец бросил курить и внушил моим братьям, что курить вредно. Так они и не ку-

рили, и я надеюсь, что не будут курить.

Однажды вечером мы шли с отцом домой. И вдруг увидели человека, который спал под забором, а около него лежала собака. Было страшно на них смотреть. Мы отвернули мужнину домой. Он страшно ругался, а на другой день стыдился смотреть нам в глаза...

Я своих родителей никогда не видала ни пьяными, ни «выпившими». И мама совершенно спокойна за нас, отпуская к кому-то на день рождения или на какое-нибудь другое торжество. Дети всегда берут пример с родителей, и мы взяли его со своих.

ИРИНА Л.

Житомирская область

не только способности

В Хайбуллинском районе Башкирской АССР есть небольшое село Акъяр. Живет здесь семья Кузнецовых. Петр Дмитриевич и Екатерина Андреевна вырастили четверых дочерей. Трое уже получили высшее образование, младшая — ученица десятого класса. В этом нет ничего удивительного (у нас немало таких семей), но вот одна особенность...

Старшая, Валентина, окончила школу в 1964 году с отличием. Это была первая золотая медаль за всю многолетнюю историю существования школы. И Валя оправдала ее — с отличием окончила химический факультет Башкирского университета. В настоящее время аспирант физико-химического института Академии наук СССР в Москве. Аня Кузнецова — выпускница 1965 года и тоже золотая медалистка. После школы уехала в Оренбург, поступила на экономический факультет сельскохозяйственного института и возвратилась с дипломом экономиста в наш район, работает в Матраевском совхозе.

В 1967 году в семье Кузнецовых появилась еще медаль — ее получила третья дочь, Раиса. Она филолог, выпускница Башкирского университета. Преподает в школе Маканского совхоза в родном районе.

Получит ли медаль Люда, сказать пока трудно. Но в дневнике у нее только пятерки и четверки.

Могут сказать: повезло родителям, способные дети. Но Петр Дмитриевич и Екатерина Андреевна беспокоились за своих способных дочерей не меньше, чем другие родители. Петр Дмитриевич в разные годы был директором совхоза, заме-

стителем начальника управления сельского хозяйства района, инспектором по заготовке сельскохозяйственных продуктов. Работы эти хлопотные, но всегда находил он время, чтобы прийти в школу, старался не пропустить ни одного родительского собрания, вместе с женой занимался в родительском университете.

Никакие способности не помогут, если человек не умеет упорно трудиться, быть настойчивым и старательным. Именно эти качества и воспитали в своих детях Кузнецовы.

Р. АРСЛАМОВ.
слушатель ВПШ при ЦК КПСС

не сошлись характерами ...

— Не понимаю, — говорил недавно мой знакомый. — Валя и Андрей... Прекрасные люди. Умные, образованные. Неплохо жили. Почему они разошлись?

Количество разводов учитывается статистикой. Причинами разводов и неблагополучия в некоторых семьях обычно считают неосмотрительный выбор супругов, неподготовленность молодоженов к самостоятельной жизни, ставят в вину отсутствие долга перед семьей, супружескую неверность и даже малолетность.

Что ж, наверное, так. Но в житейских верных рассуждениях ничего не говорится о том, из чего рождается семья, о первооснове и предпосылке брака — о любви. Могут возразить, что в этих случаях и любви-то не было. В том-то и дело, что была. Ведь абсолютное большинство юношей и девушек сейчас женятся и выходят замуж по любви. Так почему же пасует любовь перед недостающими квадратными метрами жилплощади, неумением варить борщ, наплетыванием соседей или водкой? Ведь говорят же, что она всесильна. Мы не разгадаем, почему так «внезапно» исчезает любовь, если упустим не столь осязаемую, но, на мой взгляд, решающую причину — внутреннюю, духовную подготовленность молодежи к браку. Брак в наших условиях — это союз двух равноправных и материально независимых друг от друга людей. А это значит, что в прочности семейных отношений все большую роль играет именно духовная связь. Я имею в виду не общность интересов и уровней развития (миллионы людей успешно преодолели разницу в них), а нечто гораздо более глубокое — умение любить, культуру семейных отношений.

Кто-то очень верно заметил, что любовь — это тоже талант. Попробуем продолжить это сравнение. А если талант не развивать? Когда без очевидных причин после нескольких лет (или месяцев) супружества расходятся он и она (сами по себе — прекрасные люди), мы прячем свое недоумение за банальной, но ничего не объясняющей фразой о несходстве характеров. Но так ли это? Умели ли любить эти прекрасные люди?

Истинная, глубокая и совершенная любовь — продукт долгого обаяющего творчества, созидания. Кто забывает об этом, тот рискует потерять любовь. Каждый день — за обеденным столом и у телевизора, на кухне и на прогулке — насыщен сотней «мелочей». Если не уметь пользоваться ими, обращать их во зло, то семейный очаг может погаснуть.

Брак неизбежно предполагает отказ от каких-то своих привычек, желаний, налагает на супругов определенные обязанности по отношению друг к другу и к семье. Некоторые наивно полагают, что превращение из жениха и невесты в мужа и жену дает право предъявлять друг к другу какие угодно требования, которые другая сторона беспрекословно должна выполнить. Если нет, значит, «ты меня не любишь». Появляется трещинка, которая со временем превращается в пропасть. Я уверен, если бы к характеристике Вали и Андрея мой знакомый мог добавить: «душевно тонкие люди», — разрыва бы не произошло.

Сейчас все чаще раздаются призывы знакомить старшеклассников с физиологической стороной любви. Это, наверное, необходимо. Но еще более важно раскрывать им все богатство, красоту и сложность — да, сложность — ее духовной стороны.

Ю. КЛЮЕВ
г. Зеленоградск
Калининградской области

помидоры на балконе

Живем мы в городе, а очень хотелось зародить у дочки любовь к природе. Маленькая делянка за окном помогла в этом. Маша училась следить, ухаживать за цветами, рыхлила почву, удобряла, поливала, выпалывала сорняки.

Как-то я прочитала в «Ленинградской правде» о враче Серафиме Васильевне Самойловой, которая выращивает помидоры, тыквы, патиссоны и другие овощные культуры. Я обратилась к Серафиме Васильевне, и она прислала нам се-

мена помидоров «Бычье сердце». Это — удивительный сорт, плоды его достигают веса более килограмма. Наш опыт увенчался успехом. В первый год с пяти кустов на балконе мы получили 76 плодов. Своей радостью поделились со слушателями радиопередачи «Школа юннатов» и предложили желающим свою помощь. Надо сказать, что эта передача, которая носит познавательный и практический характер, полезна еще и тем, что учит ребят быть щедрыми, добрыми, отзывчивыми.

С этого все и началось. На имя Маши стали приходить письма — сотнями. Помогала отвечать, конечно, и я. Печатали на машинке инструкции, вкладывали в конверты семена. Многие просили прислать семена, когда потеплеет, чтобы в пути не замерзли. Дело в том, что сорт этот выведен в Сибири. И прежде всего откликнулись жители Магадана, Иркутска, Новосибирска, острова Беринга, мыса Провиденция.

Как мы радовались, когда из Бурхалы, поселка недалеко от Магадана, нам сообщили, что появились в домах всходы из семян, которые мы прислали. Вот как описывали климатические условия своего края наши корреспонденты: «Мы по звуку определяем зимой, сколько градусов. Выйдешь из дома, тихо-тихо дунешь, слышно в ответ «гу» — дыхание замерзает. И мы уже знаем, что ниже 50 градусов».

Из Междуреченска приходят письма от инвалида труда Виктора Семеновича Грудинина. Он написал, что раньше жил в Чите, где тоже есть улица Ивана Васильевича Бабушкина (а мы живем на улице Бабушкина), и сообщил много интересных фактов о революционной деятельности замечательного большевика в Забайкалье. Мы узнали, что погиб Бабушкин на станции Мысовая, где его расстреляли царские каратели; город Мысовск переименован в Бабушкин. Весной ушли письма с семенами юннатам города Бабушкина.

У Маши теперь появилось много новых друзей. Переписка с ними как бы расширила стены нашей квартиры, внесла в жизнь девочки много интересного. Сейчас Маша учится в восьмом классе.

Т. МИРОНОВА
Ленинград

ответы

что дает олимпиада

У нас два сына-ученика: один занимается в седьмом классе, второй в десятом. Успехи средние. Может быть, они и смогли бы добиться лучших отметок, да, вижу, не все науки одинаково любят. Дома младший старается поскорее делать уроки и рисует, а старший постоянно занят химией. Мы, взрослые, хоть и не рады тройкам в таблице, но их увлечениям не препятствовали и даже покупали иногда всякие вещества, приборы или краски. По крайней мере, без толку меньше будут сло-
няться.

Недавно гостил у нас родственник. Обратил внимание на книги старшего сына и всевозможные химические принадлежности. Мы не без гордости объяснили, что парень давно интересуется химией: летом во время каникул работал в лаборатории химвкомбината, дома много читает дополнительных книжек, ходит во Дворец пионеров на занятия кружка по химии, несколько раз участвовал в олимпиадах. И в этом году готовится ехать на республиканскую олимпиаду в Донецк. Однако гость отнесся к нашим восторгам сдержанно, а потом вообще привел всех в замешательство, стал утверждать, что заниматься всякой самодеятельностью ребятам позволительно в младших классах (пусть еще в седьмом), но не в десятом! Если хочешь поступить в институт, тратить время на олимпиады — явная ошибка. Тем более у парня немало троек в дневнике. И еще упрекнул нас, родителей: «Зря вы поощряете всю эту самодеятельность. Лучше бы следили за тем, чтобы парень подтянулся по языку. В школе важен аттестат, а на производстве план»...

В общем, много говорили, спорили

и остались при своих мнениях. И все же встревожились: может быть, действительно мы не правы, при всех благих намерениях недалеко-видно относимся к занятиям своих детей. Поэтому я решил просить по возможности разъяснить:

1. Какая цель проведения олимпиад, есть ли в них для школьников какой-то практический смысл?

2. Почему участникам (победителям) олимпиад не выдают никаких документов?

Н. КОЙДАН,
монтер связи
г. Чернигов

На письмо отвечает ответственный секретарь Центрального оргкомитета по проведению Всесоюзной физико-математической и химической олимпиады школьников, старший методист Ученого методического совета Министерства просвещения СССР Зоя Анатольевна СВИРЕЛЬЩИКОВА.

— Бесспорно, в аттестате желательны хорошие оценки по всем дисциплинам. Мы стремимся к тому, чтобы из средней школы выходили всесторонне образованные люди. Не случайно теперь для поступающих в вуз введен конкурс аттестатов и нет деления на профилирующие и непрофилирующие предметы. Но это отнюдь не исключает увлеченности каким-то одним делом: опыты дома, занятия в кружке, книги о жизни замечательных ученых. И в данном случае, помогая сыну выровняться, отец не должен разлучать его с любимой химией.

Последний год в школе действительно очень ответственный год. Понимая, что главное для десятиклассников — успешно закончить школу, и педагоги и родители считаются с их занятостью, берегут их время. И все-таки Министерство просвещения СССР считает возможным и необходимым включить в число участников олимпиад, которые проводятся ежегодно, наряду с учениками переводных классов и десятиклассников.

Что дает олимпиада? Прежде всего, возможность проверить свои способности, утвердиться в призвании. Как раз в этом больше других заинтересованы выпускники: им предстоит выбрать, определить будущую профессию.

Представим себе ученика, который в свои пятнадцать-шестнадцать лет живет без особых интересов, одинаково относится и к физике, и к литературе. Он может пойти по первому объявлению на завод, ему безразлично, в какой институт поступить. Тут не исключено разочарование. Кто-то изменит решение, но если даже останется и будет тя-

нуть до конца, нужен ли обществу такой равнодушный работник? Подобного не случается, если еще в школьные годы человек определился, нашел себя. Олимпиады как раз и помогают заинтересовать школьников тем или иным предметом, будь то химия или математика. В первом туре, который проводится по школам, могут принять участие все желающие. Естественно, ребята начинают готовиться, появляется стремление больше узнать. Получить путевку на Всесоюзную олимпиаду не просто: нужно победить в трех соревнованиях — школьном, районном (городском), областном (краевом, республиканском). Победителями оказываются самые упорные, настойчивые и знающие.

Обычный школьный курс химии — это тот минимум знаний, который должен получить каждый ученик. Олимпиады тем и отличаются от привычных контрольных на уроке или экзаменов, что на них не поможет школьная «натасканность». Задачи здесь даются оригинальные, нетрафаретные. Чтобы их решить, требуется проявить известную смекалку и более глубокое понимание науки.

Олимпиады собирают ребят из разных школ, городов, районов. Если какой-нибудь мальчик живет, к примеру, в маленьком поселке или далеком селе, то, попадая на областную или, скажем, республиканскую олимпиаду, он получает возможность познакомиться с современным химическим предприятием, научной лабораторией. В организации и проведении олимпиад принимают участие известные ученые, преподаватели вузов. Достаточно сказать, что председателем оргкомитета Всесоюзной олимпиады является Герой Социалистического Труда академик Исаак Константинович Киоин. Вот как проходила, например, одна из Всесибирских олимпиад школьников. В научном городке Сибирского отделения Академии наук СССР сотрудники Института ядерной физики, Института математики, Химико-металлургического института читали ребятам лекции, вели кружки. Перед школьниками выступали такие известные ученые, как математик Сергей Львович Соболев, физик Андрей Михайлович Будкер, химик Николай Николаевич Ворожцов. Как видите, олимпиада задумана не просто как конкурс, соревнование для выявления способных, талантливых ребят, она же помогает сегодняшнему школьнику зримо, конкретно представить себе дело, которому он хочет себя посвятить. А это очень важно.

Теперь по существу второго вопроса. Итоги подводятся на каждом

этапе олимпиады. Победители школьных и районных (городских) олимпиад награждаются грамотами. Занявшие первое, второе, третье места на областных, краевых, республиканских олимпиадах получают грамоты и призы. Наконец, тех, кто добился успеха, на заключительном, последнем этапе — Всесоюзной олимпиаде, ждут грамоты, специальные призы, памятные подарки. А десятиклассникам, занявшим первые, вторые и третьи места, вручается рекомендация для поступления в вуз соответствующего профиля. При прочих равных условиях такая рекомендация дает преимущественное право на зачисление в число студентов. (В олимпиаде прошлого учебного года 84 десятиклассника получили такое право). Каждый участник заключительного этапа увозит с собой памятный значок и именное удостоверение.

не помеха

Дочка учится в 5-м классе английской школы и еще посещает третий год музыкальную школу при Минском дворце профсоюзов.

В музыкальной школе она загружена очень. Помимо основных занятий — выступления с концертами, записи на радио и телевидении. Времени свободного почти не остается. А в английской школе педагоги упрекают ее за то, что она не ходит в кулупноходы, не поет в школьном хоре.

Классный руководитель даже предупредил: «Наташа, ты не активная, скоро в комсомол будешь поступать, мы учтем все твои промахи». Наташа учится в основном на «4» и «5». Здоровье у нее слабое — холицстит, зрение плохое. Ее даже освободили от уроков физкультуры, она занимается в лечебной группе. Но в школе ни с чем не хотят считаться.

Я разговаривала с директором и классным руководителем, они все равно настаивают, чтобы Наташа обязательно посещала школьный хор. Но ведь она уже посещает хор три раза в неделю в музыкальной школе. Там это — предмет программы, и пропускать никак нельзя.

Наташа переживает, часто плачет. Я уж сама сдалась, говорю дочке: «Может, оставишь музыкальную школу». Но она не согласна. Ей нравятся играть на пианино, петь.

Как же нам быть?

Э. БАНАХ
г. Минск

Разобрать ситуацию, изложенную в письме, редакция попросила инспектора школ Министерства про-

свещения СССР Клавдию Владимировну ЯРЦЕВУ.

— Откровенно говоря, если у девочки плохое здоровье, то учиться ей в двух школах, тем более в английской и музыкальной, вообще нелегко. И в таких случаях лучше всего посоветоваться с врачом, по силам ли нагрузка. Но, видимо, здесь родителям виднее.

Могут ли быть у ребят увлечения, интересы вне школы? Конечно, могут. Во-первых, у школы не всегда есть возможность удовлетворить все запросы, желания учеников, а они могут быть самые разные. Одни хотят заниматься авиамоделизмом, другие хореографией, третьи увлекаются шахматами, четвертые рисованием. Если учитель хорошо знает своих ребят и отмечает в них те или иные способности, то как раз и должен содействовать тому, чтобы эти склонности развивались.

Во-вторых, любящие кружки в школе — хоровой ли, математический — существуют только на добровольных началах. Значит, и поют ребята там или решают задачи по желанию. Кто хочет.

У девочки музыкальные способности, возможно, неплохие голосовые данные, она могла бы украсить спевку. И можно понять поборников школьного хора, которым не хочется терять такую солистку. Но нельзя же ради этого срывать девочке занятия музыкой.

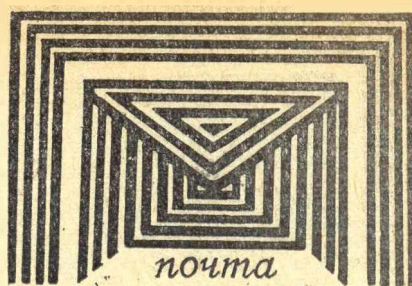
Если уж так случилось, что девочка посещает музыкальную школу, то при всем уважении к школьному кружку придется отдать предпочтение какому-то одному хору. Очевидно, тому, где занятия предусмотрены по программе.

Допускаю даже, что Наташа несколько обособилась от товарищей, живет сама по себе. Такое всегда ностраживает, вызывает беспокойство. Но если и хотели педагоги привлечь девочку к школьным делам, то не откровенный нажим должны были использовать.

Не обязательно Наташе посещать каждую репетицию хора в школе, а вот выступить вместе со всеми она, наверное, смогла бы. Раз девочка любит петь, то с удовольствием присоединилась бы к общей песне на вечере. Ити, скажем, в концерте самодеятельности исполнила бы какую-нибудь вещь из своего репертуара. Ведь учится Наташа петь и играть не для себя, а для того, чтобы ее слушали другие.

Можно найти выход, чтобы и девочка не отрывалась от коллектива и спокойно занималась любимым делом.

Но успешных результатов можно добиться, только проявив взаимное понимание и доброжелательность.

из переписки

М. ТИХОНОВОЙ (г. Пермь): Вопрос о чередовании классов по сменам в течение полугодия решается по усмотрению школы, с учетом имеющихся возможностей.

А. РЕЗНИКОВОЙ (Москва): Вы правы. Если ребенок набедокурил и не сознается, не стоит выговаривать так: «А кто же это сделал? Пушкин, что ли?». Культурный человек уважает само имя Пушкина.

Н. ТАРАН (Полтавская область): Распределяет средства из фонда всеобща родительский комитет.

П. СТ — ВУ (Томская область): Вы стали бранить дочь за двойку. Но разобрались ли Вы сначала, почему она эту двойку получила? Попытались выполнить задание? Не поняла его, хотя и старалась? Плохо себя почувствовала? Это важно понять.

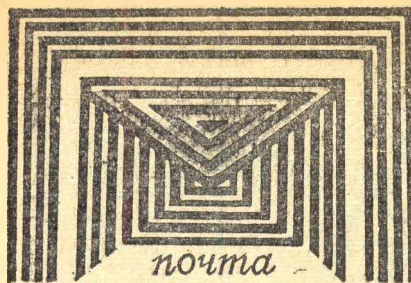
Г. КОМАРОВОЙ (г. Петропавловск): Посещение уроков по труду в школе обязательно. Учащиеся музыкальных или спортивных школ от занятий не освобождаются.

З. СЕРЕБРЯКОВОЙ (Москва): Средства на оборудование детской дворовой площадки выделяет жэк. Жильцы дома могут помочь поставить качели, грибки для малышей, наладить работу кружков для старших ребят.

М. ЛЕОНОВОЙ (г. Ташкент): Мы убеждены, что домашние критические обсуждения «действий учителя по выставлению оценок» в присутствии детей ни к чему хорошему не приведут.

Н. КУПРИЯНОВУ (г. Уфа): О результатах конкурса «Расскажите о своей жизни» Вы можете прочитать в № 12 нашего журнала за прошлый год.

Н. ШАТОХИНОЙ (г. Новокузнецк): Если Вам попалась недоброкачественная игрушка, надо обратиться в магазин или переслать ее на завод, который выпускает такие гармошки. Вам пришлют новую.

почта

советы

„К“ и „г“

Нашему сыну скоро четыре года, а он до сих пор не выговаривает звуков «к» и «г». Может быть, помогут специальные упражнения? Или надо обратиться к врачу?

В. и Т. КРУГЛОВЫ
г. Хабаровск

Думаю, что серьезных оснований для беспокойства пока нет. Все-таки Ваш сын еще очень мал. Возможно, он еще недостаточно хорошо различает звуки или у него еще недостаточно подвижен язык.

Покажите ему положение языка при произнесении звуков «к» и «г» (задняя часть языка горбится, поднимается). Произнесите эти звуки подчеркнуто. Может быть, уже этого окажется достаточно. Можно предложить мальчику произносить «та-та», или «да-да» и при этом слегка отодвинуть назад его язык с помощью ложечки, палочки. Звуки «т» и «д» превращаются в «к» и «г».

Конечно, можно постараться попасть на консультацию к логопеду (в детской поликлинике), но думаю, что в данном случае вы хорошо справитесь сами.

С. ШАХОВСКАЯ,
кандидат педагогических наук

вспомогательная

Моему сыну в первом классе очень тяжело давалось учение. Здоровье у него неважное. Возможно, это как-то отражается и на его развитии. Но ведь психически он совершенно здоровый мальчик. Учительница же направила его к невропатологу. Считают, что моего сына надо перевести во вспомогательную школу. Но, быть может, причина

все-таки в сложности новой программы, в том, что она рассчитана не на всех детей?

А. Т — ВА
г. Тюмень

Что касается новой программы, то многолетней проверкой доказано, что рассчитана она никак не на избранных, а на совершенно обыкновенных детей. Конечно, огорчительно, что Ваш сын с большим трудом справляется с программой. Но мы настоятельно рекомендуем Вам согласиться с мнением врачей и педагогов. Это необходимо сделать прежде всего для самого ребенка. Если уже в первом классе мальчик постоянно отставал от товарищей и если это отставание связано с его развитием, то, очевидно, дальше будет еще труднее... И если авторитетная комиссия сочтет, что Вашего сына целесообразно перевести во вспомогательную школу, то с Вашей стороны было бы совершенно неправильным это заключение игнорировать. Вспомогательные школы, учитывая особенности своих воспитанников, дают восьмилетнее образование и вместе с ним хорошую трудовую подготовку. Советуем Вам обратить внимание на небольшое письмо читателя К. Архипова, напечатанное в № 11 «Семьи и школы» за прошлый год, в котором рассказано, как его дочке помогла вспомогательная школа, как он, увидев это, преодолел свои преубеждения.

Е. МИШАРЕВА,
научный сотрудник
Института школ

Министерства просвещения РСФСР

никаких прочерков

Отец моего ребенка (брак наш не зарегистрирован) не согласен на то, чтобы его фамилия была вписана в свидетельство о рождении ребенка. В загсе поставили прочерк. Неужели я действительно не могу указать его фамилию?

С. СИДОРОВА

Если брак не зарегистрирован, фамилия настоящего отца в свидетельстве о рождении может быть указана в двух случаях: если мужчина согласен сам признать себя отцом ребенка или если его отцовство установлено в судебном порядке. Первая возможность, как ясно из Вашего письма, в данном случае отпадает. Остается обратиться в суд, если есть сколько-нибудь обоснованные доказательства отцовства.

Но независимо от того, будете Вы

обращаться в суд или нет, и независимо от того, что решит суд, прочерк в свидетельстве не может быть ни в коем случае. Но какую же фамилию, какие имя и отчество должен был проставить ЗАГС в графе «отец»? Закон отвечает совершенно определенно: фамилию, которую носит мать, а имя и отчество любые, которые она захочет указать. (В Вашем случае, например, — Иван Петрович Сидоров). Если впоследствии подлинное отцовство установит суд (или сам отец одумается), в свидетельстве могут и должны быть произведены соответствующие исправления.

«Обидно, что не настоящая фамилия отца», — считают некоторые женщины. Но подумайте, как обидно было ребенку узнать, когда он подрастал, что в графе «отец» не стояло вовсе ничего. Новые законы о семье покончили с этими обидами.

А. РОЗЕНОЕР,
юрис

пассивность

Моему мальчику скоро девять. В нем меня заботит вот что: очень он у меня вялый. Как будто ничего в жизни его не интересует. Перед трудностями сразу пасует, сразу прикидывается неумеющим. Очень неуверен в своих силах. Что это — особенности нервной системы? Или он слишком изнежен? И что теперь делать?

Т. САМОХИНА
г. Пенза

Конечно, стоит мальчика и врачу показать. Быть может, что-то идет от недомогания, переутомления. Но если окажется, что со здоровьем все в порядке (а мы склонны предположить, что, скорее всего, это так), ищите — вместе с учителем — причины вялости в том, как организована его учеба, его домашние занятия, его досуг.

Положение, конечно, небезнадежное. Неужели же мальчика совсем ничего не интересует? Пусть багаж интересов его совсем мал, пусть его интересы далеки от учебы и на первый взгляд бесполезны, но хоть что-то его привлекает? Футбол? Марки? Книжки о приключениях? Не надо пренебрежительно относиться к таким вот «несерьезным» интересам. Узнайте их, уважайте их. И Вы увидите, что сын будет иначе относиться к Вашим попыткам разнообразить круг его занятий, сделать этот круг пошире.

Далее. До минимума сократите нотации, правоучения во время приготовления домашних заданий и вообще домашнего времяпрепровождения. Ваша помощь должна быть по возможности не очень заметной самому ребенку. Не скупитесь на похвалы. «Справился без всякой помощи! Да как выполнил все замечательно! Молодчина!» Можно немного похвалить душой и похвалить то, что вам не очень нравится, но что было сделано со старанием, что стоило ребенку известных усилий.

Требовательность («Ты это должен сделать, потому что можешь!») и доброжелательность, внимательность к его мальчишеским делам и занятиям — ваши союзники.

А. ОСНИЦКИЙ,
научный сотрудник
Института
общей и педагогической
психологии АПН СССР

кефир

Моему сыну пять с половиной лет. Он с самого рождения привык к кефиру (вернее, я его приучила, вычитав в журнале «Здоровье», что кефир очень полезен для желудка, особенно детского). Но пьет он его только ночью, и не менее трех-четырех стаканов за ночь, просыпаясь два-три раза. Чувствую, что это не безобидная привычка: сын требует свою «ночную дозу». Решила с ним договориться, чтобы он понял сам, что это плохо, но он упорно настаивает и требует своего. Что это: каприз или потребность?

Н. АЛИЕВА
г. Фрунзе

Конечно, кефир полезен. Но — в меру. И вы правы в своем беспокойстве — нельзя заставлять желудок работать круглые сутки. Пересмотрите рацион питания Вашего сына — может быть, его нужно сделать более плотным? Ведь мальчик просит кефир, а кефир — это полноценная еда. Обычно мы не рекомендуем много есть на ночь, но вы попробуйте посытнее кормить его вечером — может быть, он перестанет есть ночью. Давайте ему кашу, молоко — тогда желудку хватит работы надолго.

Р. ТОНКОВА-ЯМПОЛЬСКАЯ,
доктор медицинских наук

говорят дети

Юра, 4 с половиной года.
Заболел. Кружится голова.

— Почему у меня ноги идут куда попало?

И еще:

— У меня глаза мелькают.

— Мама, смотри, у нашего котика уши на голове!

— А у тебя разве не на голове?

— Нет, у меня на щеках.

Алеша, 3 с половиной года.

Ночью кашлял. Утром проснулся и говорит шепотом:

— Мама, у меня звук пропал.

Альберт, 4 года.

Рассказывает сказку про Красную Шапочку.

— Тут пришли бревноломы (то есть дровосеки) и растопорили волку живот.

Алёна, 2 с половиной года.

Пришла из зоопарка, делится впечатлениями.

— Обезьяна лезет по клетке и кричит: «Помогите! Помогите!»

Женечка, 3 года.

Угостили конфетой и уговаривают сказать «спасибо».

— Я не умею говорить «спасибо», я еще маленький и ничего не понимаю.

Игорек, 5 лет.

Увидел овчарку и пуделя.

— Это собака войная, а это циркая.

Наташа, 4 года.

Задумчиво смотрит на морозное стекло и говорит:

— Зима наступила на осень.

Лена, 5 лет.

— Папа, откуда дует ветер?

— С востока.

— И почему там столько ветра...

— Если бы я была лягушкой, мне бы можно было из лужи воду пить?

Записали наши читатели: В. Щепаченко (Алтайский край), Л. Карпова (Москва), Э. Юсупов (г. Уфа), А. Куксова (г. Тамбов), Н. Горбач (г. Таллин), С. Ильченко (г. Симферополь), Е. Коновальцева (Сахалинская область).

С ЧЕГО НАЧАТЬ

Как часто первые же попытки родительских комитетов, комиссий содействия семье и школе наладить помощь в воспитании детей наталкиваются на непонимание или даже противодействие! Из посещения семей ничего путного не выходит... Конечно, хотелось бы сразу изменить такое отношение. Но увы, так не бывает! Во-первых, надо учитывать, что общественники только начинают работать и еще ничем себя не зарекомендовали. А, во-вторых, бывает, что люди привыкают к тому, что на предприятии интересуются только производственными показателями и интерес к семейной жизни выглядит неожиданным и странным.

Есть только один способ положить подобное отношение — настроить общественное мнение в свою пользу. Вот, например, мы у себя на Центральном телеграфе организовали педагогический семинар для родителей. На занятиях рассказывали о том, как готовить ребенка к школе, как проверять домашние задания, как развить интерес к учению. Выступали лекторы, педагоги, но уже сам факт, что семинар проходил непосредственно на производстве, влиял на людей. Мы прикрепили наших студентов-комсомольцев к отстающим ученикам. И опять же матери-работницы не могли не заметить внимания своего коллектива к школьным делам.

Не секрет, что предмет особой заботы — так называемые «нерадивые родители». Конечно, перевоспитывать горе-родителей не так-то просто. Тут уж одновременно приходится действовать: и не только на отца влиять, но и про детей помнить. Когда дома плохо, ребята целый день проводят на улице. Отсюда начинается обычный для безнадзорного подростка путь... Поэтому мы, из-

учив «трудные» семьи, вместе со школой занялись поиском собственных «педагогических возможностей».

В нашей комиссии — пятнадцать человек, люди вдумчивые, добросовестные, но будь мы и семи пядей во лбу, не добиться результатов, если действовать в одиночку, только своими силами. Именно комиссия призвана содействовать тому, чтобы у школы было как можно больше помощников и в лице самих родителей, и в лице общественных организаций.

Обратились мы в клуб. Раньше вся клубная работа велась в основном со взрослыми и молодежью телеграфа. А вот школьники оставались в стороне. Разыскали интересных людей, и они возглавили кружки для ребят. Теперь в клубе проходят выставки поделок, рисунков, технического творчества. Причем, участвуют в них не только кружковцы, а очень много ребят. О выставке мы заранее родителям сообщаем, чтобы помогали детям готовиться и приходили на их труды посмотреть. Для старшеклассников в клубе выходит устный журнал «Новости науки и техники». Я не буду перечислять всего того, что работники клуба вместе со школой, комиссией содействия, комсомольцами телеграфа сделали и делают для ребят. Скажу только, что мы не забываем отметить каждый пусть самый незначительный успех школьника, будь то первая положительная оценка в дневнике или удачное выступление на концерте. Стараемся показать детям, что увлечение, труд, старание вызывают уважение. Для ребят, лишенных необходимой поддержки, доброжелательного отношения в семье, это особенно важно.

А сколько людей приняло уча-

стие в судьбе Николая К.! Нескладная и недружная у него семья. Учителя рассказывали, что и старший сын приходил порой в школу под хмельком. Не удалось в свое время спасти его. Может быть, поэтому, когда пришел в школу младший — Николай, мы были к нему особенно внимательны. Что только не предпринимали, чтобы ослабить влияние семьи и плохой компании. Ничто не помогало. Коля был парень гордый, никакой опеки не признавал. Тогда попробовали сыграть на его самолюбии, стали авансом оказывать ему доверие: то на слет в район пошлем, то к себе на телеграф пригласим. Встречаясь на равных с новыми людьми, Николай понял, что можно проводить время куда интереснее, чем с уличными друзьями. Теперь он один из лучших комсомольцев школы. К нему тянутся товарищи, его все уважают. Коля стал другим, и родители под его влиянием изменились, вроде неудобно как-то подводить сына.

Я, безусловно, не собираюсь выдавать этот пример за универсальный воспитательный рецепт. Однозначных решений тут быть не может: в одном случае это внушение родителям, в другом — непосредственное воздействие на ребенка...

Не подумайте, что у нас всегда все шло гладко. Нет, не везде нас встречали с распростертыми объятиями. Приходилось иной раз и доказывать, и требовать, и настаивать. И добились своего. Теперь нередко заседания нашей комиссии проходят при участии руководителей предприятия, членов партийного комитета, местного комитета.

Е. ПЕРИНА,
председатель комиссии
содействия семье и школе
Центрального телеграфа
Москва

Обычно, говоря о необходимости снижения «возрастного ценза» в образовании, ссылаются, с одной стороны, на научно-техническую революцию и вызванный ею «информационный взрыв», с другой, — на то, что дошкольники сейчас развиваются умственно и физически гораздо быстрее. Но есть и другие веские причины.

По данным Института дошкольного воспитания АПН СССР, 64 процента городских детей к семи годам, то есть к приходу в школу,

перешёл в первый класс

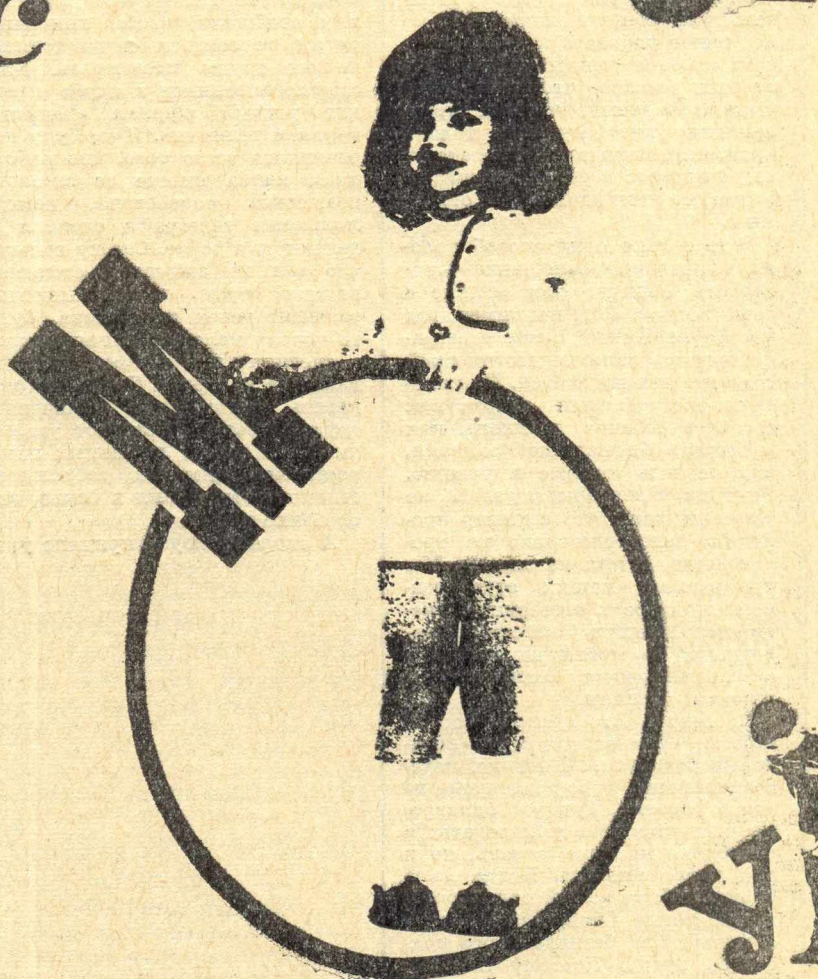
уже умеют читать, имеют навыки счета. Казалось бы, это хорошо, но... Чем прикажете им заниматься, пока умению читать обучаются 36 процентов их «одноклассников»?

Это очень серьезная проблема. Конечно, все дети разные, но с любой точки зрения желательно, чтобы в отношении элементарных навыков чтения, письма и счета все они были к началу систематического обучения примерно на одинаковом уровне. В отличие от семилетних, шестилетние в массе своей еще не овладели этими навыками, и проблема «выравнивания» не стоит в этом возрасте так остро.

...В 1965 году в 57-й тбилисской школе появился экспериментальный класс, где занимались шестилетние дети. Ныне такие классы есть по всей республике.

Что должно представлять собой обучение шестилетних? Легче сказать, каким оно быть не должно: ясно, что нельзя просто снизить на год возраст школьников-«дебютантов», оставив прежние программы, методики, приемы ведения урока...

Сотрудники лаборатории экспериментальной дидактики НИИ педагогических наук имени Я. С. Гогебашвили разработали (и продолжают разрабатывать) новые формы и содержание обучения, рассчитанные именно на шестилетних, с учетом их возрастных особенностей. Выпускаются специальные учебники,

Мы побывали в ряде школ Тбилиси, Телави, Цинандали, Сухуми, а также в Научно-исследовательском институте педагогических наук имени Я. С. Гогебашвили, встречались с учителями, учениками, родителями, учеными... А одна очень интересная беседа состоялась у нас в электричке, со случайными попутчиками — Фатимой Давитинидзе и сыном ее Ираклием. Фатима работает регистратором в здравпункте Тбилисского завода имени С. М. Кирова, муж ее шофер такси.

Дорога от Цинандали до Тбилиси долгая — больше трех часов, и разговор получился обстоятельный. Касался он главным образом важного для семьи события: накануне, в субботу 20 мая, закончился первый в жизни сына учебный год. В тбилисской школе № 14 Ленинского района состоялась торжественная церемония перевода Ираклия и его сверстников из нулевого в первый класс (подготовительные классы в Грузии чаще называют «нулевыми», а ребятешек, что учатся в них, — «нулевиками»).

Спрашиваем:

— Ну, и как вы считаете, хорошо это, что дети идут в школу с шести лет?

— Маленькие они очень, играть хотят, — ответила Фатима и погладила сына...

— Занятия начинаются в половине девятого, кончаются в половине двенадцатого, — продолжала наша собеседница — До девяти они еще сидят, а потом устают, не хотят слушать, одни дремать начинают, другие шумят — играть хотят...

Из дальнейшей беседы выяснилось, что это личные впечатления Фатимы — она дважды была на уроках. Однако оба раза — в самом начале учебного года: первые два-три дня мальчик на уроках очень стеснялся, не мог отвечать учительнице...

— Хатуна быстрее привыкла.

— Хатуна?

— Дочка. Она тоже училась в нулевом, год назад закончила, а сейчас во второй перешла.

Оказалось, что Хатуна перед школой ходила в детский сад, а Ираклий — нет. Видимо, поэтому период привыкания и затянулся у него надолго — почти всю первую четверть он, по словам матери, «совсем не мог учиться». Зато потом...

— Потом на пятерки учился. До школы не умел ни читать, ни писать, ни считать. Теперь считает до ста, складывает, вычитает. Писать умеет. Еще как хорошо пишет, красиво! Мне очень нравится.

Мы поинтересовались, много ли времени уходило у Ираклия на домашние задания.

— Им задавали примеров десять — пятнадцать, по математике и по грузинскому языку. Хатуна, когда в нулевом училась, за полчаса делала, а Ираклий за 15—20 минут справляется. Иксы так любит, что, как домой придет, сначала иксы делает, а потом остальное. Мы ему дома не помогаем, сам уроки делает.

— Ираклий, тебе нравится в школе?

— Нравится!

— А почему?

— Потому что учительница очень хорошо объясняет и любит меня.

— Когда на уроке время свободное остается, — вставила мать, — она им рассказывает сказки, сын домой приходит и нам рассказывает. Фатима вдруг наклонилась к нам и зашептала:

— Очень мы им довольны, но жалко ребенка, что шесть годиков — и уже в школу. Они играть хотят...

«Они играть хотят» — как бы лейтмотив всей нашей беседы. Играть хотят!

И вот...

По классу летает мяч. Игра в разгаре. Для непосвященных смысл ее загадочен, ясно лишь одно: «водит», очевидно, учительница Мэиа Гвилава, поскольку мяч всякий раз возвращается к ней. Вот она кинула его снова, воскликнув: «Одиннадцать!»

Тридцать две пары рук тянутся к летящему мячу. Самой проворной оказалась Нино Абашидзе.

— Девять! — кричит она, поймав мяч, и тут же кидает его учительнице.

Новый бросок: «Три!»

Кто-то ловит: «Семнадцать!»

Мяч летит обратно.

— Двадцать!

На этот раз мяч поймал наш сосед по парте Гия Кварацхелиа. Поразмышлял секунду, затем выпалил: «Нуль!»

В устах «нулевика» это звучит...

Мы на уроке математики в одном из нулевых классов республиканской экспериментальной школы. Игра, свидетелями которой мы явились, называется «Доведем до двадцати!». Правила ее несложны (на первый взгляд, по крайней мере): учительница, бросая мяч, называет число, поймавший мяч должен дополнить его до двадцати, то есть называть такое число, чтобы сумма обоих чисел равнялась двадцати.

В этой нехитрой игре можно, если присмотреться, увидеть многое.

Прежде всего, это не просто игра, а игра обучающая, или, если следо-

вать научной терминологии, дидактическая.

...Увлеченность, упоение, страсть, с которыми дети отдаются игре, — предмет давней зависти педагогов*. Не удивительно, что издревле стремятся они перенести эти эмоции в учебную деятельность. Но, считают грузинские ученые, отдельные разрозненные дидактические игры еще «не делают погоды» — нужна продуманная, научно обоснованная система игр. Игрой должен быть пронизан — во всяком случае, в начальных классах — весь учебный процесс! Пусть ребенок учится в буквальном смысле играючи!

«В детском возрасте, — писал А. С. Макаренко, — игра — это норма, и ребенок должен всегда играть, даже когда делает серьезные дела. У ребенка есть страсть к игре, и надо ее удовлетворить. Надо не только дать ему поиграть, но надо пропитать этой игрой всю его жизнь».

Энтузиаст раннего школьного обучения и один из его зачинателей Шалва Амонашвили предложил ввести в педагогический обиход новое понятие — «игровое обучение». Элементы игрового обучения уже включены в экспериментальные программы и учебники, причем не только по математике и не только у «нулевиков» (в чем мы могли убедиться, побывав на уроках в 1, 2 и 3-м классах экспериментальной школы и 57-й тбилисской средней школы).

Как говорится, лиха беда начало! В лаборатории экспериментальной дидактики НИИ педагогических наук мы видели много новых обучающих игр, их демонстрировал нам профессор Барнаб Иосифович Хачапуридзе (значительную их часть он и разработал).

Дело теперь за тем, чтобы «увязать» обучающие игры в целостную систему.

...Вернемся, однако, к игре с мячом «Доведем до двадцати!». Что можно еще увидеть в ней? Что это игра подвижная — качество, кото-

* В игровой ситуации проявляются порой скрытые возможности организма, о которых никто и не подозревал. Психолог Т. Е. Ендовицкая проверяла остроту зрения у детей 5—7 лет по всем известной таблице, где напечатаны ряды черных колечек с просветами. Затем состоялась повторная проверка, но на этот раз она называлась «игрой в охоту»: просвет указывал «направление на зверя». Острота зрения повысилась у всех без исключения ребят! (В среднем на 30%.)

рым, увы, весьма редко обладают дидактические игры.

Правда, ученики не бегают по классу, но они вскакивают с мест, вертятся, размахивают руками, даже подпрыгивают, пытаются перехватить мяч. Неплохая разминка в дополнение к зарядке (которая проводится дважды — в начале и в середине урока).

Министерство просвещения Грузии рекомендовало сократить длительность урока в нулевых классах до 35 минут. Сокращенные уроки введены и в 1—3-м экспериментальных классах.

Но и 35 минут нелегко выдержать (даже взрослым). Вспомним разговор с Фатимой, мамой Ираклия: «До девяти они еще сидят, а потом устают...»

В отличие от Фатимы, мы были на уроках не в начале, а в конце учебного года, и никакой усталости у «нулевигов» не заметили. Но если бы это объяснялось только тем, что дети привыкли за девять месяцев к необычному для них на первых порах школьному режиму, тем, что организм их приспособился к неизбежному, почти непрерывному сидению за партой, — радоваться было бы особенно нечему. Это означало бы, что «нулевики» адаптировались — физически и психически — к гиподинамии, то есть к ограниченной подвижности, этой болезни нашего века.

Привыкнуть можно ко всему, но мы не можем отнести усидчивость (в прямом смысле этого слова) к добродетелям, когда речь идет о шести-девятилетних учениках.

«Они сидят на уроках, сидят на собраниях, сидят за домашними заданиями, в кино, у телевизора... Врачи констатируют — двигательная активность у детей с поступлением в школу падает на 50 процентов. Можно ли удивляться, что они постоянно утомлены?» — бьют тревогу директор Института педиатрии АМН СССР М. Студеникин и директор Института гигиены детей и подростков Министерства здравоохранения СССР Г. Сердюковская.

В простенькой игре с мячом «Доведем до двадцати!» мы видим прообраз будущих уроков, где занятия наукой органически сочетаются с играми, необходимый элемент которых — движение.

Гибрид математики и других дисциплин — и физкультуры? Разве это возможно? Да! В этом убеждает опыт не только грузинских педагогов. Австралийский профессор З. Динн, например, разработал систему подвижных игр, участвуя в которых пяти-шестилетние дети овладевают основами теории множеств, четырьмя арифметическими

действиями, возведением в степень и извлечением корня, простыми и десятичными дробями... Маленькие воспитанники профессора свободно оперируют числами не в одной лишь десятичной системе счета, к которой мы все привыкли, но и в любой другой — от двоичной до двенадцатичной. Вот чему можно научиться в беготне и веселой возне!

Во время нашей встречи с родителями учеников начальных классов экспериментальной школы мать одного «нулевика» сказала: «Темп задается им на всю жизнь». Да, здесь заботятся о том, чтобы обучение шло на доступном, но достаточно высоком уровне трудности, в оптимальном, как говорят специалисты, темпе.

Самостоятельность, нешаблонность мышления ребят, которых обучают в соответствии с этими принципами, их умение быстро соображать, моментально сориентироваться в новой ситуации, проявляются особенно выпукло, когда они выполняют задания, где не требуется однозначный ответ.

Вот учительница Мзия Гвилава положила на стол «Волшебный мешок», запустила туда руку и вытащила большую пластмассовую девятку.

— Что говорит о себе девятка?

«Реплики девятки» так и сыплются со всех сторон:

— Если меня перевернуть, получится шестерка.

— Я состою из двух и семи!

— Если ко мне прибавить единицу, будет десять.

— Если нуль прибавить, ничего не изменится.

— А если просто приписать нуль, станет девяносто!

Но эта постоянная напряженная работа мысли — не отразится ли она тяжело на здоровье шестилетнего ребенка? Это был первый вопрос, на который постарались дать ответ сторонники раннего школьного обучения.

С самого начала эксперимента медики пристально наблюдают за развитием тех, кто пришел в школу с шести, продолжая вести его и в старших классах. Легче всего было бы установить, что никаких особых нарушений, которые можно было бы приписать раннему обучению, в организме ребенка не происходит: не замедляется рост, не ухудшается зрение, показатели веса не хуже, чем у «контрольных», подвижность не ниже, — словом, дети развиваются нормально.

Сравнивали школьников-шестилеток и тех, кто впервые пошел в школу в семь, и по более тонким пока-

зателям: рабочая активность во время занятий (школьных и домашних), утомляемость, быстрота реакции. И обнаружили такую закономерность: в первой четверти у детей подготовительного класса эти показатели хуже, чем у «обычных», но уже во второй и третьей четвертях различия сглаживаются, а в четвертой четверти показатели оказываются лучшими уже у шестилеток. Зная об этой закономерности, можно теперь с самого начала внести в работу с шестилетками соответствующие коррективы.

Вот сочинения «нулевигов» на тему «Первый день в школе» (написанные, конечно, к концу года).

Нино Абашидзе (упоминавшаяся уже нами в связи с игрой в мяч):

«Когда я в первый день пришла в школу, я очень боялась. А потом уже не боялась. В один солнечный день, когда меня еще раз привели в школу, я радовалась, а сейчас уже хожу с улыбкой в школу. Когда я вернулась домой, мама спросила: «Хорошо в школе?» Я ответила: «Хорошо!»

Нана Фрадзе:

«Рассвело. Солнце широко раскрыло глаза, и я пошла в школу. Сначала я там очень много плакала. В школе учительница Мзия научила многому. Потом я познакомилась с товарищами. После мама взяла меня домой».

Сочинение Нино Мебуке написано в духе воспоминаний о давно прошедшей юности:

«Первого сентября мама повела меня в школу. Я была очень взволнована. Моя учительница была Мзия Гвилава. Потом я привыкла, полюбила группу. Учительница очень любила детей. Я тоже очень любила моих одноклассников».

Вероятно, помимо непосредственности, свободы изложения, образности, читатель отметил также следующее: во всех трех сочинениях есть фразы, свидетельствующие о том, что первый день (или первые дни) в школе — достаточно нелегкое испытание. Подобные фразы встречаются в подавляющем большинстве сочинений «нулевигов», с которыми мы ознакомились. И хотя потом — об этом тоже пишут практически все маленькие авторы — робость, боязнь, слезы исчезают, им на смену приходит улыбка и радость познания, тем не менее есть все основания говорить о весьма непростой проблеме привыкания шестилетних к школе в первоначальный период. У нашего попутчика по электричке Ираклия этот период растянулся на целую четверть, и он не исключение.

Не трудностями ли привыкания — и прежде всего психологическими трудностями — объясняются худшие медицинские показатели у шестилетних «нулевиков» по сравнению с семилетними первоклассниками именно в первой четверти?

Это дает основание грузинским педагогам ставить вопрос о необходимости специальной психологической подготовки детей к школе.

Но готовить, очевидно, следует не только детей... Только ли от нежности возраста эта робость, эти слезы? А не идет ли кое-что от неуверенности самих родителей, от сомнений их — не рано ли?

Вот и наша попутчица Фатима — разве не рада она тому, что научился ее сын и писать, и даже непонятные ей иксы находить? И гордится она им, но — велика инерция! — засомневается иногда, пожалует. И о том, что сын ее стал учиться на пятерки, Фатима сказала тоже по инерции: в нулевых классах отметок не ставят.

Нет, очень нужно готовить родителей к школе...

**Н. СМЕРНОВА,
М. КОНСТАНТИНОВСКИЙ,**
специальные корреспонденты
«Семьи и школы»

Художник В. Бахчанян

Пожалуйста, друзья, проходите, вот вешалка, зал на втором этаже... У вас нет карточки с эмблемой МММК? Ничего, ничего, сегодня двери клуба открыты и для вас тоже. Советую вам поторопиться, так как свободных мест осталось мало. Впрочем, не устроитесь в зале — смело поднимайтесь на эстраду, там всегда есть стулья, и пусть вас не стесняет, что вместе с еще десятком-другим гостей вы будете сидеть лицом к остальным: в этом клубе нет разделения присутствующих на «зал» и «сцену».

Но я не поинтересовался: может быть, у вас предубеждение против клуба вообще? Ведь вот же совсем недавно писал один журналист в «Литературной газете» по поводу клуба: «Да что там делать человеку, у которого дома телевизор! Дома идут концерты получше, дома любая музыка: хочешь — первая программа, хочешь — третья».

Телевизор действительно великая вещь. Но один у него недостаток: устроен он так, что с ним не поговоришь. И если по этому же принципу устроена работа в клубе, где можно только молча что-то слушать и на что-то смотреть, то я присоединяюсь к мнению своего коллеги-журналиста и отдаю предпочтение телевизору. Но у того клуба, куда вы попали, работа, вернее, жизнь зиждется на других принципах: здесь идет живое, непосредственное общение людей, которых объединяет одно: интерес к музыке. Мы с вами в МММК — в Московском молодежном музыкальном клубе,

музыка
и каждый из нас

...И МЫ ВМЕСТЕ

существующем уже семь лет при Доме композитора.

Вы здесь впервые, и у вас может создаться впечатление, что все присутствующие — крупные знатоки музыки. Ну а вы себя к таким не причисляете, и больше того, при случае — например, когда преподавательница музыкальной школы беседует с вами об успеваемости вашей дочери, — вздыхаете и говорите: «Я-то ей ничем не помогу. Я в музыке не разбираюсь...» Кстати, эту фразу произносят многие, не отдавая себе отчета в том, каков конкретный смысл сказанного. Что значит — «не разбираюсь»: «не люблю», «не чувствую», «не понимаю», «не знаю»? Нередко оказывается, однако, что тот, кто «не разбирается», на самом деле с удовольствием слушает музыкальные радиопрограммы, на праздничном концерте искренне, с жаром аплодирует исполнительнице романса или оперной арии, восхищается пианистом, который играет виртуозную пьесу. А взгляните, с каким вдохновением поет он у себя дома, в окружении сидящих за столом родственников и близких друзей! Ведь тому, что несет с собой музыка, такие люди, как он, далеко не чужды; но они же и употребляют это не столько скромное, сколько боязливое выражение — «я в музыке не разбираюсь», — употребляют сплошь и рядом. Почему?

Вероятно, музыкальная культура каждого из нас определяется не только тем, любит ли и насколько

ко глубоко чувствует человек музыку, часто ли слушает ее, даже — играет ли он на рояле или не играет. Не задумываясь над этим специально, многие интуитивно ощущают, что некий и уже достаточно высокий уровень восприятия музыки ведет к потребности думать о музыке, размышлять о ней. Перед ступенечкой, за которой эта потребность становится чем-то реальным, тот самый, с ясно выраженными музыкальными склонностями человек вдруг останавливается и произносит: «Не разбираюсь...» То есть, как бы говорит он, я, может, и слушаю, и спою, и на баяне сыграю, а чтобы там рассуждать, «умно» о музыке говорить... Увольте. Эти «умные разговоры» про стихи, про живопись и про музыку — кому они нужны, зачем они? Себя показать? Нет уж, это не для меня, «не разбираюсь» — и basta!

Между тем все мы «с аппетитом» часами разговариваем после крупного футбольного или хоккейного матча и не прочь показать, что мы разбираемся не хуже других...

Одна из ценностей, которую, говоря о значении музыки для нас, обычно не учитывают, — это возможность глубокого человеческого общения на ее основе. Не будем останавливаться здесь на том, какое прекрасное ощущение творческого единства со своими товарищами возникает у человека в процессе ансамблевого музицирования — поет ли он в хоре, играет ли в небольшом эстрадном коллективе или в любительском симфоническом оркестре: такое общение составляет одну из высших радостей музыки. У нас же речь сейчас идет именно о беседе, о разговоре, о совместном размышлении на связанные с музыкальной темой. А таких тем, пожалуй, бесчисленное множество, так как музыка не замкнута сама в себе, а неотделима от всего громадного круга жизненных явлений. Именно такое отношение к музыке и положено в основу Московского молодежного музыкального клуба.

...Зал полон. Немало публики по сторонам и в глубине сцены, здесь же музыканты — те, кто будет сегодня играть. В центре — рояль, рядом — небольшой журнальный столик, микрофоны. Ведет вечер руководитель МММК композитор Григорий Фрид. Он берет в руки микрофон, подходит к краю сцены и встает вполборота, чтобы можно было обращаться ко всем.

Несколько слов о Григории Фриде. Он пишет симфонические и камерные сочинения, музыку для драматических и детских кукольных театров. На радио с его музыкой

звучат популярные детские передачи, например «Хозяйка Медной горы», «Пляшущие человечки» и другие. Сочинение музыки, творчество, как и у всех его коллег, является основным делом композитора и занимает почти все его время. Но в течение всех лет существования клуба Г. Фрид является его бессменным руководителем. Вместе с ним этой работой (которая, добавим кстати, вся ведется на общественных началах) занимается также музыковед Григорий Головинский.

— Добрый вечер! Я думаю, мы можем начать, — говорит ведущий. — Сегодняшняя наша встреча, как вы знаете, посвящена теме, которая на афише названа так: «Композитор — исполнитель — слушатель». Тема эта затрагивает множество проблем... Проблемы эти, — продолжает композитор, — существуют невероятно давно, с тех пор, когда три основных компонента музыки — ее создание, ее исполнение и ее слушание — стали существовать раздельно. Но, как известно, это было не всегда.

Рассказывают, что Сократ накануне того дня, когда ему предстояло выпить чашу с ядом, долго играл на кифаре, наслаждаясь сочинением песнопений. «Зачем ты это делаешь, ведь завтра ты умрешь!» — говорили ему. «Именно потому, что завтра не смогу уже этого сделать», — отвечал философ. Как видим, Сократ был в одно и то же время композитором, певцом, аккомпаниатором и слушателем, и можно предположить, что музыка в этом случае могла нести человеку эмоции, непохожие на те, какие испытываем мы, сидя сегодня у радиодинамика. Возьмем другой пример: средневековые трубадуры и менестрели...

...Пока зал только внимательно слушает. Григорий Фрид говорит интересно, любопытнейшие примеры следуют один за другим, и хотя многоуважаемый ведущий часто бывает необычайно убедительным, нужно с самого начала внимательно следить за ходом его размышлений: завсегдатаи клуба знают, что задача ведущего — «заварить кашу». Он может высказывать парадоксальную, заведомо спорную идею, может что-то нарочно недоговорить, оставляя тем самым возможность возразить ему, задать вопрос, натолкнуть на собственные выводы.

На этот раз так и происходит. Г. Фрид, показав, как на протяжении веков менялись соотношения внутри треугольника «композитор — исполнитель — слушатель», говорит о том, что XX век приводит ко все большему разъединению этих трех сторон. «Музыка в грам-

записи лично на меня производит уже не то впечатление, чем живое исполнение, — говорит ведущий. — Но если в этой ситуации слушателю не нужен ни исполнитель, ни тем более композитор, то может оказаться так, что для музыки будет не нужен и слушатель тоже!..»

В зале и интерес, и недоумение, кто-то уже задумался, на лицах многих — иронические и скептические улыбки.

— Вы не согласны? Но представьте себе электронную машину, которую запрограммировали на сочинение музыки, и она умеет это делать хорошо. Однако никто эту музыку не прослушивает, она так и остается в машине в виде перфорированной бумажной ленты. Как видите, здесь нет ни композитора, ни исполнителя, ни слушателя, но вы не можете сказать, что музыка не существует!

Зал забаламучен. Микрофон в руках у молодого человека, который горячо выступает в защиту пластинок: «Моя домашняя коллекция дает мне больше, чем любой концерт в филармонии. Где еще, как не в записи, я могу услышать гениальных исполнителей? (Он перечисляет имена.) А те, у кого возможности вообще нет никаких концертных залов? Для них пластинка — это и есть музыка!» В разговор вступает новый собеседник, который предъявляет к пластинке ту претензию, что она искажает живое, реальное звучание. Но слово берет звукорежиссер Дома звукозаписи. Он знакомит участников вечера с особенностями своей работы, которая по своему характеру напоминает работу музыканта-интерпретатора. Один из выступающих рассказывает о замечательном канадском пианисте Глене Гульде, который отказался от концертных выступлений, считая, что только в условиях студии звукозаписи можно добиться идеального выражения своего исполнительского замысла. «Но если так, то концертные залы должны исчезнуть! — запальчиво возражает кто-то. — Однако они почему-то существуют!» Слово берет пианист Александр Ведерников. Он говорит о том, что и психологическое состояние и творческий подход к исполнению у него различные, когда он играет для публики или когда его записывают. А. Ведерников садится к роялю, играет Шопена, Шумана...

У ведущего скопился уже груда записок. Он читает их одну за другой. В записках коротко высказываются мнения, задаются вопросы, на которые тут же отвечают ведущий или кто-то из присутствующих.

— «Я считаю, что вы не правы», — начинает Григорий Фрид одну из

записок, где оспаривается сказанное им. Записка зачитана уже почти полностью, но вдруг ведущий останавливается и разводит руками. — Видите ли, товарищи, здесь просьба... «Прошу мою записку вслух не зачитывать», — произносит он под общий хохот.

Когда в зале немного успокоились, ведущий спросил:

— Почему же вы написали свою просьбу в конце записки? Мне это напоминает шутку Марка Твена, отправившего в редакцию письмо без марки, в котором извинялся за то, что вспомнил про марку лишь тогда, когда опустил конверт в почтовый ящик...

Всем весело, и чувствуется, что юмор здесь желанный гость...

После перерыва через динамики в зал транслируются уникальные записи Квинтета Моцарта, отрывки из «Реквиема» Верди, затем в «живом» исполнении звучит музыка Стравинского. Это дает пищу для дальнейшего разговора. Выступление молодого физика вновь возвращает беседу к проблеме «музыка и машина».. «Машина не человек, она не способна на творчество, и ни к чему ей сочинять музыку», — говорит один из присутствующих. Но в ответ на это рассказывается о работах Р. Зарипова в области машинного сочинения музыки, и все слушают то, что уже сумел создать «электронный композитор»...

•

Кто же оказался прав в споре, связавшемся вокруг темы «Композитор — исполнитель — слушатель»?

— Не так-то уж и важно, кто прав, — отвечает на этот вопрос Григорий Фрид. — Важно другое: встреча пробудила мысли, воображение, фантазию, кого-то заставила взглянуть на простые для него вещи с другой стороны и увидеть их сложность, другому, наоборот, разъяснила что-то, бывшее до сих пор непонятным. И если оппоненты «доспорят» друг с другом уже мысленно, возвращаясь каждый к себе домой или даже на завтра, — значит, вечер прошел удачно. Ведь наш клуб не ставит своей целью обычно принятое, скажем, просто концертное исполнение и слушание музыки, хотя два эти момента — исполнение и слушание — и составляют основу работы клуба. Но если говорить о клубе широко, то суть его, та соль соли, которая придает вкус нашим встречам, заключается именно в непосредственном общении и живом размышлении на темы, связанные с музыкой. Молодежь — обычные представители тех самых бесчисленных слушателей, для которых музыка не является

ни профессией, ни каким-то особым увлечением, — размышляя о круге связанных с музыкой проблем, рассуждает необычайно глубоко и оригинально. Конечно, клуб — это и хорошее, полезное времяпрепровождение после работы. Но уверен, что главное все же — это атмосфера свободного, непринужденного разговора слушателей друг с другом, с композиторами, исполнителями, музыковедами.

Распространено заблуждение, что о музыке со знанием дела может говорить только профессионал. Конечно, если говорить с позиций музыковедческих наук — истории музыки и музыкального анализа, или говорить о музыке с точки зрения техники ее сочинения, то тут музыкантам и обычным слушателям действительно общий язык трудно найти. Но мы, музыканты, подобно людям всех иных профессий, связаны с громадным кругом вопросов, волнующих людей. Поэтому у нас в клубе можно говорить о чем угодно, но, конечно, только в связи с музыкой. Если хотите, приведу ряд тем, обсуждавшихся в клубе. Вот целый цикл: «Музыка и...» — «...кибернетика», «...архитектура», «...цвет», «...театр», «...эмоции», «...телеэкран», «...электроника», «...научное творчество».

Вот другие примеры: «Фольклор и современность», «Старая и новая музыка», «Хоровое искусство», «Проблема домашнего музицирования». Могу привести множество имен композиторов от Баха до Шостаковича, музыке которых были посвящены отдельные вечера. Еще более велико число исполнителей, выступивших в клубе. В их числе замечательная, ныне уже покойная пианистка М. Юдина, скрипач И. Безродный, пианистка М. Гринберг, певица Н. Юренева и многие другие.

Членом Московского молодежного музыкального клуба становится любой, кто осенью «не прозевает» купить вовремя абонемент на предстоящий год (абонемент, кстати, стоит недорого). В клубе мы встречаемся четыре раза в месяц по четвергам, и на сегодняшний день таких встреч было уже около двухсот.

Приходят в клуб обыкновенные молодые люди, мужчины и женщины, юноши и девушки, в большинстве лет двадцати трех — двадцати девяти, представители самых различных профессий, учащиеся. Общение с ними, кстати сказать, оказывается необычайно ценно для нас, музыкантов.

Каждый участник вечера может выступить, каждый может ему возразить. Музыкант-композитор, ис-

полнитель, то есть тот, кто «показывает» музыку, — не только может, но и должен выступить перед аудиторией, потому что у нас никогда не бывает только музыка, без размышления по ее поводу. В ходе обсуждения можно письменно или устно задавать вопросы, которые мы, ведущие, обязательно зачитываем.

Как уже говорилось, для нас не обязательно приходиться к единым, удовлетворяющим всех, выводам, так как обсуждение в нашем случае важнее решения и тем более чужое мнение у нас не навязывается. В клубе нет надобности решать что-либо большинством голосов, поскольку мы ведем речь о вопросах эстетических и эмоциональных, о самом тонком из всех искусств — о музыке.

Лично я считаю, что такая клубная музыкальная деятельность очень полезна.

Интересно, например, строится работа в Ленинградском клубе, с которым мы дружим; в Магнитогорске создан Дом музыки — своеобразный очаг городской музыкальной жизни. В Одессе существует Клуб имени М. К. Чюрлениса, где обсуждаются проблемы взаимосвязи искусств разных видов. Но я представляю, например, что где-нибудь в небольшом городе или поселке осуществляться музыкальная клубная деятельность вполне может на основе грамзаписей или магнитофона. То, что не везде существует возможность для такого размаха, как у нашего МММК, никого не должно останавливать. Везде есть и музыканты, и любители музыки, и те, кто хотел бы просто и непринужденно приходить к ним в клуб, чтобы всем вместе слушать музыку и размышлять о ней...

*

Теперь и мы с вами, дорогие читатели, после знакомства с клубом, можем тоже немного поразмышлять. Над тем хотя бы, о чем ни руководитель, ни участники МММК не задумываются особо: в конце концов, клуб — попробуем сформулировать так — занимается музыкальным воспитанием родителей. Странно звучит, не правда ли? Считается, что музыкальное воспитание начинается с детства. Неверно! Оно начинается с тех, от кого это детство будет зависеть, — с родителей. Пусть не все члены клуба, кому сейчас только двадцать или уже под тридцать, стали родителями. Они будут ими, и свое глубокое ощущение музыки смогут затем передать ребенку, не упустят, поддержат и разовьют в нем тягу к музыке, к искусству.

Феликс РОЗИНЕР

школа дошкольника: теория

Л. ВЕНГЕР,

доктор
психологических наук

Четыре года жизни — это много или мало? Смотря какие годы. Не будем даже касаться взрослой жизни: и в пределах детства от года до пяти, от пяти до девяти, от девяти до тринадцати — расстояния разные. И чем младше ребенок, тем значительнее, тем ошущеннее разница между крайними точками этой дистанции.

Годовалый. Он только что начал делать первые шаги, совсем недавно впервые пролетел: «Ма-ма» (а может быть, даже этого еще не успел).

А вот ребенок пяти лет. Все время в движении. Постоянно чем-то занят — возводит постройки из кубиков, создает на листах бумаги колонны автомашин, батареи ракет, «лечит» кукол, ведет «бои с фашистами»... Сыплет вопросами, на которые иной раз ответишь, а иной раз и не сумеешь («Сейчас — это больше секунды или меньше секунды?»). Запоминает стихи, рассказывает сказки. А может быть, уже научился и читать. («Ба-ка-ля. А что это значит?») Порой удивляет логичностью рассуждений и выводов. («А это была не настоящая Баба Яга. Если бы она была настоящая, она, конечно, всех бы съела и кругом валялись бы косточки. А так это просто переодетые люди издают в Бабу Ягу, и зайчика, и Снегурочку, и всех остальных...») Да и характер начинает появляться у малыша. Одним словом, перед нами человек с отчетливыми уже привычками, запросами, представлениями.

Что же произошло за эти четыре года? Как изменился ребенок? Что влияло на его развитие? И что должны делать мы, взрослые, чтобы способствовать этому развитию?

«Дорого вовремя время...» — справедливость этого утверждения особенно ярко видна, когда речь идет о драгоценном времени детства. Ни одна из возможностей, открываемых возрастом, не должна быть упущена...

дорого вовремя время

Вернемся к началу. Годовалый. Действительно, он только что начал делать первые шаги. Но важно то, что он начал их делать. И теперь ему стал доступен новый мир, мир «огромных пространств», населенных недостижимыми раньше «настоящими» вещами. Действительно, он совсем недавно произнес первые слова. Но важно то, что он начал их произносить. И перед ним открылся еще один новый мир — мир человеческой речи, тех многообразных человеческих знаний, отношений, понятий, которые воплощены в ней.

Итак, главная задача ребенка на втором году жизни — овладение предметным миром и речью.

Овладеть миром предметов — это значит начать пользоваться ими в соответствии с их назначением. Вот ребенок толкает шарик. Шарик катится. Пробует положить шарики друг на друга. Не выходит. С кубиками все получается наоборот. Значит, круглое — это то, что можно катать, прямоугольное — то, что устойчиво, что можно накладывать друг на друга... Мы показываем ребенку простейшую постройку: желтый кубик, на нем красный. Это — дом. Сделай такой же! Он внимательно смотрит. Ставит один кубик, на него другой. Но на цвет не обращает никакого внимания. Получилось: внизу красный, сверху желтый. Что же, он не замечает разницы? Нет, не замечает. Он пока видит лишь, как устроен дом: один кубик на другом. А цвет их не стал еще признаком, имеющим значение. Приглядитесь внимательнее к двухлетке, и вы увидите, какую долгую, терпеливую «экспериментальную работу» приходится ему проделывать, чтобы обнаружить свойства предметов, которые для нас самоочевидны, «бьют в глаза». Еще бы — ведь мы давным-давно открыли их и много-

кратно убедились в истинности своих открытий.

Маленький исследователь очень скоро убеждается, что «возможности и обязанности» предметов определяются не только их внешним видом, но и назначением. Один карандаш круглый, другой — граненый, один — желтый, другой — синий, но каждым из них можно рисовать, оставлять следы на бумаге. У большой лопаты и маленького совочка разные размеры, форма и цвет, но они похожи тем, что ими можно копать землю, песок... Так ребенок учится обобщать — относить к одной группе предметы, различающиеся внешне, но одинаковые по их «роли», по их «работе». При освоении действий с предметами-орудиями и делает малыш первые попытки самостоятельного мышления, решения новых, не встречавшихся раньше задач. Вот он пытается достать со стола «запрыгнувший» туда мячик. Тянется изо всех сил, но не достает. Рядом линейка. Берет ее, вертит, постукивает по столу. Задевает мячик — тот катится. Ага! Теперь уже ребенок целенаправленно орудует линейкой. Мячик скатывается на пол — цель достигнута.

Психологические исследования показывают, что дети второго года жизни еще не в состоянии наметить «в уме» план своих действий. Они не «теоретики», а «практики». Но уже в этом возрасте ребенок начинает переносить свой опыт на решение новых задач. Огромную помощь оказывает ему в этом словесное общение: ведь в слове обобщается сходное в предметах.

Третий год жизни — во многих отношениях переломный в развитии ребенка. Он впервые начинает понимать, что он — отдельный человек, со своими собственными мыслями, желаниями, намерениями, которые могут совпадать, а мо-

гут и не совпадать с намерениями взрослых. Все чаще и чаще мы слышим от него: «Я сам» — сам надеваю ботиночки, сам буду есть суп (даже если по пути от тарелки ко рту ложка остается почти пустой...). Ребенок пытается во всем подражать взрослым. Но подражать — это значит делать с вещами то, что делает взрослый. А многих вещей не получишь. Вот мать гладит белье — водит утюгом по расстеленной на столе рубашке... Малыш старается делать то же самое. Рубашка есть — ее удалось снять с куклы. А вот утюга нет. Под руку попадает кубик. Что же, и он подойдет... Скоро в игре «всё становится всем»: палочка — лошадью, стул — автомобилем... Ребенок учится заменять предметы другими, лишь бы с ними можно было проделать привлекающее его внимание действие.

Еще до двух лет среди прочих действий с предметами малыш усваивает и такие, как черкание карандашом по бумаге, накладывание кубиков. Но теперь они приобретают новый смысл. Так же как в палочке ребенок «узнает» ложку, случайно возникшие под его рукой линии на бумаге или сочтения кубиков начинают напоминать ему знакомые предметы.

В числе других завитушек малыш случайно начертит нечто похожее на спираль и вдруг радостно воскликнул «Пуф, пуф!» (то есть «Дым, дым!»), а потом пририсовал еще несколько колечек... Три бруска, наложенные друг на друга, — «дом», «стул», «стол», «кровать» и многое, многое другое...

Умение замещать одни предметы другими, видеть в линиях на бумаге или в постройке из кубиков обозначения реальных вещей — большое приобретение в умственном развитии ребенка, начало пути, ведущего к пониманию и использованию букв, цифр, математических символов, нотных знаков. Но не только в будущем, а уже сейчас это умение перестраивает мышление ребенка.

Дети начинают задавать вопросы обо всем, что видят: «Что это?», «Как?», «Почему?» Понемногу они приобретают способность решать простейшие задачки «в уме», без практических проб. Так, ребенок уже может подобрать к коробочке крышку нужной формы, определить «на глаз», пролезет ли шарик в отверстие определенной величины и т. п.

Важнейшее приобретение четвертого года жизни состоит в том, что ребенок начинает строить свои действия в игре, рисовании, возведении построек в соответствии с обдуманными намерениями. Рисуя или строя из кубиков, ребенок за-

ранее сообщает, что он намерен изобразить, сконструировать («Буду рисовать дядю», «Буду строить дом»), хотя эти намерения часто неустойчивы и изменяются в ходе самого действия. Играя, он уже не просто подражает поведению взрослых — он берет на себя ту или другую роль, сам превращается в «маму», «папу», «шофера». В этом возрасте становятся возможными совместные игры детей с распределением ролей.

Трехлетний малыш способен уже не только учитывать свойства предметов при действиях с ними, но и усваивает некоторые общие представления об этих свойствах — цвете, форме, величине. Свойства некоторых знакомых предметов могут становиться для него своеобразными «мерками», которыми ребенок измеряет все остальное: «Это — как мячик, а это — как яичко, это — как вишенка». Такие мерки позволяют выделить, обозначить свойства новых предметов, если ребенок не получает от взрослых более точных представлений о разновидностях цвета, формы, величины.

Резко возрастает любознательность детей. Один психолог подсчитал, что трехлетний ребенок в среднем задает в день 427 вопросов, из них три четверти — о причинах явлений. Малыша интересует все: «Почему гремит гром?», «Почему из этого (мокрого) песка можно сделать куличики, а из этого (сухого) нет?», «Почему листочки зеленые?» и т. д. и т. п. Очень точно выразил особенности этого возраста французский ученый Жан Клод Лепаред: «Ребенок бывает ребенком не потому, что не знает чего-то, а потому, что стремится знать».

Но при всей любознательности трехлетка еще плохо понимает словесные рассказы и объяснения, если они выходят за рамки его личного опыта. Его мышление наглядно, оно опирается на представления о знакомых вещах и событиях. Мать учит трехлетнего малыша читать. Они вместе читают: «Кот». «Кот? Это какой кот, — спрашивает ребенок. — Тот, который вчера подошел к маленькому котеночку, да?»

Пятый год жизни приносит ребенку новые успехи. Разнообразнее становятся сюжеты его игр, рисунки, постройки. Пятилетки уже могут заранее придумать и согласовать между собой несложный сюжет, распределить роли — это дает возможности для организации разнообразных коллективных игр. Нередко можно видеть, как ребенок включает в свою игру возведение довольно сложных построек («дома» для кукол, «гаража» для машины), соотнося их размеры с назначением («гараж» строится таким, чтобы

в него могла поместиться игрушечная машина). Возводя постройку по образцу, ребенок уже в силах установить, как этот образец сделан, из каких кубиков он состоит. Совершенствуется его ориентировка в пространстве и времени: усваиваются представления «справа — слева», «вчера — сегодня — завтра».

Любознательность детей продолжает возрастать; и за ответами на свои «почему» ребенок уже не только обращается к взрослым, но и пытается найти их сам, нередко «путем эксперимента». Мальчик свернул трубочкой бумагу и начал в нее дуть. Почувствовал, как бумага вибрирует под пальцами. Сейчас же свернул трубочку из другой бумаги. Снова попробовал и сделал вывод: «Если дуть во всякую бумагу, то всегда будет щекотно пальчикам». К сожалению, не всегда эксперименты проходят вполне благополучно (помню, например, опыт сына — засовывание развиннутой шпильки в штепсельную розетку...).

К пяти годам дети уже во многом в силах управлять своим поведением. Пятилетка может внимательно и сравнительно долго слушать взрослого, выполнять разнообразные задания, сосредоточенно играть, рисовать, строить.

Мы попытались обозначить основные этапы умственного развития детей от года до пяти. Но эта характеристика неизбежно приближительна. Она относится к «среднему» ребенку, воспитывающемуся в «средних», обычных условиях. Реальные обстоятельства детской жизни, жизни окружающих взрослых неизбежно вносят свои поправки в темп и характер развития.

Как же может выглядеть «программа» обучения для ребенка от года до пяти? Она должна считаться с его возможностями, с характерными для него интересами и видами деятельности, но не «приспосабливаться» к тому, что уже достигнуто, а все время давать ему новые знания, формировать новые умения в области восприятия, мышления, речи.

На втором году жизни необходимо прежде всего научить малыша использовать по назначению предметы домашнего обихода. Ложка, чашка, расческа — прекрасные «учителя». Но, конечно, нельзя ограничиться только теми вещами, которые нужны для самообслуживания: постоянная возня с ними скоро наскучит ребенку, да и действий они требуют сложных, которые сразу освоить нельзя. Шарик, кубики, мячи, тележки и т. п. — игрушки, которые можно катать, возить за веревочку, нагромождать друг на друга, вкладывать друг в друга — они

помогают ребенку раскрыть свойства предметов, учат считаться с этими свойствами при выполнении разнообразных действий. Очень важно ставить ребенку задачи, требующие употребления простейших орудий; например, палочкой с колечком на конце придвинуть к себе тележку со стерженьком (пусть малыш догадается надеть колечко на стержень!), выловить сачком из таза плавающие в нем предметы, забить колышек в сырой песок деревянным молоточком и т. д. Примерно с полутора лет следует давать малышу карандаши и бумагу, показывать, как при черчении по бумаге карандаш оставляет следы... Всего тут, конечно, не перечтешь. Важно помнить — основной путь к умственному развитию ребенка лежит через действия с предметами. И здесь, конечно, буквально на каждом шагу малышу нужна помощь взрослого. Иногда надо показать, что делать, иногда выполнить действие вместе с малышом, а порой и непосредственно направить его ручку. И, конечно, нужно доступное ребенку словесное объяснение. Но для полноценного усвоения речи нужны и специальные занятия — рассматривание простых картинок с пояснениями, разговоры о них, чтение стихов, потешек...

На третьем году жизни чрезвычайно важны игры и упражнения, в которых перед ребенком ставится задача выделять и учитывать цвет, форму, величину предметов. Большую помощь могут оказать в этом народные игрушки — башенки, матрешки, вкладные яйца, бочонки... Вот, например, трехместная матрешка... Для того чтобы правильно ее сложить, необходимо подобрать парно равные по величине половинки, составлять и вкладывать матрешек в последовательности, которая зависит от их величины. Конечно, для двухлетнего малыша это нелегкая задача — он будет решать ее методом проб и ошибок. Но именно эти пробы научат его, в конце концов, зрительно определять величину предметов и предугадывать результаты своих действий. Такого же рода умение приобретает малыш и при складывании разрезных картинок, «строительстве» из кубиков по образцам, предложенным взрослым.

Одна из важнейших задач, которые решает двухлетка, — научиться играть. И здесь необходима ему помощь взрослого.

На первый взгляд это звучит странно — можно ли и нужно ли учить ребенка играть? Но исследования педагогов и психологов свидетельствуют — да, нужно. Именно взрослый впервые показывает ребенку, как обращаться с куклой,

как воспользоваться кубиком вместо мыла, стулом вместо машины. Именно взрослый учит малыша придавать условный смысл предметам и игровым действиям с ними. И точно так же вопросы и указания взрослого необходимы для того, чтобы ребенок начал видеть в собственных каракулях «птичку», «палку», «дядю».

На четвертом году жизни создаются возможности для значительно более систематического обучения ребенка. В этом возрасте можно уже учить навыкам обобщения — группировать предметы по сходству их свойств, внешнего вида или по назначению («выбери среди всех предметов те, которые окрашены в красный цвет; выбери все, что относится к одежде»). Ребенок уже должен улавливать, какие принципы положены в основу группировки.

Трехлетний ребенок вполне в состоянии усвоить первоначальные математические представления (один, много; равно, неравно), овладеть умением пересказывать рассказы и сказки, которые ему прочитают. Но самое важное — добиться в этом возрасте умения действовать (играть, рисовать, строить) в соответствии с заранее высказанным намерением. К этому побуждают ребенка вопросы взрослых: «Что ты будешь рисовать? Во что ты хочешь играть?» и т. п.

На пятом году дети легко усваивают счет (во всяком случае, в пределах пяти). Многие из них уже готовы и к тому, чтобы обучаться чтению. Стоит, однако, помнить, что начинать обучение чтению в этом возрасте следует только в том случае, если сам ребенок хочет учиться. Если же у него нет к этому интереса, обучение лучше отложить до пяти-шести лет. Кроме того, важно знать: не всякое обучение арифметике и чтению полезно. Первоначальные, исходные представления о количестве, числе, о звуках и буквах должны быть обязательно правильными, иначе в школе ребенка придется переучивать.

Вообще родители нередко делают ошибку, видя в умении считать и читать единственную мерку умственного развития ребенка. Между тем главное в наших «учительских» обязанностях по отношению к шестилеткам — отнюдь не в этом. Есть две других, гораздо более широких цели. Первая — расширение «кругозора» ребенка, знакомство его с миром предметов и явлений, находящихся за пределами его непосредственного опыта. И второе — развитие умственной активности, формирование «исследовательского» отношения к тому, что ребенок видит и слышит.

Мальчик стоял на дорожке недалеко от крыльца. Пухленький, но бледный. Досадливо переступал с ноги на ногу и тягуче плакал.

— А большие мальчики не плачут, — сказала я.

Круглые голубые глаза с любопытством взглянули на меня.

— Какой же я большой? Мне только шесть лет.

Высокие ели и березы окружали деревянный домик. На соседней даче играли и резвились дети. Мелькали загорелые ноги, пестрые платья, майки, слышались звонкие голоса.

— Тебя кто-нибудь обидел?

— Бабушка. Не позволяет снять галоши.

Утро было теплое, земля сухая. Солнце подбирало остатки росы.

— Бабушка боится, что ты простудишься?

— Весной у меня была пневмония, — он четко выговорил трудное слово, — а бабушка — врач, она всего боится.

— Ну если бабушка — врач, нужно слушаться, ничего не поделаешь. Мне вот тоже приходится слушаться врача.

— А я не всегда бываю послушный, — возразил он. — Такой уж у меня недостаток.

И он грустно покачал головой.

На другой день я снова увидела его. Медленно, степенно он шел мне навстречу. Я остановилась.

— Здравствуйте, — вежливо произнес знакомый голосок. — Меня зовут Дима. А вас?

Теперь он был без галош, но в длинных чулках, натянутых на толстые ножки, в башмаках и теплой куртке, несмотря на жаркий полдень. Из-под соломенного картузика доверчиво глядели снизу вверх голубые глаза.

— Ну как дела, Дима? Не стал ли ты послушней сегодня?

— Кажется, нет, — ответил он. — Кажется, я становлюсь похожим на Тома Сойера.

— На кого? — удивилась я.

— На Тома Сойера. Вы разве не читали? Марк Твен, английский писатель. Есть еще у него Гекльберри Финн. Я вообще не люблю детских книг, хотя в некоторых бывают неплохие иллюстрации.

Все это он произнес залпом, не дав мне опомниться. Да полно! Ребенок ли это говорит? А он продолжал как ни в чем не бывало звонким детским голоском:

— Вы «Три мушкетера» знаете? Там на картинках дерутся... здорово! Я бы тоже так хотел. Только я, к сожалению, не очень смелый. Правда, лягушек я теперь не боюсь, но если змея или волк... Медведя я бы тоже испугался. А вы?

Жук в коробочке

Пришлось признаться, что и я испугалась бы медведя.

— Вы, должно быть, нервная, — посочувствовал мне Дима. — Все женщины нервные. Моя мама тоже. А вы бы маленьких медвежат не испугались, таких, как на картине Шишкина? Я бы тоже не испугался. Вам нравится эта картина? Я пейзажи не очень люблю. Мне больше нравятся исторические: «Иван Грозный» Репина, «Утро стрелецкой казни» Сурикова...

В том, как он рассуждал, было что-то противоестественное, словно бы вдруг канарейка запела басом.

— Русскую литературу ты тоже знаешь? — спросила я.

— Знаю. Пушкин — «Евгений Онегин», Тургенев — «Отцы и дети», Лев Толстой — «Анна Карен».

— Как! — не выдержала я. — Ты читал даже «Анну Каренину»?

— «Анна Карен»... Дальше не прочел, потому что на нее падает тень.

— Тень? На Анну Каренину?

— Да. Тень от дверцы. Книжки стоят за стеклом в шкафу. Бабушка не позволяет брать их в руки. Я еще плохо читаю. И только заглавие и автора. И запоминаю.

— Зачем?

— Просто так. К нам иногда приходят знакомые и спрашивают меня. Всем почему-то нравится, что я много знаю.

— У тебя хорошая память, Дима. Должно быть, ты будешь хорошо учиться.

Он покачал головой.

— Вряд ли. У меня нет способности к математике.

— Неужели? Но ведь ты же знаешь, сколько будет два и три?

Он долго думал. Конфузился, поглядывал то на меня, то на свои пальцы и не сразу ответил правильно.

— У тебя есть папа и мама?

— Есть. Но бабушка говорит, что с ними ей еще больше горя, чем со мной.

С соседней дачи ветер донес взрыв веселого смеха, но Дима даже не шевельнулся.

— Почему ты не играешь с ребятами, Дима?

— Бабушка не любит, когда я играю с ребятами.

— И не скучно тебе одному?

— Нет. Я смотрю телевизор. Радио слушаю. Я очень люблю музыку. Мне нравится Бетховен, Шопен, Бах... — и вдруг без всякого перехода: — А хотите, я покажу вам жука?

Он вынул из кармана спичечную коробку и приложил к уху.

— Живой! — сказал он радостно. — Слышите? Живой! — И протянул коробку мне.

— Да, — согласилась я, — живой. И я даже слышу, что он говорит.

— Говорит?

— Ну да. Ведь ему же тесно в коробке. И скучно одному. Ему хочется ползать в траве, встречаться с друзьями. Вот послушай!

Я вернула коробочку Диме. Он приложил ее к уху и долго слушал, то улыбаясь, то становясь серьезным.

— Я его выпущу, — сказал он решительно и, присев на корточки, открыл коробку.

Жук горлопиво пополз по дорожке и вскоре исчез в зарослях травы. Дима поднялся и сбросил картузик.

— До свиданья, жук! Всего доброго! Кланяйся своим друзьям! Он смеялся и подпрыгивал, размахивая картузиком, и сразу превратился из вундеркинда в обыкновенного розовощекого мальчишку с сияющими, озорными глазами.

— Сам ты жук! — подумала я. — Не усидишь ты долго в коробочке».

Ю. ДОБРОЛЕНСКАЯ

Приключения Кубарика и Томатика, или Веселая Математика

Л. ЛЕВИНОВА,
Г. САПГИР

11. КАК У ВРЕДНОГО ПАУКА ВОЛЧИЙ ХВОСТ ВЫРОС

В этой главе закрепляется представление о том, что множество может быть образовано не только из одинаковых предметов (камешки, желуди), но и из неоднородных. Главное, чтобы эти предметы обобщались в группу по какому-то общему признаку. Математическому понятию «множество» в разговорной речи могут соответствовать слова, имеющие собирательное значение: букет, машины, игрушки, мебель, посуда и т. д.

Не любили в лесу этого Паука. Все пауки как пауки были. Коврики, рыбацьи сети плели. Всё лето трудились. А этот не любил работать. Лежал целыми днями на солнышке, брюхо грел.

Все пауки друг к другу в гости ходили. А этот сам в гости ходил,

а к себе не приглашал. Придет к кому-нибудь, все съест, всех перессорит, хозяина обидит и убежит. Вот какой этот Паучище был: жадный, злой и ленивый.

Вот пришел он однажды к своему соседу — Пауку-Весельчаку. Сидит Паук-Весельчак, на балалайке играет, лапками перебирает. Детишки-паучишки под музыку пляшут.

— Чему это вы радуетесь? — спросил Паучище.

— Новую сеть сплели, — сказал Паук-Весельчак.

— Нехороший ты, — сказал Паучище.

— А что я сделал? — испугался Паук-Весельчак.

— «Что сделал, что сделал!» — передразнил его Паучище. — Ничего не сделал! Видишь, у соседа сети нет...

— Ну что ж, возьми, пожалуйста. Только обратно верни.

— Верну, верну, — забормотал вредный Паучище. — Сегодня, завтра, когда-нибудь. Не беспокойся.

Взял Паучище новую сеть у соседа. И пошел на дорогу. Протянул сеть от дерева до дерева. И стал ждать.

Шел по дороге Мышонок. На глиняной дудочке играл. Играл, играл. Не заметил, как в сеть попал. Запутался, стал плакать:

— Отпусти меня, Паучище.

А вредный Паук говорит:

— Отдай свою дудочку, тогда отпущу.

Жалко было Мышонку с дудочкой расставаться. Да делать нечего. Отдал ему свою дудочку. Отпустил его Паучище.

Натянул опять вредный Паук сетку. На дудочке играет. Прохожего ждет. А не заметил Паучище, что у него маленький хвостик вырос.

Шел Лягушонок по дороге, в соломинку дул. Мыльные пузыри выдувал. И на беду прямо в сеть угодил. Плачет Лягушонок:

— Отпусти меня, Паучище.

А вредный Паук говорит:

— Отдай свою соломинку, тогда отпущу.

Очень Лягушонок дорожил своей соломинкой. Да делать нечего. Отдал свою соломинку. Отпустил его Паучище.

Натянул опять сетку. И ждет. И не видит, что хвостик у него длиннее стал.

Фыр-фыр-фыр... Едет по дороге большая заводная машина. А в машине куклы, клоуны, зайцы. Это игрушки в лес приехали. Обрадовался Паучище. «Ну, сейчас, — думает, — мне машина достанется».

Наехала машина на сеть. И порвала. Фыр-фыр... — как ни в чем не бывало дальше, к речке, поехала. Разозлился Паучище. Погнался за

машиной. Подъехала машина к речке. Игрушки купаться побежали.

А вредный Паук подкрался, золотой ключик от заводной машины схватил — и бежать!

Бежит, оглядывается. Все ему кажется: кто-то за ним гонится. Паучище быстрее припустил, а тот не отстает. Паучище еще быстрее, а он за лапы хватается.

— Отпусти! — взмолился Паучище. — Ну отпусти! Чего прицепился?

Нет, не отпускает. Посмотрел Паучище, а это хвост ему бежать мешает. Откуда он взялся? Разозлился Паучище, схватил зубами за хвост. Больно! А хвостике длинный, серый. Как у волка. Так у вредного паука волчий хвост и вырос.

С той поры никто с ним водиться не хотел. Вредный Паук все удивлялся: «Почему это со мной никто дружить не хочет?»

— Ты такой злой и жадный, что даже сам на себя не похож, — сказала ему Стрекоза Большие Глаза. — И никто тебя больше в гости не позовет.

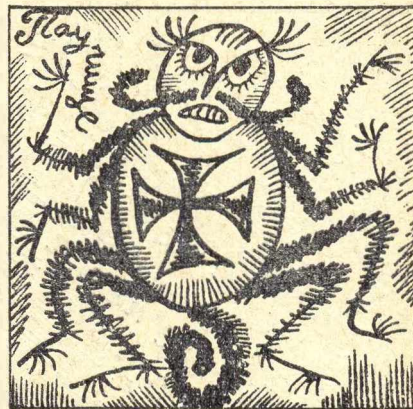
— Подумаешь, — сказал Паучище. — Пусть не зовут, сам приду.

Вот и теперь. Услышал, что у Кубарика день рождения — сразу прибежал.

Поупражняйте детей в образовании множеств из неоднородных предметов.

«Возьмем одну лошадку, одну пирамидку, одну куклу, одну машину. Мы взяли много игрушек».

«Возьмем пожарную машину, ав-

Продолжение. Начало в № 7 и 8.

тобус, грузовик. Мы взяли много машин».

«Возьмем красный листок, желтый листок, коричневый листок, зеленый листок — набрали букет из разных листьев».

Необходимо предлагать и обратные вопросы: какие листья в нашем букете? Какие машины у тебя есть? Какие игрушки стоят на этой полке? Обязательно надо добиться, чтобы ребенок, отвечая на вопросы, назвал все предметы, входящие в группу: «Одна кукла, одна машина, одна лошадка, одна пирамидка и еще одна кукла».

12. КАК ВРЕДНОГО ПАУКА КУБАРИК ПРОУЧИЛ

В этой главе закрепляется прием сравнения по длине. Напомните детям: для того чтобы сравнить два предмета по длине, их нужно положить рядом.

Страшный Паучище — длинные ручки, желтые глазищи, волчий хвостище — всех растолкал. За стол сел. Прямо к Пирогу Именинному. Разрешения не спросил. Начал хватать и глотать: пряничных лошадок, пряничного короля, сахарных солдатиков. А затем и весь Пирог Именинный проглотил. Никто даже ахнуть не успел. А вредный Паучище-Волчище требует:

— Где мое блюдце? Где моя кружка?

— Я уже сыт. Возьмите мою ягоду. Пожалуйста, — сказал Кубарик.

Проглотил Паучище ягоду. За другой тянется — в чужое блюдечко.

— Это почему тебе больше всех? — рассердился Томатик.

— А у меня лапы длинные, — сказал Паучище.

— Как это длинные? — удивился Томатик. — Гусеница тоже длинная, длиннее твоей лапы, а еще ягоду не просит.

— Нет, гусеница короче моей лапы! — спорит Паучище. — Давайте сравним.

Подползла гусеница, легла рядом с лапой Паука. Вытянул вредный Паук лапу через всю комнату, в открытую дверь дальше крылечка.

«Что короче: гусеница или лапа паука?» (Покажите рукой длину гусеницы, попросите ребенка показать рукой длину лапы паука.)

— Ну и лапа у вредного Паука! Длиннее, чем длинная Гусеница.

— Видишь, — говорит Паучище, — значит, ягода моя.

— Извини, пожалуйста, — сказал Кубарик.

— Пожалуйста, — удивился Паучище. — А почему это ты извиняешься?

— А вот почему, — поднял Кубарик копытце и щелкнул кубиком ему по носу. — Не лезь в чужое блюдечко. Понятно?

— Понятно, — сказал вредный Паучище. И потер нос.

И все засмеялись.

— То-то. Теперь помнишь будешь, — сказал Кубарик.

— Буду, — сказал вредный Паучище и снова потер нос.

И все опять засмеялись.

Сидит Паучище-Волчище. Притих. Лишь глазами сверкает. Думает про себя: «Подумаешь, именинник. По-

думаешь, кубиком щелкает. Ничего, ничего, вы еще у меня увидите».

Сравнивая предметы по длине, необходимо показать, что длина — понятие относительное, научить правильному употреблению слов «короткий» и «короче».

Привяжали к двум машинам веревочки разной длины. «У синей машины веревочка длиннее, а у зеленой короче».

«Я нарисую дорожку короче, а ты длиннее. Ты победишь по той дорожке, которая длиннее, а я по той, которая короче».

13. КАК КОЛПАЧКИ ПЛЯСАЛИ

Ребенок продолжает учиться сравнивать две группы предметов и отвечать на вопрос: «Хватит ли?»

Были у Томатика желтые и красные бумажные колпачки. Задумался Томатик: хватит ли всем колпачков?

Попросил он гостей выйти из-за стола. Встали гости около колпачков.

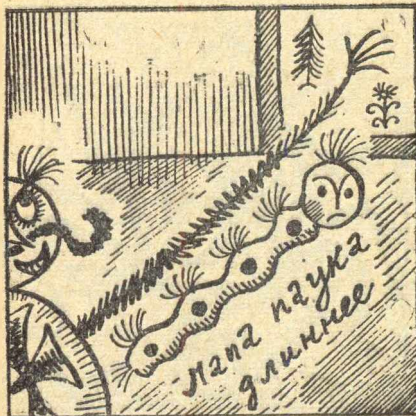
«Хватит ли всем гостям колпачков?»

— Берите, кому какой колпачок нравится! — предложил Томатик. Рыжий Муравей, Зеленая Гусеница, Бабушка-Улитка и Жук-Дровосек взяли себе желтые колпачки.

А Бабочка-Лимонница, Кубарик, Зеленый Кузнечик взяли себе красные колпачки. И у Томатика красных колпачков.

— Танцуют гости в желтых колпачках! — объявил Томатик.

И пошли танцевать! Бабушка-Улитка с Жуком-Дровосеком, Зеле-

ная Гусеница с Рыжим Муравьем. А Паучище — сам по себе.

Вдруг перестал Вредный Паук плясать.

— Почему мне колпачок не дали?

— Мы не знали, что ты придешь к нам в гости! — сказал Кубарик.

— А я хочу колпачок! — требует Паучище.

— Возьми! — сказал Томатик и отдал Вредному Пауку свой красный колпачок. — Давайте теперь все вместе плясать!

И закружились все хороводом на лужайке. А посредине Кубарик кубиками-копытцами топает, отплясывает.

Вот какой веселый день рождения!

Чтобы ребенок научился сознательно применять способы установления равенства или неравенства двух групп предметов и правильно пользоваться выражениями «здесь столько же, сколько и там», «там меньше, чем здесь», требуются многократные упражнения.

У вашей дочки несколько кукол. Подберем им платьев. Хватит ли платьев для всех кукол? Убедите, спрячьте одно платье. Пусть ребенок сам скажет, что одной кукле платья не хватило. Спросите: «Сколько еще нужно платьев?» Когда куклы оденутся, уточните: «Теперь платьев столько же, сколько и кукол, а кукол столько же, сколько и платьев». То же самое можно сделать и с другими предметами. Важно брать каждый раз разное количество предметов и разное количество дополнений (больше, меньше, чем требуется, или равное число).

14. КАК ОКОНЧИЛСЯ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

В этой главе ребенок узнает, что такое считалка, и учится правильно пользоваться считалкой. Объяснение Томатика будет понято только в том случае, если взрослый покажет ребенку, что обозначает выражение «сказать слово и дотронуться рукой», то есть «посчитаться» с ребенком.

Считалку нужно говорить ритмично, четко, выделяя каждое слово. После чтения можно еще раз повторить. Постарайтесь, чтобы на вопрос «кто куда спрятался?», ребенок не просто показывал жестом, а отвечал словами и пользовался предлогами (на кровать, под кровать).

А потом Томатик предложил:

— Давайте играть в прятки.

— Давайте, давайте! — зашумели гости.

— Чур, я считалку знаю, — сказал Паучище-Волчище.

Все встали в круг.

Вредный Паук стал бормотать:

— На стене висит картина,

За картиной — паутина.

На картину не гляди,

В паутину заходи.

— Ах, какая страшная считалка! — сказала Лимонница.

А Паучище-Волчище показал на Кубарика:

— Тебе водить.

— Разве так считают? — удивился Томатик. — Надо сказать слово и дотронуться рукой до кого нужно. Чтобы не ошибиться.

— Пусть Томатик считается, — закричали гости.

И Томатик стал говорить и дотрагиваться до каждого рукой:

— На,

Возьми,

Кубарик,

Кубик,

Мячик,

Шарик.

— Выходи, тебе водить, Паучище. Закрой глаза, не подсматривай, — сказал Кубарик.

— Стань лучше в угол, — сказал Томатик.

Стал Паучище-Волчище в угол. И сразу все кто куда попрятались.

«Куда все спрятались?»

Жук-Дровосек и Жук-Носорог под стол залезли. Бабочка на потолок села. Гусеница под кровать забралась. Муравей и Кузнечик под крылечко. А Улитка в свой домик спряталась.

Стоит Паучище, один глаз закрыл, другим подглядывает. Смотрит, Томатик на кровать залез, под одеяло. А Кубарик рассыпался на кубики и спрятался в коробку, картонной крышкой прикрылся. Запел Паучище-Волчище.

— Искать иду, сейчас найду.

Огляделся: сидят все тихо. Подкрался Вредный Паук к коробке. Схватил что-то. И бежать.

Выскочил Кубарик из коробки, сложился. А где хвостик?

«Сколько кубиков унес Паучище-Волчище?»

Бросился Кубарик на крылечко. А воринки и след простыл. Заплакал Кубарик:

— Унес Паучище-Волчище мой хвостик!

Вот как грустно закончился этот веселый день рождения.

На вопросы «Где?», «Куда спрятался?» дети часто отвечают жестом. Чтобы научить их определять местоположение предметов, поиграйте в игру «Куда спрятался мишка». Вы прячете игрушку, малыш ее ищет. Первое время взрослый не требует, чтобы ребенок сказал, где находится игрушка. Он «удивляется»: «Ну и мишка! Позади дивана спрятался! Хитрый мишка: один раз впереди стола сел, а теперь сзади!» Постепенно вводится новое правило: мишку нельзя трогать, пока малыш не скажет, где тот спрятался. В эту игру хорошо поиграть во время прогулки. Вместо мишки можно взять другую любимую игрушку: куклу, собачку, кошку.

15. КАК ДРУЗЬЯ УЗНАЛИ, ПО КАКОЙ ДОРОГЕ УБЕЖАЛ ПАУЧИЩЕ

Из этой главы дети узнают, что одна рука называется левой, а другая правой; ноги тоже бывают правые и левые. После чтения попросите ребенка показать правую руку и

топнуть правой ногой, показать левую руку и топнуть левой ногой.

В этой главе впервые показана отнесенность понятий «выше» — «ниже». С помощью рисунка разъясните ребенку, что когда Кубарик был ниже елки, елка была выше его, а когда Кубарик стал выше елки, елка теперь ниже его.

Заплакал Кубарик:

— Как же я теперь без хвостика буду?

— Не плачь, Кубарик, — сказал Томатик. — Мы его обязательно найдем, догоним.

Побежали друзья по дорожке. Добежали до середины полянки и не знают, куда дальше. Одна дорожка в поле протянулась. Другая в лес ушла. По какой дороге Паучище-Волчище усакал?

Тут прилетела Стрекоза Большие Глаза.

— Он убежал по дороге, что ведет направо, — сказала Стрекоза Большие Глаза. — Я видела.

— А другая дорога куда ведет? — спросил Кубарик.

— Налево.

Задумался Кубарик: как узнать, какая дорога правая, а какая левая.

— По моим крылышкам, — сказала Стрекоза Большие Глаза. — Это крылышко правое. — И она показала правым крылышком.

— Это крылышко левое. — И она покачала левым крылышком.

— Посмотри-ка теперь на свои руки, — продолжала Стрекоза. — Правая рука — главная. Она все умеет делать. А левая рука — ее помощница.

— У меня все ножки главные, —

не переставал плакать Кубарик — Как найти правую?

— Не плачь, Кубарик, — сказал Томатик. — Смотри, вот моя правая рука. Этой рукой я рисую, держу ложку и здороваюсь с другом.

И Томатик протянул Кубарику свою правую руку. А Кубарик тут же подал ему свое правое копытце. — Ура! Да здравствует мое правое копытце! Ведь этим копытцем я всегда здороваюсь с другом.

— Спасибо тебе, добрая Стрекоза Большие Глаза, — сказал Томатик. — Теперь мы знаем, что эта дорожка ведет направо. — И он показал на правую дорожку.

— Я теперь навсегда запомнил, где правая ножка, — сказал Кубарик.

— Постой, а где же Паучище-Волчище? — спохватился Томатик.

— Сейчас погляжу, — сказал Кубарик.

Правая дорожка уходила далеко, далеко в лес. Не видать вредного Паука. Вытянул шею Кубарик. Все равно ничего не увидел.

«Почему Кубарик не увидел вредного паука? Выше елочка или Кубарик? (Елка выше Кубарика.)»

Тогда кубик на кубик — построился Кубарик башенкой.

«Ниже елочка или Кубарик? (Елка ниже Кубарика.)»

И тут увидел бежит по дороге Паучище-Волчище. Кубик придерживает.

— Стой, разбойник! — закричал Кубарик.

Оглянулся вредный Паук. Еще быстрее припустился.

Превратился Кубарик снова в ло-

шадку. Подпрыгнул и — в погоню.

— Постой! — закричал ему Томатик. — Как же ты без меня?

— Эх, была бы у нас карета, я бы тебя мигом домчал, — сказал Кубарик.

Дети часто слова «выше», «ниже» заменяют словами «больше», «меньше». Покажите ребенку, что мы называем высотой (жестом снизу вверх). Сравните по высоте несколько предметов. (Сравнивать надо по два.) Учите на вопрос о высоте предметов отвечать не просто «высокий», «низкий», но «этот выше, а этот ниже», «они одинаковые (равные) по высоте». Сравнивайте сначала только те предметы, которые значительно отличаются по высоте друг от друга. Вопрос задавайте в двух формах: «Что (или кто) из них выше? Кто (или что) из них ниже?»

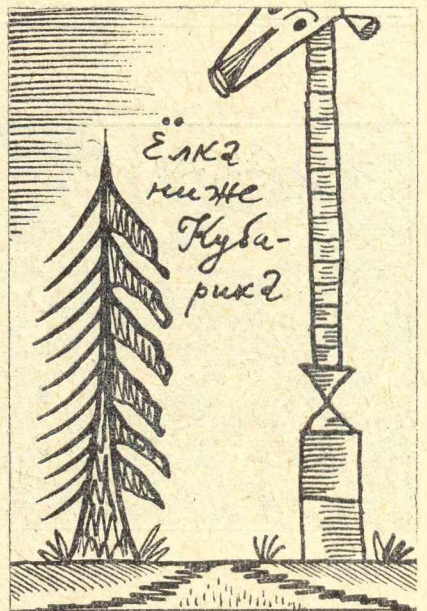
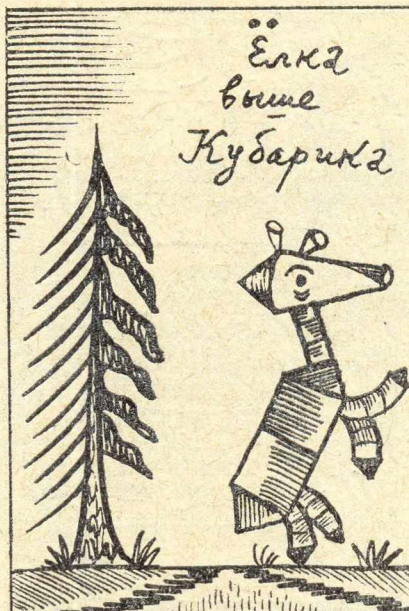
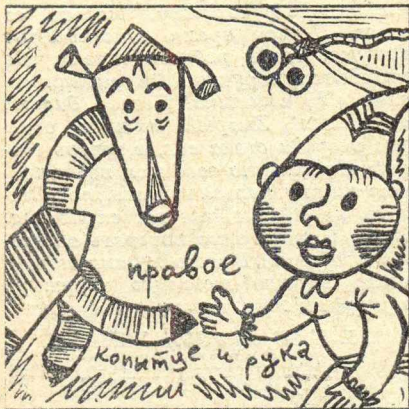
Если малыш ошибается, говорит: «Я больше, чем песочница», — поправьте: «Ты выше, а песочница ниже». Постарайтесь в своей речи сами не допускать подобных неточностей.

16. КАК ДРУЗЬЯ ДЕЛАЛИ КАРЕТУ

Эта глава знакомит детей с тем, что предметы бывают круглые и не круглые.

— Давай смастерим карету, — предложил Кубарик. Но пока карету построим, Паучище-Волчище далеко убежать успеет. Спрячется — не найдем.

Смотрит Томатик вокруг: где взять карету? Вдруг подскочил. Замахал колпачком.

— Смотри, смотри сюда, Кубарик. Что ты видишь?

— Крылечко, — удивленно сказал Кубарик.

— Да нет же, нет! Это не крылечко. Это — карета.

И верно: у крылечка — навес, у крылечка — ступеньки, на крылечке — скамеечка. Настоящая карета, только колес не хватает. А Кубарик уже нетерпеливо кубиками топает. Запрыгаться хочет:

— Поехали, поехали!

— Никуда мы не поедem, — сказал Томатик. — Без колес наша карета.

— А какие они, колеса? — спросил Кубарик.

— Круглые, — сказал Томатик. — Как солнышко.

Кубарик посмотрел вверх и сказал:

— Труба.

— Что — труба? — удивился Томатик.

— Труба — круглая.

Действительно, на крыше домика стояла труба. И правда, она была круглой.

— Не годится, — вздохнул Томатик.

— Как же так? — сказал Кубарик. — Такая красивая круглая труба!

— А как мы будем печку топить без трубы? — сказал Томатик.

— Да, без трубы нельзя, — согласился Кубарик.

— И потом она одна, — сказал Томатик. — А колес надо много.

Кубарик походил, походил вокруг полянки. Заглянул под куст — и ахнул:

— Иди скорей сюда, Томатик. Смотри, сколько здесь колес! И все круглые.

«Что увидел Томатик под кустом?»

Подбежал Томатик. Заглянул под куст. А под кустом мухоморы стоят.

«Какие шляпки у грибов? (Круглые.)»

— Бери, Кубарик, шляпку.

Взял Кубарик шляпку мухомора. Да выронил случайно. Шляпка упала и разлетелась.

— Не годится, — сказал Томатик. — Эти колеса быстро ломаются.

Ходят, ищут друзья, где же для кареты колеса достать?

«Что еще круглое есть на поляне?»

Елка стоит — не круглая.

Дорожка бежит — не круглая.

Птица пролетела — не круглая.

— Нет у нас ничего круглого, — грустно сказал Кубарик.

— А я нашел! — сказал Томатик.

— Круглое! — сказал Томатик.

— Не ломается! — сказал Томатик.

И показал Кубарику на бревнышко, что лежало поперек ручья.

— Ура! — сказал Кубарик. — Поймай, а где еще колеса?

— Погоди, сейчас будут, — сказал Томатик.

Взял маленький человечек пилу. И напил из бревнышка деревянных кружочков. Один круг, еще один круг, еще один круг.

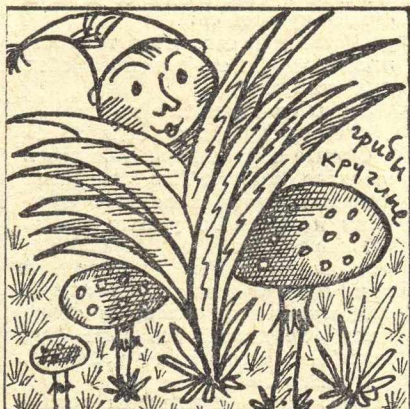
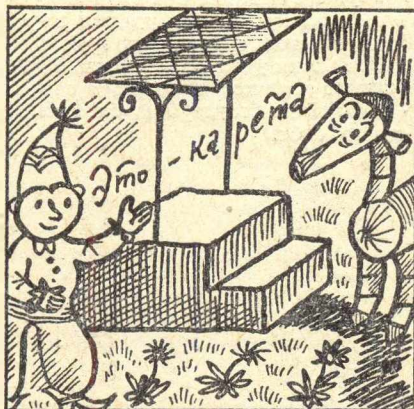
Поставили друзья крылечко на колеса. И покатила карета, только пыль столбом.

Ребенок узнал, что бывают круг-

лые и не круглые предметы. Предложите ему взять круг, обвести вокруг него пальчиком. Попросите положить справа один синий кружок, слева много красных кружков. Дайте несколько кружков. Предложите разложить их в ряд на прямоугольном листе бумаги. Попросите положить столько же синих кружков, сколько и красных. При этом следите, чтобы малыш брал кружки правой рукой, раскладывал их в направлении слева направо и соблюдал равное расстояние между кружками. В следующий раз рассмотрите, какие предметы имеют круглую форму: печенье, блюдце, зеркало. Есть ли среди игрушек предметы, которые имеют круглую форму? Это могут быть колеса машины, тарелочки, столик и т. д. Сначала взрослый показывает предмет и говорит: «Стул не круглый, а стол? Поднос не круглый, а блюдце?» Потом можно устроить соревнование: кто больше покажет круглых предметов? При этом предметы должны находиться недалеко, в поле зрения ребенка. Еще лучше, если круглые и не круглые предметы лежат на столе и дети сами выбирают и откладывают отдельно все круглые вещи. Если ребенок сомневается, круглый или не круглый перед ним предмет, предложите пальцем обвести форму.

Продолжение следует

Художник В. Стацкинский

старинные наставления

голодные собаки

Голодные собаки заметили в реке шкуры, которые положили отмачиваться, но не могли до них добраться. Вот они и решили сначала выпить воду, а потом спокойно взять шкуры. Начали они пить, чуть не лопнули, а шкур не достали.

Прежде чем взяться за какое-нибудь дело, рассчитай свои силы.

извечное недовольство

Мом, сын Ночи, воплощение злословия, был призван к Зевсу, дабы оценить новые творения — быка, человека и дерево. Посмотрел Мом и говорит:

— Все хорошо, только лучше бы быку перенести глаза на рога, чтобы он видел, куда бодает; человеку — устроить сердце снаружи, чтобы сразу отличать хорошего от дурного; а дереву — приделать колеса, чтобы стволы можно было подвозить к дому и рубить на месте.

Нет ничего столь совершенного, чтобы быть свободным от упреков.

самообольщение

Один бездарный певец с утра до вечера распевал в комнате с

оштукатуренными стенами. Голос отражался от стен и казался ему необыкновенно благозвучным. «Мой талант окреп и развился, — решил однажды певец, — грех скрывать такой дар от публики». Расхрабравшись, он вылез на сцену и затянул свою песню, но слушатели ошкали его и с позором прогнали. Худо ошибаться в людях, но еще хуже ошибаться в себе.

путник и водяной

В жаркий день дорога привела усталого путника к пруду. Почувствовав долгожданную прохладу, утомленный путник бросился на землю возле самой воды и тут же заснул. А во сне заворочался и чуть было не скатился в пруд. Водяной разбудил его и сказал:

— Если бы ты свалился, то уж наверняка бранил бы не себя, а меня!

Многие бранят судьбу, когда виноваты сами.

братья и сестры

Некто рассказывал:

— Однажды я потерял лошадь и пошел искать ее по степи. Сильно проголодавшись и истомившись от жажды, я вошел в ближайшее селение. В одном из домов я заметил молодую, очень красивую женщину. Я попросил у нее кусок хлеба. Она мне сказала:

«Садись, я накормлю тебя обедом».

Когда я сел, вошел ее муж и стал попрекать ее:

«Разве для того я на тебе женился, чтобы ты готовила обед для чужих?»

Затем он обратился ко мне:

«Убирайся отсюда подальше!»

Сильно обидевшись, я пошел в соседнее селение. Там я встретил молодого, очень красивого мужчину и попросил у него хлеба. Он мне сказал:

«Окажи мне честь и посети мой дом, я накормлю тебя обедом».

И мы пошли вдвоем и скоро дошли до дверей его дома. Тут появилась жена этого человека, и он сказал ей:

«На улице я встретил прохожего и пригласил его к нам на обед».

Она ему ответила:

«Разве для того я вышла за

тебя замуж, чтобы ты приводил домой бедняков?»

Разозлившись, она захлопнула дверь перед моим носом.

Пораженный поведением этой женщины, столь схожим с поведением мужчины из того селения, я громко рассмеялся. И когда молодой человек спросил, почему я смеюсь, я рассказал ему, что случилось со мной в соседнем селении. Когда я ему точно обрисовал, как выглядит эта женщина и дом, в котором она живет, он мне сказал:

«Удивительная история! Ведь эта женщина приходится мне сестрой, а ее муж — брат моей жены».

ласка и напильник

Ласка проникла в лавку кузнеца и нашла там железный напильник. Она начала лизать его. Напильник поранил ей язык и покрылся кровью. Ласка обрадовалась, она подумала, что кровь течет из железа. И она так усердно лизала напильник, что в конце концов осталась без языка.

Мораль этой басни ясна: упреки упорствуют в своих заблуждениях до тех пор, пока не лишаются всего, что имеют.

два петуха

Два петуха затеяли драку. Победенный спрятался в укромном местечке, а победитель взлетел на высокую крышу и закукарекал во все горло, похваляясь своей победой.

Гордеца заметил орел. Он камнем упал на крышу, ударил петуха крылом, схватил его и унес.

Эта басня учит скромности. Не следует слишком хвастаться своей силой и безудержно славить самого себя.

«Кто хочет заняться историей развития своего мировоззрения, тот должен воспоминаниями детства разрешить несколько весьма трудных вопросов. Во-первых, как ему вообще жилось в то время? Потом, какие впечатления оставили глубокие следы в его памяти? Какие занятия и забавы нравились ему всего более? Каким наказаниям он подвергался, часто ли и какие наказания всего сильнее на него действовали? Какие рассказы, книги, поступки старших и происшествия его интересовали и волновали?»

В свои семьдесят лет Николай Иванович Пирогов, которому принадлежат эти слова, вспоминал детство как одно светлое и радостное переживание. Словно от рождения и до поступления в университет не плакал, не огорчался и не болел, чего на самом деле, разумеется, не могло быть. И все же, при всей остроте памяти, первые заметки которой относятся к самому младенчеству, великий хирург и педагог представлял свою мальчишескую жизнь совершенно безоблачной и прекрасной. Сам Пирогов находил этому только одно объяснение: «Полагаю, что действительные ее наслаждения затмили в моей памяти все другие мимолетные неприятности».

Общее бедствие России — война 1812 года — прошло незамеченным для едва пробуждавшегося сознания. Пирогову шел всего второй год, и о событиях этого времени — бегстве из старого дома и печальной дороге во Владимир — он узнал лишь из рассказов близких. А непосредственные впечатления совпали с порой, когда всё вокруг было исполнено победным торжеством и горделивой радостью.

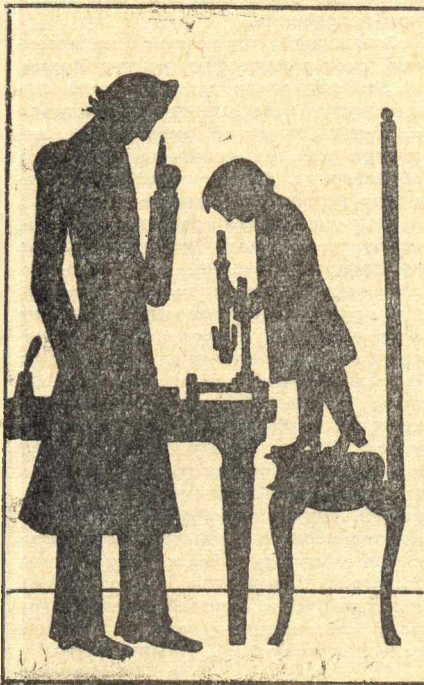
Единственным собственным воспоминанием осталась огромная «чрезвычайной светлая» звезда — комета 1812 года, появившаяся перед самым наполеоновским нашествием.

Новый дом Пироговых, отстроенный на родном пепелище в Сыромятниках (кстати сказать, несколько улиц и переулков неподалеку от Курского вокзала до сих пор хранят это название), был «просторный и веселый, с небольшим, но хорошим садом, цветниками и дорожками». Николенькин отец, казначей Московского провиантского дела, питал слабость к цветам — среди детских впечатлений Пирогова первое место занимают белые розы на тумбочке возле кровати, заросшие выюнком садовые беседки, кольца серсо, планирующие на траву, братья и сестры, играющие в негли и бильбоке среди постриженного кустарника, капельки росы на лепестках...

Другой страстью отца были краски с картинками, стены веселила роспись некоего безвестного живописца Арсения Алексеевича, и даже печки развлекали взгляд нехитрыми,

детство замечательных людей

пирогов

но яркими аллегориями, вроде розовощеких дам — Лета и Осени — с охапками трав и плодов в томных и тяжеловесных руках. По потолкам комнат металась изображения диких птиц, в спальнях сестер пестрели «турецкие палатки» на страницах «Зрелища вселенной» и «Путешествия по России Палласа», бережно хранившихся отцом в заках кожаных переплетах, цвели фантастические растения, бродили невиданные звери, ходили странные, поразительные люди — Лопарь, Самоед, «нагая чукотская баба»...

Даже служебная форма отца была живописной — мундир с золотыми петлицами на воротнике и обшлагах, белые панталоны и высокие ботфорты с длинными шпорами. И читать Николенька выучился не по азбуке, а по раскрашенным лубкам с нарисованными на французском. В ту пору ему было шесть лет, но цветастые изображения настолько поразили будущего хирурга, что он отчетливо помнил их и на склоне дней.

Букву А он выучил по картинке, представлявшей глухого бородатого крестьянина, чья лунавая непонятливость вконец извела французов — солдаты разбежались от него с комическим ужасом на бранных физиономиях, а стихотворная подпись дополняла впечатление:

Ась? Право глух, Мусье, что мучить старика,

Коль надобно чего, спросите Казана!

Буква Б запомнилась по лубку с Наполеоном, мчащимся в санях, на запятках которых примостились маршал Даву и командир польского корпуса Иосиф Понятовский:

Беда! Гони скорее с грабителем Московским,

Чтоб в сети не попасть с Даву и Понятовским.

Но больше всего врезалась в память буква Щ:

Щастье, за Галлом устав бресть пешком.

Решилось в стан русский снакать с Казаком.

Рационально настроенный ум будущего исследователя никак не мог уяснить: почему какой-то француз в мундире, увозимый в карете казаком, именуется «щастьем»? То, что Николенька сам по себе выучился читать, взбудоражило все большее и дружное семейство Пироговых. Отец, мать, братья и сестры теперь наперебой подносили книжные подарки: «Золотое зерно для детей», «Детский вертоград», «Детский магнит, привлекающий детей к чтению, содержащий в себе сто и одну, одну одну лучше, сказочку с нравоучением на каждую». «Политические и нравоучительные басни Пильпая, философа индийского»... Но лучшим в своей жизни Пирогов считал новогодний

подарок отца — комплект первого в России ежемесячного журнала для детей, издававшегося Н. И. Новиковым с 1785 по 1789 год, «Детское чтение для сердца и разума». Содержание нижнего составлялось А. А. Петровым и Н. М. Карамзиным.

«Славная книга, — чего в ней не было! и диалоги, и драмы, и сказки — прелесть! Потому прелесть, что это чтение меня, семи-восьмилетнего ребенка, прельстило знакомством с Альфонсом и Далиндю, с почтенной госпожой Добролюбовой, с старином Яновым и его черным петухом, обнаружившим ворышку и лгунишку Подшивалова; да так прельстило, что 60 с лишком лет эти фиктивные личности не изгладились из памяти».

На девятом году жизни появился у Пирогова первый учитель — студент университета, обладатель румяных щек, постоянной улыбки, модных полосатых панталон и стоячих воротничков, на которые уходило столько крахмала, что ворчала рачительная прислуга. От него Пирогов научился начаткам латинской грамоты и приобрел странный для большинства его сверстников вкус и грамматическому разбору — в этой тяге к «препарированию» фраз уже приоткрывался жгучий интерес к структурному анализу, который так явственно сказался потом в организационной, воспитательной и научной деятельности Пирогова. Еще более многозначительной оказалась любимая игра Николеньки — в ленаря. Старший брат, Петр, страдал острыми приступами ревматизма. И вот, во время одного из них, особенно тяжелого, когда около больного сменялись уже несколько докторов, Пироговым удалось записать к себе одного из лучших московских прантиков — Ефрема Осиповича Мухина. «Как посмотрел Ефрем Осипович больного, — благоговейно вспоминали потом домашние, — сейчас обратился к матушке: «Пошли-те, сударыня, в москательную лавку за сассапарельным корнем, да велите выбрать такой, чтобы давал пыль при разломе; сварить его надо в закрытом и наглухо замасленном тестом горшке; велите так же тотчас приготовить серную ванну» и т. д.

После дней, наполненных стонами измученного Петра, тщетными консилиумами приглашенных специалистов, нарастающими волнениями и тревогой, быстрое исцеление показало чуть ли не волшебством. Не удивительно, что вслед за этим случаем Николенька принялся укладывать в постель всех доброхотов, нукол, «между прочими и кошку, переодетую в даму», переходил от одного пациента к другому, усаживался за стол; выписывал рецепты и разъяснял, как принимать лекарства. Вспоминая свои переживания во время этих «визитов

и больным», Пирогов писал: «Игра моя в ленаря не была детским паяничаньем и шутством. В ней выражалось подражание уважаемому, и только как подражание она была забавна, да и то — для других...» Самому Мухину, знакомство с которым счастливо установилось, занятия младшего Пирогова тоже показались чем-то большим, нежели ребячьей забавой. Интуиции и доброжелательному характеру Ефрема Осиповича было предопределено сыграть решающую роль в судьбе будущего медицинского светила. Пирогов второй год учился в «Своекоштом отечественном училище, для детей благородного звания» (как именовался размещавшийся по соседству с домом пансион Василия Степановича Кряжева), когда в семье стряслась беда: один из подчиненных отца скрылся с 30 000 казенных денег, и тому из-за несоблюдения каких-то формальностей пришлось выплачивать значительную часть пропавшей суммы. Затем последовала отставка. Благополучие рухнуло: дом, экипаж, мебель, платье — все было описано. Скудных средств не хватало для обучения в частном пансионе. Кряжев с сожалением расстался со способным учеником и выдал аттестат: «Николай Пирогов обучался с 5 февраля 1822 года катехизису, изъяснениями литургии, священной истории, российской грамматике, риторике, латинскому, немецкому и французскому языкам, арифметике, алгебре, геометрии, истории всеобщей и российской, географии, рисованью и танцованью с отличным стараньем при благонравном поведении».

Оставалось устроиться на казенный счет в гимназию, но тут Мухин, тогдашний денан медицинского факультета, неожиданно посоветовал поступать прямо в университет, не смотря на незаконченное школьное образование. До вступительных экзаменов оставалось меньше полугода...

Наконец настал решающий день, исполненный для Пирогова такого громадного значения, что «как солдат, идущий на жизнь или смерть, (он) осилил и перемог волнение и шел хладнокровно». Впоследствии Николай Иванович вспоминал, что он знал «гораздо более», чем от него требовалось, но и обнаруженных знаний хватило, чтобы впечатлительного экзаменатора. Единственным затруднением для приема было отсутствие метрики, вместо которой, однако, удовлетворившись свидетельством комиссии комиссариатского депо, что «по формулярному списку комиссионера Ивана Пирогова значится в числе прочих его детей, сын Николай, имеющий от роду шестнадцать лет». На самом деле Пирогову было четырнадцать.

В. ШАТЧЕНИН

Задумаемся над одной привычкой наших детей. Идет игра в футбол — кричат. Надо вызвать приятеля с верхнего этажа — скандируют хором. Ворвутся стайкой в автобус — стараются перекрыть шум мотора... Да и в школе на переменах далеко не всегда стесняются.

«Веселый ребячий гомон...» Нередко произносим мы, умиляясь, эти слова. Но не задумываемся: а хорошо ли, что ребята гомонят? И дело не в том только, что громко разговаривать или петь (а сплошь и рядом — просто кричать) — невежливо по отношению к ушным раковинам окружающих. Столь же вредно и само «производство шума» для тех, кто его производит.

Голос — это инструмент. И довольно нежный; любые перегрузки его нежелательны. Но о необходимости «беречь голос» вспоминают, к сожалению, редко — разве что тогда, когда речь идет о юных певцах.

Вспоминаю недавний случай: ко мне обратились родители будущего юриста — его так называемый евнухоидный голос, по их справедливому суждению, никак не вязался с образом защитника, об амплуа которого так мечтал юноша.

А во-вторых, разве мало профессий, которые хоть и не считаются «речевыми», тем не менее требуют хорошего голоса, потому что так или иначе связаны с работой с людьми. Хороший голос нужен равно и медицинскому работнику, и работнику торговли!

Причин нарушения голоса много. Некоторые из них вполне можно предупредить, в других случаях требуются упражнения, лечение, воздержание от голосовой нагрузки. В будущем, по-видимому, появится специальная наука — детская фониатрия, которая будет заниматься этими вопросами; сейчас же пока мы располагаем лишь отдельными сведениями в этой, прямо скажем, относительно мало изученной области. И все же они могут представить определенный интерес для родителей.

Сначала о предупреждении неприятностей с голосом. *Первое правило — не кричать!* (Исключительные случаи, которые в жизни не так уж часты, — не в счет.) Приучайте ребенка говорить сдержанно. Каким образом? Ну хотя бы не отвечая ему («Не слышу!»), когда он гово-

НЕ КРИЧАТЬ!

рит слишком громко. (Естественно, те же требования вы должны предъявить себе — иначе все бесполезно.)

Не стоит разговаривать на улице при сильном морозе.

Не надо стараться перекричать шум (производственный или транспортный). Если нет острой необходимости сказать что-то немедленно, лучше подождать, пока шум стихнет или вы сами окажетесь в более тихом месте.

Ни в коем случае нельзя напрягать голос при ангине, заболеваниях дыхательных путей, легких. И не только в разгар болезни, но и когда дело пошло на поправку.

Неприятное действие на голос ребенка может оказать сухой воздух при паровом отоплении. Поэтому по возможности увлажняйте воздух — разводите цветы, оставляйте в открытом сосуде воду около спящего ребенка.

Учтите, что излишняя полнота ребенка вредна не только сама по себе, но и на голосе она отражается.

Особого внимания требует голос 4—5-летнего ребенка, когда он начинает петь. Исполняемые им песенки не должны выходить за пределы диапазона детского голоса — иначе это может вести не только к хрипote, но и более значительным стойким нарушениям голоса. Нам приходится сталкиваться с фактами, когда родители разрешают детям петь дома «во весь голос» песни, предназначенные для исполнения взрослым. (Заметим в скобках, что дети, поющие в хорах, равно как и ученики музыкальных школ, должны быть под постоянным наблюдением врачей-специалистов.)

На голос влияет и пища. Раздражающая пища, содержащая пряности, много соли и уксуса, ухудшает голос. Нежная, нераздражающая (молочная, пюре, яйца, каши) — действует благоприятно.

Не приходится говорить о крайне отрицательном влиянии табака и алкоголя. Замечено, что и употреб-

ление пива сказывается на голосе отрицательно, отчего у мальчиков голоса портятся раньше и чаще, чем у девочек.

Очень важен тот период (13—14 лет у девочек, 14—15 лет у мальчиков), когда голос начинает «ломаться». Даже громкое чтение должно быть запрещено, так же как выступления на вечерах и концертах. Если голос исчезает вовсе, требуется полное молчание в течение 2—3 дней; иногда разрешается говорить шепотом.

Позволим себе указать *некоторые средства лечения нарушений голоса.* При нарушениях, сопровождающихся жжением и сухостью в горле, хорошее действие оказывает такое простое средство, как полоскание горла раствором ромашки, мальвы или же липового цвета. Важно, чтобы раствор не был ни горячим, ни холодным, а имел комнатную температуру. Можно использовать и другие лечебные травы или минеральные воды — шавническую, боржом. Лучше их смешивать с теплым молоком (полстакана воды и полстакана молока). Могут помогать и сырые яйца. (Кстати, певцам показано пить не белок, а желток.) Рекомендуются морковь, апельсиновая кожица, кукуруза, сливочное масло. Закапывание в нос рыбьего жира по 2—3 капли также помогает при жжении и сухости. В это время не нужно парить горло, как это иногда делают, пить слишком горячие или слишком холодные напитки. Нужно дать горлу покой.

Само собой разумеется, что заболевания гортани и носа ведут к нарушению голоса. В ряде случаев бывает недостаточным удалить опухоль из гортани, сделать операцию в носу; оказываются неэффективными различные процедуры. При этом часто обнаруживается, что дети во время речеобразования дышат неправильно.

Поэтому необходима *постановка дыхания и так называемая постановка голоса.*

Правильным дыханием считается такое дыхание, при котором в момент вдоха грудная клетка расширяется не только вперед и назад, но и в стороны, а выдох начинается с поджимания живота и лишь после этого распространяется на грудную клетку. При достаточно последовательной (хотя и недолгой) тренировки

ке отработать правильное дыхание нетрудно.

Что касается постановки голоса, то делается это так. Ребенка просят пошире открыть рот и гортано-глотку и затем сосредоточить свое внимание на том, где звучит голос. Объясните ему это. Он должен знать, для чего ему это необходимо. (Лучше, конечно, если первое упражнение будет проделано вместе с врачом, а затем уж дома.)

— Распширь еще больше рот. Трудно? Еще немножко. Маленький язычок в глотке должен быть поднят вверх. Посмотри в зеркало. Вот так. Хорошо. Звук, который сейчас произнесешь, должен идти в переднюю часть лица. Голос ты будешь ощущать в области гортани. Да, там, где это небольшое возвышение на шее. Верно, у кадыка. Теперь нужно «мычание». Попробуй еще раз!.. Чувствуешь? Уже получается...

Надо обязательно подбодрить ребенка.

Затем наступает этап «мычания» в так называемую «маску» (то есть в переднюю часть головы) уже не коротких «м», а слогов типа «мо», а потом и слов «мама», «море», «мопс» и других, начинающихся на «м».

После этого следует другой этап — более сложный: считать вслух до 30 на одном дыхании с удержанием звука в уже упомянутой «маске».

Пусть ребенок сам неоднократно повторяет эти упражнения по 3—4 раза. Лучше без посторонних, чтобы он не смущался. Не горячитесь, если что-либо вначале не получается, особенно «мычание».

Через несколько дней новое упражнение — стихотворный текст. (О том, что необходимо удерживать звук в «маске», ребенку напоминайте постоянно.)

Заключительный этап лечения состоит в чтении любого печатного текста вслух с аналогичными требованиями.

Всего требуется 5—7 занятий с интервалами в 2—3 дня.

И конечно же, при всех видах нарушения голоса уделяется внимание общему физическому развитию ребенка. Прогулки, подвижные игры, закаливание, утренняя гимнастика...

Б. ШЕВРЫГИН,
доктор медицинских наук

кормушка

За окном моей комнаты прибита небольшая досочка с невысокими бортиками — это моя птичья кормушка. Осенью, когда я возвращаюсь в город, первым делом насыпаю на досочку семечки или коноплю. А на следующее утро меня будят громкие разговоры воробьев и звонкие «тинь-тинь» больших желтогрудых синичек.

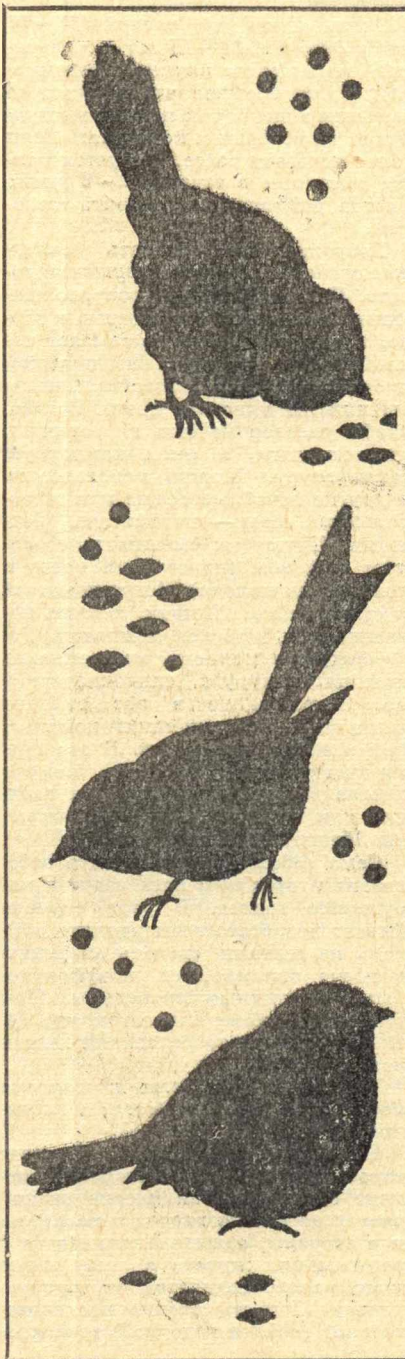
Моей птичьей кормушке повезло — под окнами у нас растут тополя, и на их ветвях с утра пораньше собирается все пернатое население, приписанное к нашему дому.

Я открываю форточку, негромко призывно посвистываю, сыплю в кормушку новые семечки, новую коноплю, ягоды рябины, семена березы — и синички первыми подхватывают лакомство.

Так продолжается всю зиму, до весны, пока во дворе не растает снег, пока воробьи и синички не займутся гнездами.

Пожалуй, многие знают, что кормушки необходимы птицам, что корм, приготовленный человеком, помогает пережить нашим пернатым друзьям холодное и голодное время года. Но здесь надо пояснить к чему приводят ошибки наших детей и нас, взрослых, когда мы начинаем приучать птиц к кормушке... Если вы приучили птиц, обнадежили их, а потом посреди зимы отказали тем же синицам в корме, то может произойти беда. Синички не отыщут корма, к которому привыкли, не отыщут его и в другом месте, отправятся в дальний поход среди жестокой зимы — они не смогут — ведь здесь, около вашей кормушки, синички собирались прожить всю зиму... Нет, никогда нельзя обрывать свое внимание к птицам среди зимы — и это правило надо прежде всего донести до детей.

Еще совсем недавно в письмах ребят-юннатов чаще звучали просьбы — рассказать, чем кормить снегиря, который живет в клетке,

как часто чистить клетку, как быть с птичкой, если она заболела. А теперь детская почта говорит больше о кормушках...

Ребята сами конструируют кормушки, соревнуются, к кому больше прилетает птиц, заготавливают летом корм для птиц, ведут наблюдения, проверяют народные приметы, следя за поведением птиц.

Когда же и как устроить кормушку у себя за окном? Сделать это надо уже сейчас, в сентябре. Почему? Да потому, что уже сейчас первые кочевые стайки синичек посещают наши города в поисках корма. Синичек, заглянувших к нам из леса, вы встретите повсюду: их не пугает городской шум — были бы балконы, подоконники да хоть редкие деревца.

Повесите вы кормушку за окном сейчас, найдут ее первые кочевые стайки синичек, отыщут там семечки, коноплю, кусочки несоленого сала, запомнят это место и останутся вашими гостями-друзьями на всю зиму.

Следом за синичками пожалуют в город и снегيري, и свиристели. Да, эти жители глухих северных лесов — нередкие гости самых больших городов. Если в лесу урожай ягод быстро собирают шумные стаи пернатых, то в парках и садах наших городов рябина, яблочки-дички остаются висеть всю зиму. Вот почему часто даже в самых шумных местах города вы услышите вдруг и ласковую флейточку снегиря, и переговоры красавцев-свиристелей. Как узнали эти зимние гости, что в центре города есть рябина? На этот вопрос я вам точно не отвечу, но факт остается фактом — снегيري и свиристели частые гости, например, Москвы. И у себя на кормушке мне не раз приходилось видеть этих замечательных птиц и угощать их рябиной, можжевельными ягодами и кусочками яблока.

Снегири, которые навевались ко мне на кормушку, жили поближе, получали два раза в день угощение и покидали меня лишь к весне.

Нередко показываются в больших городах и дятлы. А что мешает дятлу заглянуть в парк, на бульвар, а следом и на кормушку, где

на бечевке висит кусочек сала. И тут дятел, как синица, повиснет на кусочке сала и примется его поклевывать — и совсем не так, как долбит дерево, а осторожно, старательно. И на другой день прилетит, если вы его не испугаете.

Ко мне на кормушку прилетали по осени и пеночки, заглядывали в окно и зяблики. Только вот ни разу не видел я у себя под окном чечеток. А были они, наши северные гости, в Москве, прыгали неподалеку по снегу среди сухих кустов лебеды.

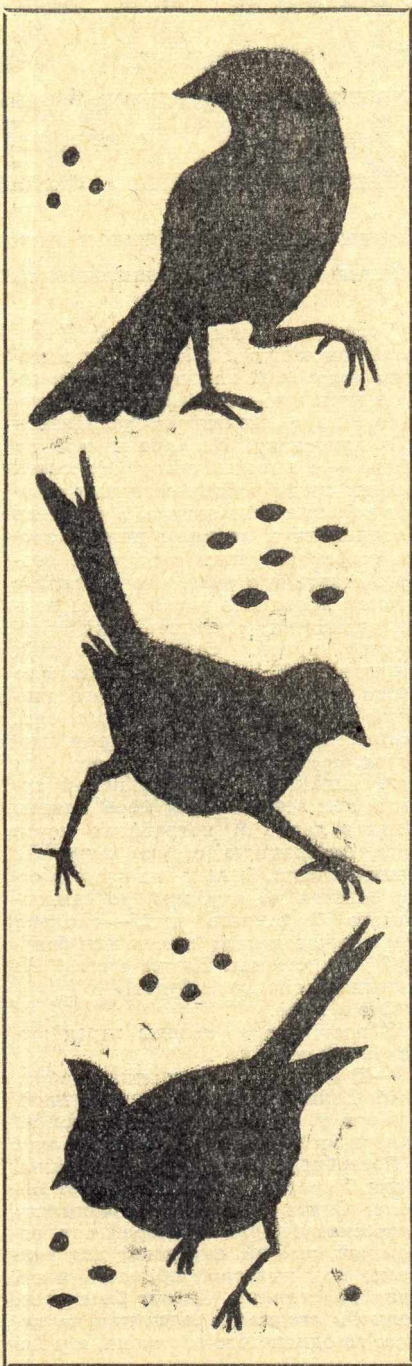
Но чечеткам можно простить невнимательность к кормушке — они не так доверчивы, как большие синички. А кто знает, может, пройдет совсем немного времени, и к вам под окно заглянут самые недоверчивые птицы. Вы думаете, это фантазия?

Я расскажу вам, как изменилось поведение синичек с тех пор, как за окнами московских квартир появились первые кормушки.

Первые годы синичек в Москве было не очень много — появлялись они в наших дворах поздно и большими стайками, как снегири. Все это давало основание считать, что заглянули они в город по острой необходимости — корма в лесу к этому времени не осталось, и вот пришлось им, набравшись храбрости, явиться под наши окна.

Но со временем я стал замечать, что синицы появляются около кормушек все раньше и раньше, держатся все дольше и дольше и даже ночевать стали не в парке, а на чердаке нашего дома, в вентиляционных трубах — являлись они на кормушку после таких ночевочек всегда черными, озорными, как маленькие чертики.

К весне эти синички улетали в парк, в пригородные леса. Некоторых синичек я по-своему метил и, конечно, радовался, когда встречал новой осенью. Прошло еще немного времени — и тут я стал встречать синичек возле нашего дома и летом: значит, где-то здесь были их гнезда. Может быть, деревья около нашего дома стали выше, гуще? Нет, с деревьями у нас стало как раз хуже: их стали обрезать, спиливать — ветки тополей теперь не

дотягиваются до моего окна. Но синички в наших дворах все-таки гнездятся — и уже не первый год.

Этих синичек мы знаем — они первыми, еще в августе, появляются на кормушке. А в прошлом году в июле на мою кормушку заявились синички, только что научившиеся летать. Конечно, они не искали здесь корма, а просто присели на удобную дощечку, которая чуть выдается из стены дома.

Вот так вот медленно и постепенно изменяется поведение птиц в ответ на внимание людей. Так что мои прогнозы относительно чечеток и других совсем пока еще негородских птиц все-таки имеют кое-какие основания...

Да вспомните скворцов! Наверное, было такое время, когда этим чудесным птицам никто не устраивал искусственных гнездовий. И сейчас многие скворцы живут жизнью лесных птиц — они устраивают свои гнезда в дуплистых деревьях и преспокойно выводят там своих скворчат. Но есть скворечники — и скворцы с удовольствием селятся около людей. Доверчивые веселые птицы приносят людям радость, делают мир деревни, села, поселка ярче и светлей.

Если у вас есть балкон, устройте кормушку на балконе, принесите корм в одно и то же время, слегка похвастывайте, когда высypаете корм. И очень скоро синички узнают, когда вы их кормите, научатся собираться на ваш призывный сигнал. А дальше — больше. И если вы постараетесь, то очень скоро синички с вами по-настоящему подружатся.

Не забудьте и о своих постоянных гостях — воробьях. Угощайте и их. Воробей — главный помощник человека в городе. Ведь в городе пока еще мало синичек, мало скворцов — и воробьи уберегут деревья города от вредителей. Не забудьте, что свое многочисленное потомство воробьи выкармливают преимущественно насекомыми, их личинками.

Вот и весь короткий рассказ о кормушке. И мне хочется верить, что после нашего разговора вы поможете своим детям устроить первую в их жизни птичью столовую.

А. ОНЕГОВ

Жил когда-то в нынешнем Репине, а тогда в Куоккале, в сорока верстах от Петербурга, молодой литературный критик. В те годы не было у него за плечами еще ни Ленинской премии, ни мантии доктора Оксфордского университета, еще не написаны были ни «Мастерство Некрасова», ни «От двух до пяти», ни «Крокодил», ни «Мой-додыр», но уже пользовался он громкой и широкой известностью и в литературных кругах, и у читающей публики. Именно об этой далекой поре жизни Корнея Ивановича Чуковского и повествует книга его дочери Лидии Чуковской «Памяти моего отца».

Чем хороша эта книга? Хороша она, на мой взгляд, прежде всего своей несомненной подлинностью, достоверностью, интимностью. Книгу написал один из самых близких Чуковскому людей. На страницах ее мы видим Корнея Ивановича не только в окружении литераторов и художников, но и в обстановке домашней, в кругу семьи. Видим его в роли отца, наставника и товарища своих детей. Видим во всей сложности его характера, во всей его прелесть и со всеми изъянами. И может быть, самое главное — в книге присутствует время, десятки годы нашего века, время, которое увидели и запомнили глаза маленькой девочки.

Лидию Чуковскую читатели хорошо знают как автора биографических и литературоведческих работ о Герцене, Н. Бестужеве, Миклухо-Маклае. Ученица и соратница С. Я. Маршак, Лидия Корнеевна много сил, таланта, умения отдала советской детской литературе. По ее книге «В лаборатории редактора» учились и учатся молодые писатели, журналисты, издательские работники. Те, кому она когда-нибудь помогала в работе, хранят об этом благодарную память всю жизнь. Не могу и я забыть, что когда-то, сорок с лишним лет назад, Лидия Корнеевна была редактором одной из моих первых книжек — повести «Часы».

Мне кажется, ни в одной из своих ранее опубликованных работ Лидия Чуковская не показала себя таким зрелым художником, мастером литературного портрета, увлекательным рассказчиком, как на страницах книги, главы из которой начинает печатать «Семья и школа».

Л. ПАНТЕЛЕЕВ

На следующей странице — два рисунка, сделанные рукой Владимира Маяковского. В 1915 году, в Куоккале, он набросал портреты главных действующих лиц этой книги — отца и дочери.

Лидия ЧУКОВСКАЯ

НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

Главы из книги «Памяти моего отца»

1.

Тогда, в нашем детстве, в Куоккале, он казался нам самым высоким человеком на свете. Идет к себе в комнату — в дверях голову непременно наклонит: не ушибиться б о притолоку! Посадит к себе на плечо — с высоты сразу откроется глазам среди редких сосновых стволов дальняя даль залива. В оттепель подпрыгнет и лыжной палкой легко собьет сосульки с балкона второго этажа, а с теми, что свисают с крыши деревянного сарая, и без палки управится: протянет руку и обломает рукой. Он длиннорукий, длинноногий, узкий, длинный. Кто выше его? Нет такого! Им, его длиною, можно измерять заборы, ели, сосны, волны, людей, сарай, деревья, высь и глубь. Рост его был нам выдан судьбой как некий аршин, как естественная мера длины. Сидя в лодке и потрагивая через борт прозрачную серую воду, мы прикидывали, бывало, на глаз: а если считать до глубины, до самого-самого бездонного дна, — сколько тут окажется пап: шесть или больше? «Да что ты! Какие шесть! Не меньше двенадцати будет!»

Это в море.

В лесу, задрав головы перед высоченной сосной:

— В этой-то уж наверняка десять пап! Если от земли до макушки!

Ноги у него великанские; какие сапоги ни купит себе в Выборге или в Петербурге — все не впору: малы. Узки. Коротки. Жмут. Натирают мозоли. Опять отдавать на растяжку сапожнику! Хотя примеряй тот, огромный, рыжий, что висит для рекламы под вывеской обувного магазина на станции. Да вот беда: тот, если бы сгодился, рассчитан на какого-то одноногого великана, а у на-

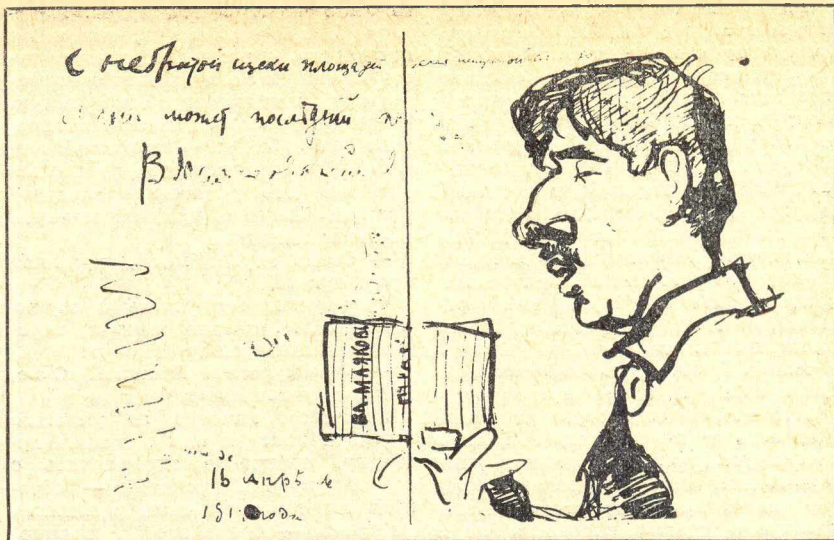
шего, слава тебе господи, две ноги, не одна.

И походка, и повадки у него великанские. Не только дети — взрослые едва равняются с ним. Шагает по песку вдоль моря, а я рысцой бегу рядышком. На один его шаг — пять моих мелких шажков. И с вещами обращается по-великански: норовит утащить их к себе в высоту. Молоток ли в доме пропадет, или щетка — подставляя стул, ищи на крыше буфета или платяного шкафа: он, мимо идучи, там оставил. Ему на высоте сподручнее. А чих у него какой! Не люди — дача вздрагивает! А фыркание какое, когда умывается! Намылит щеки, грудь, шею и фыркает. Будто в фыркание главное мытье и есть.

Узкий, длинноногий и длиннорукий, подбрасывающий к потолку и льющийся без промаха палку, тарелку, кого-нибудь из нас. Тощий, но сильный; любит веселье и любит занозистой насмешкой поддеть. Непоседлив, беспечен, всегда готов затеяться в нашу игру или изобрести для нас новую.

До первой детской книги Корнея Чуковского оставалось в ту пору года три, до второй — около десяти, им не была написана еще ни единая строка для детей, но сам он, во всем своем физическом и душевном обличье, был словно нарочно изготовлен природой по чьему-то специальному заказу «для детей младшего возраста» и выпущен в свет тиражом в один экземпляр.

Нам повезло. Мы этот единственный экземпляр получили в собственность. И, словно угадывая его назначение, играли не только с ним, но и им и в него: лазили по нему, когда он лежал на песке, как по дереву поваленному, прыгали с его

плеча на диван, как с крыльца на траву, проходили или проползали между расставленных ног, когда он объявлял их воротами. Он был нашим предводителем, нашим командиром в игре, в ученье, в работе, капитаном на морских прогулках и в то же время нашей любимой игрушкой. Не заводной, а живой.

Впрочем, хотя детских книг он тогда еще не писал, веселые стихотворные строчки, обращенные к детям, сочинялись им уже и в те времена, однако всего лишь для домашнего употребления, играючи, походя. Это были импровизации, домашние экспромты, одновременно — всего лишь.

— ...Лидо-очек,
Лучшая из до-очек! —
говорил он мне вкрадчивым, певучим, тоже каким-то длинным голосом. (Я же была так мала и глупа, что не могла догадаться, почему это я называюсь «ездочек»? Разве я на чем-нибудь езжу?)

Или весело рычал, топая на меня великанскими ножищами:

— Ах ты, скверная девчонка!
Ка-ак болит моя печенка!

— Папа! — говорю я, переминаясь от нетерпения с ноги на ногу, понимая, что ему хочется поиграть со мной не менее, чем мне с ним. — Папа, посади меня на шкаф.

Он отступает на шаг. Грозно глядит со своей высоты. Наклоняется. Перед моим носом назидательно закачался длинный палец.

— Учишь вас, учишь! Проси как следует.

Игра началась. Я жажду испытаний и ужасов: пострашней, поужасней, а кончилось чтобы все хорошо. Более всего на свете я боюсь высоты. Потому и прошусь не куда-ни-

будь, а на вершину высоты, под самый потолок, на шкаф.

— Глу-бо-ко-у-ва-жа-е-мый папаша! — говорю я по складам, как положено в этой игре. — По-са-ди меня, пожалуйста, на шкаф!

— То-то же! — палец исчезает. — А вниз не запросишься?

— Нет.

— Так и будешь теперь всю жизнь жить на шкафу?

— Жить на шкафу.

Он берет меня под мышки, минуту раскачивает, потом сажает на шкаф и сразу большими шагами уходит из комнаты прочь. И закрывает за собой дверь, чтобы страшнее.

Я сижу. Мне страшно. Как чужие, болтаются над пропастью мои бедные ноги. Я решаюсь одним глазом заглянуть туда, вниз, в пропасть. Там, на полу, желтый линолеум с черным узором. Вот упаду и разобьюсь вдребезги, как чайная чашка. И зачем это я попросилась на шкаф. Никогда мне уже больше не пробежаться по песку, не сесть вместе со всеми обедать... Все купаются, играют в пятнашки, и он вместе с ними... а я? Я живу на шкафу. И никогда, никогда не буду больше вместе с другими бросать плоские камни в море и подсчитывать, сколько раз камень подскочит, и никогда уже больше он не позовет меня устраивать плотину на нашем ручье!

— Папа!

Молчит.

— Папа!

Не отвечает. Ушел, позабыл обо мне и оставил меня здесь на всю жизнь...

Глядеть вниз — страх пробирает. Вверх — тоже, там потолок, там самая и есть высота высоты. Он нас отучает бояться, меня и Колю. Ве-

лит лазить по раскидистым соснам. Выше. Еще. Еще выше! Но тогда он сам стоит под сосной и командует, и можно держаться за его голос.

Сижу, скованная страхом, поглядывая на свои никчемные ноги. Одна.

— Глубокоуважаемый папаша, — пробую я, ни на что не надеясь, — сними меня, пожалуйста, со шкафа. Мне здесь не нравится жить. Пожалуйста!

Его шаг! Он тут! Он только притворялся, что ушел далеко! Он входит, берет меня под мышки, раскачивает, подбрасывает и опускает на пол. Какое счастье! Я опять на полу, где все люди, и могу бежать куда хочу.

Рукам его довериться можно вполне. Вовремя подхватят, никогда не уронят, не сделают больно. Правда, завязать мне капор под подбородком, или всунуть в свои манжеты запонки, или изжарить яичницу, выгладить рубашку, упаковать чемодан — руки эти никогда не умели. Такие длинные, гибкие пальцы — а этого они не умели. Но вот подбросить чуть не до потолка меня или нашего младшего, Бобу, швырнуть нас обоих на диван, чтобы посмотреть, высоко ли нас подкинут пружины, — это для них нипочем. Взлетай, падай, не бойся: вовремя подхватят и удержат. А мучительства! Любимая наша игра. Ушевывертывание. Головоотрубание. Пополамперепиливание (ребром руки поперец живота). Шлепс-по-попс. Волосовыдергиванье... Надежные руки, большие, полные затей, с чисто-на-чисто промытыми круглыми ногтями. И всегда, даже на морозе, горячие.

...Вот по Большой Дороге мы возвращаемся с ним вместе со

станции. Ходили вдвоем на почту. Мороз градусов 30. По обеим сторонам пустые дачи, стреляющие промерзшими досками; заваленные снегом клумбы; утонувшие в снегу колья заборов. Снега, снега по обочинам Большой Дороги, а посередине бежит, сверкая слюдяным блеском, твердый, накатанный санями, утоптаный лошадиными копытами, бесконечный путь. Мороз незримой плотиной в воздухе. Почему это снег называется белый, когда на самом деле он синий, розовый, цветной, искрящийся? Но сегодня мне и снег не в радость. Я стыну. Замерзли губы, брови, лоб. Даже зубы. А ноги? Ног у меня просто нет. А ему мороз нипочем. Для него и сейчас жара. Пальто распахнуто, руки без перчаток, уши барашковой шапки развязаны. Я, укутанная, плачу от холода. Меня пробирает дрожь, словно я не в шубе, не в капоре, не в платке, не в гамашах, а в летнем платьишке. Плачу сначала потихоньку, потом все громче и громче, и от горячих слез мне становится еще холоднее.

Он берет меня на руки, стягивает с меня промерзшие боты, засовывает боты в один свой карман, обе мои ноги в другой и опускает туда свою горячую руку.

Тесно. Счастливая теснота.

Через минуту, зажатые в его ладони, мои пальцы и пятки оживают, заражаясь его неистощимым теплом, прогреваются насквозь, горячают, словно мы уже дома и я уже примостилась в столовой у белой кафельной печки, где в квадратной пасти пышно тлеют березовые уголья.

Так он и несет меня сквозь мороз по дороге: обе мои ноги в тесноте его кармана, под его огромной жаркой рукой.

2.

В куоккальские времена всю черную мужскую работу по дому он исполнял сам. Сам воду носил, колол дрова, топил печи. Сам был за кухонного мужика и за дворника: разметал метлой лужи, или ломом скалывал с крыльца лед, или деревянной квадратной лопатой прокладывал дорогу от крыльца до калитки — узкую яму среди сугробов. И мы, с маленькими лопатками, следом за ним. Идешь по этой глубокой канаве, уравниваешь лопаткой бока; тронешь боковой вал рукой и сквозь шерстяную перчатку почувствуешь, как колетса снег.

Когда-то, одесской полугодной юностью, случалось ему работать в артели маляров, и он навсегда сохранил пристрастие к превращению старого обшарпанного забора в новенький, молодой, только что обласканный кистью. В этой рабо-

те было что-то праздничное. Аппетиту, с которым он красил забор или ящик, помешивая кистью густую зеленую кашу, могли бы позавидовать сподвижники Тома Сойера. И уж разумеется, неистово завидовали мы. А он — по-томсойеровски! — снисходительно предоставлял нам это редкостное счастье: мазнуть! Зеленой краской мазнуть разок по калитке.

— Стань передо мной, как лист перед травой!

Он вручает мне кисть с торжественностью, словно монарх, передающий наследнику скипетр:

— Держи ровно! Не капай! О-о-о, как я страшен в гневе!

Руки его, никогда не умевшие повязать галстук или пришить пуговицу, прекрасно справлялись с грубой, простой работой — сбросить ли с крыши снег, распилить ли бревно — и, как это ни странно, не умея вдевать нитку в иглу, с истинно жонглерской ловкостью показывали фокусы. Да, вот вдевать запонки в манжеты было для него делом непостижимым, а солонкой жонглировать — пожалуйста.

Поставит на ладонь полную солонку, круто наклоненной ладонью совершит полукруг в воздухе; и не только сама она, словно гвоздями приколоченная, не падает на пол, но даже и соль каким-то чудом не сыплется.

Да что солонка! Его слушались стулья.

Стул покорно стоял минуты две на указательном пальце — и не падал. Жонглер извивался, приплясывал, гнул, удерживая стул от падения, а стул благодаря этим извивам не падал, стоял. Ножкой на указательном пальце.

Еще была палка. Короткая толстая дубина. Он подбрасывал ее и ловил, бросал и ловил, все быстрее, быстрее, быстрее; она кружилась в воздухе как толстенная спица, а потом он внезапно бросал ее в грудь Коле, моему старшему брату, или ошеломленному гостю, требуя, чтобы они не отклонялись от палки, а ловили ее на лету и кидали обратно. Сам же стоял в ожидании удара, расправив узкие плечи и выпятив грудь. «Вот грудь моя — раз!» Но сразить не удавалось никому: длинная рука перехватывала палку на аршин от груди и снова запускала в противника.

Греб, плавал, нырял, ходил на лыжах... Бурно двигался на воздухе, в игре и в работе, среди волн, песков, детей и сосен.

Игру он любил и уважал чрезвычайно, не проводя при этом четливой грани между игрой и трудом. И во всякий труд нововил втянуть ребятишек, превращая для

нас в игру всякий труд. На воле и дома.

Скромные наши владения лишь условно могли быть названы садом; скорее, это был елово-сосновый перелесок, каких так много в Куоккале. С двух сторон наше поместье отделено было от соседей забором; с третьей стороны — водою ручья; с четвертой, от берега моря, его не отделяло ничто. Наши сосны свободно выбегали на желтый прибрежный песок, за которым — града корявых и округлых камней, то скрываемых пеной, то сухих, надежно прогретых солнцем. Летом, в жару, земля наша была скользкой от хвои: иглы елей да сосен, пни да шишки да змеящиеся ползучие корни, о которые мы в кровь разбивали босые ноги. Лесок как лесок; а сад, собственно, только возле крыльца: одна клумба, да две посыпанные песком дорожки, да грядка настигший вдоль веранды.

Лесок как лесок, но хоть и был он скромен, а доставлял Корнею Ивановичу немало хлопот.

Оборонять его приходилось от двойных набегов: медленных, коварных — ручья и бурных — морских.

В обороне принимали участие и мы.

Ручей имел обычай исподтишка, постепенно, отмывать из-под сосен нашу беззащитную землю. Корней Иванович, обнаружив убыток, начинал с неистовством залечивать нанесенную рану, таская с берега моря песок, мешок за мешком, на спине, не хуже заправского грузчика, а мы на бегу поспевали за ним, кто с лейкой, кто с ведром, кто с кастрюлей. Команда — и весь песок: «Раз, два, три, глаза закрой, с-сыпы!» — мигом ссыпается в воду.

Чтобы обороняться от ручья, достаточно было песчаной запруды; от моря не спасали и камни.

Каждую осень, в ожидании предстоящих бурь, выловив багром из моря штук десять принесенных из Кронштадта плетеных корзин (такой ширины и такой вышины, что Коля, Боба и я, все трое, забирались в одну), он расставлял их на берегу вдоль сосен, рядком, надеясь защитить участок от неминуемого набега волн; и каждую корзину поверху собственноручно наполнял камнями, что было отнюдь не легко: десятки раз надо было проделать путь с берега к корзине и обратно.

Так и вижу его: идет по песку, в закатанных штанах, босиком, руки над опущенной головой и в каждой руке по увесистому камню. Глядит себе под ноги, боясь споткнуться: камень однажды, сорвавшись, чуть не перебил ему стопу.

Мы за ним, тоже с камнями, все,

даже маленький Боба. Тоже — глазами в землю. Он остановится возле корзины, подождет нас — камни над головой, — мы станем кругом.

— Бросай! — командует он, и с каким веселым грохотом грянутся камни в корзину! Ради этого грохота мы и трудились — несли... Игра это была или труд?

Таких слов, как «спорт», «соревнование», мы из его уст никогда не слышали, но он научил нас и на лыжах, и на финских санях — «потку-келке», и грести, и плавать. К лыжам мы привыкли не менее, чем к валенкам или рукавицам: выйдешь на крыльцо — и сразу ноги в ремни.

Сам он отлично играл в эти древние игры: лодка, лыжи, сани. И зимний парус.

Стоит под парусом — летит.

В те дни, когда ветер был особен-но силен, Корней Иванович прист-раивал парус не к лыжам — к «потку-келке». Мы садились на сани: Ко-ля, а я ему на колени. Или я и Бо-ба. Когда, нахлебавшись колючей стужи, мы возвращались с открыто-го берега в наш прикрытый деревья-ми сад, — здесь, под защитой елей и сосен, в двадцатиградусный мороз нам казалось не только тепло, но душно. Насквозь каждая жилочка промыта была и обновлена стужей. А среди сосен духота. Мы поспешно развязывали тесемки под подбород-ками, расстегивали крючки на ворот-ках, рассовывали по карманам ру-кавицы. Как и он, в эту минуту мы испытывали презрение к морозу: кто это выдумал, будто сегодня мо-роз? Жарища!

Все он умел для нас — даже, игра-ючи, обратить мороз в жару.

3.

Летом нашей любимой работой были постоянные походы к Репину в «Пенаты» за водой.

Вода в колодце на нашем участке годилась для стирки, для поливки цветов, для умывания, но для питья не годилась. За питьевой мы и хо-дили в «Пенаты». Там был артези-анский колодец.

«Айда!» — и работа (или игра?) начиналась.

Я бежала в сарай за палкой. Ко-ля, позваивая, уже нес ведро. Бо-ба, который давно уже понимал каж-дое наше слово, но сам не удостоа-ивал никого ни одним, первый хва-тался за конец палки, боясь, как бы не ушли без него. Мгновенно оказывались возле нас наши прия-тели финны: Матти, Павка, Ида.

Эти походы к Репину за водой бы-ли через много лет описаны Корне-ем Чуковским в книге «От двух до пяти». А тогда он сам шагал по до-роге рядом — долговязый, дочерна небритый, в старых штанах, худой и веселый, взрывая босыми ногами

клубы теплой пыли с таким же удо-вольствием, как мы.

Вот и резные ворота «Пенатов». Он открывал их без скрипа и, вытя-нув губы трубочкой, громким сви-стящим шепотом требовал, чтобы мы замолчали. Репин работал, ти-шину мы обязаны были соблюдать полную. Еще и до ворот, едва до-стигнув репинского забора, он ши-кал не только на нас — на прохо-жих. А уж в саду! Чуть не на цы-почках выступал перед нами, гнев-но оборачиваясь на каждый шорох. Мог и за плечо тряхнуть ослуш-ника.

Молчание давалось нам не легко, но от напряженности этой тишины нам становилось еще веселее: выхо-дило, будто мы не брали воду у Ре-пина, а крали ее.

Без звука вешал он ведро на ок-руглую шею крана, а потом снимал и ставил на крупный гравий. Теперь наша очередь. Мы надевали тяжелое ведро на палку и, не спуская глаз с качающейся — вот-вот выплеснет-ся! — воды, благоговейно несли ее.

— Тихе, тихе, тихе, тихе! — свистящим шепотом требовал наш командир.

Но вот он снова отворял перед на-ми резные ворота и снова затворял их. Вот, наконец, мы миновали за-бор, и тут накопившийся в нас шум победоносно вырывался на волю.

Все мы разного роста, палка боль-но бьет по ногам и бокам, вода но-ровит расплескаться, но нам это ни-почем. Отойдя от «Пенатов», мы при-вольно выкрикиваем давно уже со-чиненную, привычную и каждый раз заново веселящую песню:

*Два пня,
Два корня,
У забора,
У плетня, —
Чтобы не было разбито,
Чтобы не было пролито...*

Мы в ожидании смолкаем. Ожи-дание кажется долгим, хотя оно длится мгновение.

— Блямс! — выкрикивает он.

Мы по команде опускаем ведро на землю и плюхаемся рядом.

Боба смотрит в воду, с удивлени-ем разглядывая, как комкает и ко-режит вода его лицо.

— Марш! — выкрикивает наш по-велитель. — Одна нога здесь, другая там!

И снова мы зытягиваем наш водя-ной гимн, ожидая блаженного «блямс!».

От него мы всегда ожидали весе-лого чародейства.

Если с ним, значит, уж так завле-кательно — не оторвешься. Осoben-но: «Идем путешествовать».

На почту ли, рукопись отправить, на берег ли моря, за водой ли в «Пе-наты», в лавку ли на станцию, или

шагать на край света, или отпра-виться в плавание — это уже все равно: лишь бы с ним.

Серьезной угрозой из его уст счи-тали мы в детстве одну: «Не возь-му с собой». «Завтра не возьму с со-бой». Куда не возьмет? Это уже и не важно. С собой не возьмет, вот куда. Оставит дома. Расстанется. Все будут с ним, все возле, вместе — а я одна. Без его шагов, голоса, рук, насмешек. Сиди в саду и делай вид, что читаешь. Гляди на калитку и прислушивайся: жди, когда с Боль-шой Дороги в переулочек поворотят голоса, и вот ближе и ближе его го-лос, покрывающий все, высокий, с примесью свиста и шепота, коман-дующий и насмешливый вместе.

К счастью, был он хоть и горяч, но отходчив. И устрашающая угроза «завтра не возьму» не исполнялась почти никогда. Он забывал ее, и мы снова оказывались вместе, в путе-шестве или труде.

Когда домашние припасы конча-лись (а родители наши ездили в го-род не часто), мы всей оравой шли по Большой Дороге то на станцию Куоккала, то в сторону противопо-ложную — к станции Оллила, в ла-вочку Кильстрем, и хотя дорога бы-ла самая обыкновенная, но если шли мы не с няней Тоней, а с ним, чего только не случалось во время этих двухверстовых путешествий. Чего только он не изобретал!

Заметив, например, что Боба, молча принудивший нас взять его с собой, изнемогает под гнетом жа-ры, усталости и фунта орехов, — Несчастье! — выкрикивал вдруг Корней Иванович высоким го-лосом. — У меня приклеился нос! Я не могу сдвинуться с места! Я про-пал! Помогите! Спасите!

Согнувшись в три погребела, он ер-зает носом по стволу придорожного дерева. Руки растопырены, пальцы беспомощно шевелятся в воздухе. А вот нос — нос уже неподвижен. Он накрепко прилип к стволу. И но-ги вросли в землю. Конечно. Отец наш останется тут навсегда.

— Хватайте меня и тяните ме-ня! Бобочка! На твою помощь вся моя надежда!

Мгновенно позабыв об усталости, Боба вцепляется ему в колено. Тя-нем и мы с Колей за болтающиеся длинные руки, за полы его пиджа-ка, за Бобин кушачок. Тянем-потя-нем, вытянуть не можем. Нос проч-но приклеен к дереву, ноги стоят как столбы. Долго мы еще тянем-потянем. Бобе иногда удается сдви-нуть одну огромную ногу, и он не теряет надежды. Но где там! Нога вросла в землю опять. И вдруг, от внезапного толчка, все мы летим на траву: великан освобожден, он рас-прямылся, закинул голову и с вы-

соты протягивает каждому из нас по очереди свою благодарную руку. Особенно горячая благодарность выпадает на Бобину долю:

— Спасибо тебе, Бобочка, ты тянул сильнее всех. Если бы не ты, не видать бы мне родного дома!

И Боба радостно бежит вперед.

Когда начинала хныкать и отставать на дороге я, он обновлял мои силы по-другому. Он пускался в рассказы о том, как я была маленькая. Как меня однажды купали в корыте, поставленном на две табуретки, а корыто возьми и опрокинься вместе со мной. Я сначала вскрикнула, а потом замолчала. Лежу под корытом — и оттуда ни звука. Все думали, что я умерла. Боязно было приподнять корыто, взглянуть.

— Что я там лежу мертвая? — спрашиваю я. — И ты боялся?

— И я. «Ведь я вам несколько сродни».

— А потом?

— А потом я поднял корыто...

— И я была живая! — кричу я в восторге. — Лежала живая и не плакала!

Мне хотелось, чтобы он рассказал, как мама прижала меня к груди, как все радовались, обнимали меня и целовали, но его насмешливый ум не позволял размазывать умиление.

— Я была маленькая, но не плакала, — вымогала я. — Я сильно ушиблась, но не плакала.

— Зато плакали мы, — обрубал он. — До того ты нам всем насторожила. — И клал мне руку на плечо. — Голову мыть — реви! Мыло, видите ли, попало в глаза... А сама толстая, красная, безбровая — фу!.. Колечка, кстати, скажи нам, как по-английски брови?

Я понимала, конечно, что он шутит, но все-таки больше, чем о корыте, любила другой его рассказ: о том, как, при моем появлении на свет, меня воспевали поэты.

Папа, мама и Коля жили тогда в Петербурге на Коломенской улице. Маму увезли в больницу неподалеку, на этой же улице, а оттуда она вернулась уже вместе со мной. Пришел поздравить родителей поэт Сергей Городецкий и написал на дверях маминой спальни:

*«О, сколь теперь прославлен род
Чуковских,
Родив девицу, краше всех девиц».*

(По этому случаю, чтобы я не слишком много воображала о себе, Корней Иванович называл меня попросту «Краше». «А скажи-ка нам, Краше, как по-английски всадник?» «Сбегай, Краше, приведи Бобу обедать».)

Кроме Городецкого, воздавал мне

хвалы, оказывается, еще и сам Валерий Брюсов.

Я слушала с восторгом, и отнюдь не единожды, что вскоре после того, как я родилась, Валерий Яковлевич Брюсов прислал Корнею Ивановичу письмо с приложением стихов, которые просил пристроить в один из петербургских журналов. Если же стихотворение не понравится редакции, добавлял поэт, дарю его в приданое Вашей новорожденной дочери.

— Это я! — кричала я. — Это мне! — А Корней Иванович, отозвавшись обычно: «Ты у меня не бесприданница», — произносил, торжественно выплевывая звуки «и»:

*— «Близ медлительного Нила, там,
где озеро Мерида, в царстве
пламенного Ра,*

Ты давно меня любила,

как Озириса Изида,

друг, царица и сестра!

И клонила пирамида

тень на наши вечера».

— Лидка-пирамидка! — кричал Коля.

— «И клонила пирамида тень на ваши вечера!» — ехидно повторял Корней Иванович.

...Сегодня нам везет: после приклеенного носа — новое происшествие: автомобиль. Не так, как мы видели его обыкновенно, не из-за забора, не издали, а, можно сказать, лицом к лицу. Стекла, черный глянец, ослепительные шары солнц и оглушительные гудки. Во всем своем блеске, который не в силах притушить даже пыль, мчит к нам навстречу черно-стеклянное диво. Пролетело...

И тут на нас надвинулась опасность. Такая грозная, что мы немедленно забываем про автомобиль.

Собачища. Бегают взад и вперед вдоль забора и рвется на волю.

Разумеется, мы хорошо знаем всех окрестных собак, финских и русских, включая релинского одноглазого дуделя Мика, но этого пса видим впервые. Наверное, чей-нибудь дачный, а дачников мы вообще не терпим. Сами-то мы причисляем себя к местным. Мы не бежим в Петербург, чуть только начинается осень, дожди, бури. Мы всё умеем, что и здешние ребята: и в ножички, и в камешки, и зимою на лыжах, и летом грести, и плавать, и ходить босиком; мы и по-фински понимаем немного и можем сказать: «Идемте купаться!» или «дождь», а они не понимают ни слова — и, главное, они всего пугаются. Босиком? Нельзя, простудиться. В ножички? Нельзя, руку порежешь. Купаться — утонешь, ай-ай-ай, нельзя! И все у них неприлично. В одних трусиках

купаться — неприлично. Надо в костюме. По заборам или деревьям лазить — неприлично. С финскими детьми — неприлично... А это прилично — привести собачищу, которая так усердно сторожит их дачу, что норовит кинуться на ни в чем не повинных прохожих?

Дачники — трусы. Всего боятся, а более всего, чтобы их не обокрали. Вот и привезли сторожа. Но на этот раз струсил мы, не они.

Мимо пышного цветника, возле трехэтажной дачи, вдоль только что окрашенного забора, туда и назад носится со злобным лаем собака. Ищет лазейку, чтобы вырваться на улицу и искушать нас. Как будто мы воры какие-нибудь и собираемся украсть ее цветы! Мы торопливо идем вдоль забора со своими кулками. Он впереди. Хочется не идти, а бежать. Но он не велит. Главное, говорит он нам тихим голосом, не бежать. И делать точно то самое, что станет делать он. Чуть только скомандует: раз, два, три!

А собачища, глядите-ка, не нашла лаза и быстрыми лапами роет его себе сама. Земля летит из-под лап, словно брызги.

Проклятый забор! Как он долго тянется! Так бы и побежал со всех ног, но — нельзя.

Вырвалась!

— Бросайте кульки! — команду-ет он.

Бросаем. В сухую канаву летят конфеты, печенье, сахар, мыло...

А она со всех ног несется навстречу большими прыжками. Не собака, тигр какой-то!..

Ох, как меня тянет бежать! Я вцепляюсь ему в одну руку, Боба в другую.

— Раз, два, три! Делайте то же, что я!

Он отталкивает наши руки и опускается на четвереньки в пыль.

И мы рядом с ним.

Все семеро на четвереньках: он, да Боба, да Коля, да я, Матти, Ида, Павка.

— Гав, гав, гав! — лает он.

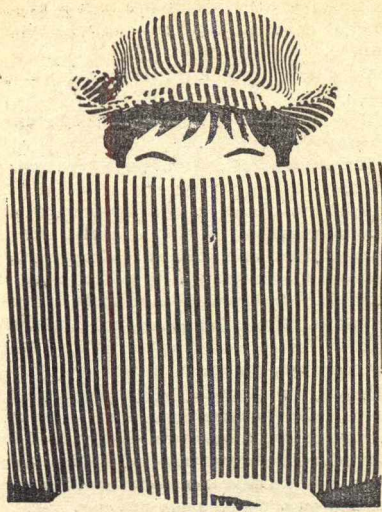
Мы не удивляемся. Удивляется насмерть собака.

— Гав, гав, гав, — подхватываем мы.

Собака, словно в нее запустили камнем, поджав хвост, бежит прочь. Наверное, впервые в своей собачьей жизни она увидела четвероногих людей. Мы долго еще продолжаем лаять — долго еще после того, как он поднялся, отряхивая лапами штаны, а собака на брюхе уползла в сад и забила под зеленое крыльцо.

Ему не сразу удается унять нас. Оказывается, это такое наслаждение — лаять на собак!

(Продолжение следует)

наказание — без преступления

В современном русском литературном языке слово «наказание» неизменно ассоциируется со словом «кара». Между тем в родственных ему однокоренных словах — «сказать», «показать», «сказание», «показание», «сказка», «показ», «приказ», «указ», «наказ» — ни о какой каре и речи нет. В чем дело? Разгадка проста: в древнем русском языке слово «наказание» имело иной смысл, чем ныне, — «учение», «наставление», «вразумление». И когда в древнерусских книгах говорилось, например, что первым наказателем детей должен быть отец, то подразумевалось тут — воспитание, наставление на ум истинный, а вовсе не кара.

С XVI века слово «наказание» уже почти не употребляется в этом, «древнем» смысле, хотя этот смысл и не исчезает совсем. «Мать наказала никуда не отлучаться» — вот вам современный глагол «наказывать» в «древнем» значении...

(«Русская речь», № 3, 1972 год)

школьники о „маленьком принце“

О восприятии художественной литературы детьми говорят много и охотно, но проблема эта все же остается проблемой, и довольно острой — отчасти, может быть, потому, что пишущие о ней больше стараются рассуждать сами, нежели оперировать конкретными детскими высказываниями.

Статья библиотечника И. Чапыгиной «Маленький принц» глазами школьников» чуть не полностью состоит из детских высказываний и оценок. «Маленький принц» — умная и поэтичная сказка французского писателя Антуана де Сент-Экзюпери — произведе-

ние по внешности удивительно простое, а по сути удивительно сложное. Немудрено, что картина, нарисованная И. Чапыгиной, получилась достаточно пестрой — от полного неприятия сказки до восхищения и восторга, тем более что возраст детей, с которыми беседовал библиотечник, был не одинаков — от учеников 6-го класса до девятиклассников.

Вот что думают дети об авторе сказки: «Он человек очень честный. Он любит детей. Он верит в людей» (6-й класс).

«Автор сам похож на маленького принца. Такой же веселый и чуткий. Он нежный и заботливый человек» (7-й класс).

«Он умеет думать о других, понимает их. Умеет быть счастливым и учит этому других» (8-й класс).

Самые важные слова, которые дети, по просьбе библиотечника, отметили в сказке, говорят, что в целом они хорошо поняли ее:

«Зорно одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь».

«Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил».

«Я хочу предупредить моих друзей об опасности, которая давно их подстерегает, а они даже не подозревают о ней...»

«Знаешь, отчего хороша пустыня? Где-то в ней скрываются родники».

«Я боюсь стать таким, как взрослые, которым ничего не интересно, кроме цифр».

И, наконец, некоторые ассоциации, вызванные сказкой:

«Я вспомнила свою сестренку. Ей пять лет. И она все время пристаёт ко мне: нарисуй мне то, нарисуй мне другое. Ей-то это интересно, а мне нет. Я подумала, как важно понимать детей» (7-й класс).

«Мне сказка почему-то напомнила «Даму с собачкой» А. Чехова. Как страшно, когда тебя не понимают, когда некому рассказать о том, что томит. Действительно, взаимопонимание, душевная чуткость, родство сердец — это самое большое счастье на земле» (9-й класс).

(«Детская литература», № 6, 1972 год)

не водою единой ...

Оказывается, для полного утоления жажды одной воды недостаточно. Организму нужно еще немного солей натрия и калия, а также органических кислот (лимонной, аскорбиновой и др.). Рабочие горячих цехов Горьковского автозавода, получая вместо воды 0,1-процентный раствор аскорбиновой кислоты, теряли с потом вдвое меньше жидкости, и чувствовали себя лучше. Еще надежнее действовал вишневым отвар.

Что же предпочесть при перегреве: естественные напитки (квас, вишневый отвар, зеленый чай) или химические растворы специального состава? Сотрудники Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова в итоге эксперимента, проведенного в условиях пустыни при средней температуре 36,3 градуса, пришли к заключению, что лучший результат дают растворы алычевого экстракта и лимонной кислоты.

Другой эксперимент — применительно к условиям тропического климата (в термонамере при 38 градусах и относительной влажности 70—80 процентов) — в общем оставил этот «рецепт» в силе, хотя в состав предложенного напитка пришлось внести некоторые количественные изменения.

(«Химия и жизнь», № 6, 1972 год)

как по нотам

Создавая свои произведения, композиторы иногда сознательно подражают птичьему пению — жаворонку, соловью... Но оказывается, и многие другие птицы способны вносить неповторимый вклад в музыкальную палитру. Об этом авторитетно свидетельствует венгерский ученый, доктор музыкаловедения и доктор биологии, создатель новой области биоакустики — «орнитомузыкалогии» — Петер Сёке. Благодаря замедленной записи птичьего пения (замедление доходило порой до 128 раз!) ему удалось открыть и описать в птичьих голосах музыкальные формы, напоминающие по структуре и звучанию народные мелодии. Даже у дневных хищников — сарыча, ястреба-тетеревятника, сравнительно мало пользующихся голосом, при замедленной записи обнаруживаются отчетливые музыкальные структуры. Кстати, такая запись позволяет перевести птичье пение и в нотную систему, и П. Сёке даже в своей статье (прокомментированной доктором биологических наук В. Д. Ильичевым) приводит немало нотных записей, запечатлевших голоса пернатых солистов в их подлинно музыкальном звучании.

Конечно, при всей близости к настоящей музыке птичье пение все же не искусство, а лишь средство звукового общения, выработанное за многие века эволюции. Тем не менее и в чисто музыкальном плане изучение его необычайно интересно и перспективно. «Нет сомнения», — заявляет П. Сёке, — что в ближайшие годы мы станем свидетелями новых интересных открытий в этой области...

(«Природа», № 5, 1972 год)

индийский „детский мир“

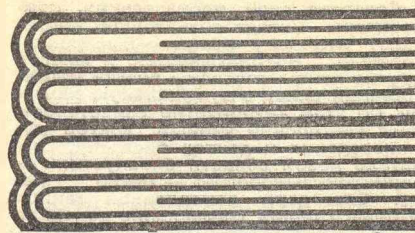
Он размещается в столице Индии — Дели, в Доме Неру. Создан он группой молодежи под руководством Шанкара Пиллаи. Это универсальное учреждение. Оно выпускает и ежемесячный толстый журнал (тоже «Детский мир»), нудя стенаются сказки и рисунки со всего света, и многочисленны и разнообразны детские книги, в расчете на читателей от шести до шестнадцати, — цветные, красивые...

Открыта при «Детском мире» и площадка для малышей — младших братьев и сестер тех ребят, которые приходят в библиотеку. Для них поставлены столики и стулья, разложены игры и игрушки. Малыши приносят с собой бумагу, карандаши — пишут, рисуют...

Вокруг читальни и детской площадки развешаны картины — лучшие рисунки детей со всего земного шара. «Детский мир» регулярно организует соревнования юных художников.

А еще в «Детском мире» есть музей кукол, пополняемый экспонатами, присылаемыми в дар индийским детям из многих стран мира. Сам же музей изготавливает кукол, отражающих жизнь различных народностей Индии, их этнографию.

(«Новости ЮНЕСКО», май 1972 года)

«ненужного» нет!

Книги для детей
о науке и ученых

Мы говорили в прошлый раз о научно-популярных книгах для маленьких. Для тех, кто только начинает постигать школьные премудрости.

Сегодня — книги для старших ребят. У них свои трудности, свои сомнения, свои вопросы. Старшие часто отрываются от литературы, истории и биологии, отдавая предпочтение чему-то другому, считая, что в жизни некоторые науки им не нужны.

Нередко старшенкласники жалуются: «Мы часто вступаем в споры и размышляем... о космосе, кибернетике, выдвигаем гипотезы о возникновении Вселенной, людей и т. д. И все это так сильно поражает своей грандиозностью, что школьные науки кажутся незначительными и надоедливыми...»

Но вот в Пермском издательстве задумана и выпущена целая серия ярких, увлекательных книжек о науках, которые начинаются в школе. «10:0 в вашу пользу» называется эта серия. Десять книжек входит в нее («Литература», «Математика», «Русский язык», «История», «Иностранный язык», «Физика», «География», «Химия», «Биология», «Классный час»). Мы считаем, как бы говорят авторы, что каждая наука интересна. Есть любимый предмет? Прекрасно, но знать школьную программу необходимо. На наш взгляд, ненужных знаний нет. Разносторонность — спасение от ограниченности, от духовной и умственной нищеты. Не согласен? Докажи!

Очень трудно удержаться от искушения и не остановиться подробно на каждой книжке. Но в № 2 «Семьи и школы» за 1970 год уже было очень

обстоятельно рассказано о них. Поэтому мы только напоминаем, что есть такая примечательная библиотечка. В нынешнем году она переиздана. Если удастся, разыщите ее для своих ребят...

Еще одна книга о науке — «Из школы во Вселенную». Академики Несмеянов и Соболев, Амбарцумян и Энгельгардт, Дубинин и Котельников, Семенов и Киоин, хирург Амосов, физик Тамм и летчик-космонавт Береговой говорят с ребятами с ее страниц.

«Пока вы учитесь в школе, постарайтесь определить, какая область науки вас всерьез интересует. Ставьте опыты, самостоятельно анализируйте, решайте задачи, учитесь читать специальные книги, расширяющие и дополняющие школьные учебники. Выработайте в себе умение сосредоточиться на том, чем вы занимаетесь, приучайтесь настойчиво добиваться цели, не страшитесь неудач» — так обращается к школьникам И. Киоин. Если решено стать физионом, не стоит пренебрегать и другими областями знаний. В подтверждение этой мысли он рассказывает о Томасе Юнге — физике, который известен историкам и лингвистам как один из первых людей, расшифровавших египетские иероглифы.

А математик Соболев объясняет, как счетные машины помогли ученым расшифровать письменность древних майя и одну из загадок биологии.

Ученые знакомят ребят с важными проблемами естественных наук, ставят и проблемы нравственные. Говорят о душевных качествах ученого, об ответственности за свои научные открытия.

Еще два раздела есть в этой книге: «Домашнее чтение. 10 рассказов об ученых» и «Практикум для смекалистых». В последнем — загадки, головоломки, викторины и советы юным психологам...

И еще одна книга, мимо которой просто нельзя пройти. «Этюды об ученых» Я. Голованова.

Есть книги, где все вроде бы на месте. И биография ученого подробно изложена — все события, все факты собраны. И какого цвета глаза у него, сказано. А живого человека нет. Есть другие... Как эта.

Несколько штрихов, несколько фактов — и встречаешься с человеком. Вся его жизнь — счастливая или трагическая, весь его характер — его цельность или ущербность, вся его боль — все перед тобой. Одержимость наукой, сила разума, величие человека потрясают, когда читаешь очерки Голованова.

39 очерков. 39 ученых. От Архимеда — до Королева и Ландау. Ученых разных стран, разных эпох, работав-

ших в разных областях науки. Впрочем, очерков скоро будет даже больше: Я. Голованов решил продолжить в «Комсомольской правде» серию своих этюдов об ученых (из них и выросла в свое время его одноименная книга).

Выходят два интересных ежегодника.

Хочу все знать! Л., «Детская литература», 1971.

Эврика. М., «Молодая гвардия», 1971.

Они знакомят с достижениями науки и техники, с открытиями, исследованиями, гипотезами. «Эврика-71», например, пишет о минерале вена, формуле бумеранга и секрете выносливости. Отвечает — «Чем дышать?», «Когда рождаются таланты?», «Отчего вымерли ящеры?». Рассказывает — «Правду о йогах», «Куда дуют ветры?», «Зачем биологу математика?». А также об открытии анадимина Капицы, тайне странных вирусов, пользе самоограничения, вертолете в ранце и о многом-многом другом.

Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 8. М., «Молодая гвардия», 1971.

Здесь публикуются исторические очерки, письма, документы, воспоминания, биографические листки. В последнем выпуске альманаха впервые печатаются 19 очерков из «Листов дневника» Николая Константиновича Рериха, известного русского художника и ученого.

Разгон Л. Живой голос науки. М., «Детская литература», 1970.

В книге — литературные портреты популяризаторов науки, Тимирязева, Ферсмана, Обручева, Плавильщикова, Халифмана — популяризаторов-ученых. Рубанина, Лункевича, Перельмана. Писаржевского — популяризатор-литераторов.

Другие книги:

Келер В. Приглашение и открытия. М., «Детская литература». 1967. «Книга о поисках и находках, о призваниях и дорогах к ним».

Муранов А. Необыкновенное и грозное в природе. Л., «Детская литература», 1971.

О «злых» и «добрых» ветрах, о самых «мокрых» и самых «сухих» районах земного шара, о блуждающих огнях, о гремящем дыме. О непонятном и загадочном прежде, а ныне познанном и объясненном наукой.

Пошатаев В. Быть ли новым Леонардо? М., «Молодая гвардия», 1970. «Возможны ли новые Леонардо в вен спутников и атомомобилей? Каково влияние науки и техники на человека? Как формируется мир души современника? Каковы требования прогресса науки и техники к молодежи? Становимся ли мы эмоционально богаче или же превращаемся в рациона-

налистов? Об этом и высказывает свои соображения автор.

Напомните ребятам о научно-художественных книгах серии «Эврика» (не путать с одноименным ежегодником!). Вышло уже более ста книг на самые разные темы. В 1971 году некоторые книги этой серии получили премии и дипломы на Всесоюзном конкурсе общества «Знание» (В. Леви. Я и мы; С. Наровчатов. Необычное литературоведение; Я. Колминский. Человек среди людей и другие).

Г. РУМЯНЦЕВА,
старший библиотекарь
Государственной республиканской
детской библиотеки РСФСР

поморы

Б. Шергин. Поморские были и сказания. Предисловие А. Югова. Гравюры А. Ф. Билль, Ф. Д. Константинова, В. Н. Ростовцева, Л. Л. Ростовцева, В. А. Фаворского, М. С. Чураковой. М., «Детская литература», 1971.

Земляки Ломоносова архангельские поморы род свой ведут от новгородской вольницы. Поздней к ним добавились люди, не пожелавшие жить под татарским игом и под гнетом русских князей да бояр. Здесь, на Севере, эти неумные характеры находили лучшее применение своим силам; они не просто хранили, но и приумножали русские культурные традиции.

Коренной помор Борис Винторович Шергин, которому в год выхода этой книги исполнилось 75 лет, — давний и признанный певец русского Севера, его замечательных людей, его уникальной культуры. Всю жизнь он не уставал его славить в своих сказках, былях, старинах. (Старины — северные былины; Шергин рассказывает их по-своему, непринужденно сочетая древнефольклорные речевые обороты и образы с современной народной речью. Рассказывает письменно и устно, порой аккомпанируя себе на гуслях, порой иллюстрируя некоторые из книг).

...В рассказе «Детство в Архангельске» писатель вспоминает, сколь любопытно познакомились будущие его родители. Познакомиться было трудно: молоденькая Анна Ивановна «не любила ни в гости, ни на гулянья. В будни посиживала за работой, в праздники — с толстой рукописной поморской книгой у того же онна». Но brave мурманский штурман,

будущий отец писателя, был настоящим: сперва через сестру Анны переговоры вел, потом со знакомым капитаном прислал свою фотографию... Наконец с визитами стал ходить. Канто застал свою суженую одну.

«— Вы все с книгой, Анна Ивановна... Вероятно, замуж не собираетесь...»

— Ни за царя, ни за князя не пойду.

Гость упавшим голосом:

— Аннушка, а за меня пошли бы?

Она шепотом:

— За тебя нельзя отказать...»

Трогательно и точно передан здесь гордый поморский характер — простота и искренность под маской суровости...

Трудна судьба полярного морехода — часто океан становится его могилей; немало проникновенных страниц о том написано Шергиным. Но и удел семьи ушедшего в плавание не многим легче — изо дня в день тревожиться, ожидать. «Осенью, когда в море наступят дни гнева и мрака и об отце долго вестей нет, не знала мама покоя ни днем, ни ночью. Выбежит на угор, смотрит к северу; на ответ только чайки вопят и непогоде.

Вечером заповорачиваются на крыше флюгера, заплачет в трубе норд-вест. Мама охватит нас руками:

— Ох, деточки, что на море-то делается! Папа у нас там!..

Я утешаю:

— Мамушка, я, как вырасту, дальше Соломбалы не пойду в море.

А Соломбала — часть того же Архангельска, только на островах.

Так перед лицом общей опасности, в общих тревогах, незаметно причащается сын сочувствовать чужой кручине...

Книга Шергина полна эпизодов, удивительно выпукло проявляющих благородные основы поморской народной педагогики. Особенно интересен в этом смысле автобиографический рассказ «Миша Ласнин». О мальчине, который в Архангельск к тетке приехал в гости. Она велела ему пообедать, а он соседа-сверстника к столу зовет: «Я не могу один обедать. Я привык на корабле с товарищами».

Закон товарищества — один из святейших у поморов. И родители радуются, узнав, что их сын познакомился с таким компанейским парнишкой. «Ты зови его к себе. Слышно, что его отец ушел в дальнее плавание». А когда Миша появляется в доме рассказчика, отец всячески старается выказать ему свое расположение. «Он гладил Мишу по голове и говорил:

Из иллюстраций
В. Фаворского
к «Поморским былям»
Б. Шергина

— Ешь, мой голубчик.
Потом нальет квасу в ковшик и
первому подаст Мише:

— Пей, мой желанный».

Но тут не просто отзывчивость,
природная доброта, радость за сына,
получившего хорошего товарища.
«...Его отец ушел в дальнее плавание» — вот главное! Сердечное внимание к ребенку, оставшемуся — хотя бы и временно — без отца. И попутный намек сыну: Мише сейчас нелегко — будь с ним поласковой...

Однако еще замечательнее другой случай. Рассказчик подружился с Мишей и вместе с ним ходил ежедневно к морю — глядеть, как отец руководит строительством корабля. Но однажды он пошел без товарища — не позаботился его позвать. Заметив это, отец говорит «строго и печально»:

— Ты убежал от Миши потихоньку. Ты обидел верного товарища. Проси у него прощенья и люби его без хитрости».

Прозе Шергина не вредят даже самые откровенные поучения. В одном из рассказов отец дарит сыну азбуку с подписью, где в нескольких строчках запечатлен целый кодекс нравственности — заповеди на грядущую жизнь:

Поздравляю тебя, сын, с Новым годом!

Живи счастливо да учись.

Ученый водит,

Неученый следом ходит.

Рано, весело вставай —

Заря счастье кует.

Ходи право, гляди браво.

Кто помолже,

С того ответ подороже.

Будь, сын, отца храбрее.

Матери добрее.

Живи с людьми дружно,

Дружно, не грузно,

А врозь — хоть брось!

Чего тут больше? Мудрости? Поэзии? Доброты? Так и во многих других вещах, вошедших в эту нетолстую, но поразительно емкую книгу: дедовых сказаний, старинных, поморских сказках... Прав, видно, автор предисловия А. Югов: «По рассказам Бориса Шергина давно уже тоскует хрестоматия русской художественной литературы!»

Творчество Б. В. Шергина представлено в книге богато и разнообразно, а приложенный в конце словарь поможет читателю уяснить слова устаревшие и местные.

«У наших поморов слово слово родит, третье само бежит», — говорит в одном из рассказов Борис Шергин. Применительно к нему самому, к его книге пословица эта тоже справедлива. И можно только порадоваться, что слово этого замечательного современного мастера услышат и прочтут дети.

С. СИВОКОНЬ

советую: прочтите

В. ОСОВСКАЯ,
читательница
«Семьи и школы»:

В журнале «Знамя» № 12 за 1971 год я прочитала несколько строк повести М. Ганиной «Тяпкин и Леша». Прочитала — и уже не смогла оторваться. А потом позвала своего десятилетнего сына, и мы прочитали эту повесть вслух.

Эта повесть — для детей и для взрослых. Она о нежной привязанности людей друг к другу, о любви к природе, о способности больших и маленьких верить в мечту.

Тяпкин — это трехлетняя девочка, подстриженная под мальчика, страстно жаждущая общения с людьми и внешним миром. Мама работает, и тогда, когда она не может поразговаривать с дочкой, к Тяпкину приходит Леша. Мы видим его Тяпкиными глазами: «Он был хороший, у него была круглая желтая голова, толстые губы, очень большие круглые уши и вытаращенные глаза. И рыжие, жесткие волосы, вылезшие из-под коричневого, кричущего колпака».

Вот так и написана повесть — о Тяпкине как о мальчине, хотя мы знаем, что это Люба. И это не единственная мистификация. Читаешь и не сразу догадываешься, что Леша — этот милый, умный мальшук, влюбившийся самозабвенно в книги, — пришел из волшебной сказки, куда ему не хочется уходить от людей... А люди очень разные. Одни видят Лешу и восхищаются им, другие не видят или притворяются, что не видят.

В чем-то повесть созвучна с «Малышом и Карлсоном, который живет на крыше». Но, в отличие от Малыша, Тяпкин не остается один: в его мечту, фантазию, без которой нереально детство, поверили взрослые.

г. Саранск

Н. ЩИРЯКОВ,
доцент кафедры педагогики
Минского педагогического института
имени А. М. Горького,
кандидат педагогических наук:

Сформировать у детей потребность постоянного общения с хорошей книгой, воспитать глубочайший и устойчивый интерес к чтению — важная задача не только школы, но и семьи. Ее решение во многом определяется тем, насколько умелым и целенаправленным будет руководство чтением ребят со стороны родителей.

Хорошо поможет этому руководству книга Л. Н. Рожиной «Книги в семье» (Минск, «Народная асвета», 1972). Здесь родители найдут ответы на ряд постоянно волнующих их вопросов: как заинтересовать чтением дошкольников; как организовать чтение младших, средних и старших школьников; как в семье обменяться мнением о прочитанном; как вызвать и поддержать интерес к чтению художественной, научно-популярной, мемуарной, критической литературы, к книгам по искусству; как помочь детям найти нужную книгу, научить их пользоваться библиографическими справочниками, каталогами, книжными летописями, памятниками читателю, различными указателями, специальными библиографическими пособиями; как приучить детей к серьезному, углубленному чтению.

Книга Л. Н. Рожиной — своеобразный путеводитель по необъятному книжному лабиринту. Она позволит родителям выбрать для детей то, что наиболее соответствует их возрасту, интересам, склонностям, увлечениям, что проверено временем и представляет несомненную познавательную и воспитательную ценность. Она поможет вызвать и развить у ребят интерес к тем учебным предметам, которыми не удалось заинтересовать их в школе.

Недавно выпущено

Авербух О. За гранью известного. Рассказы о «белых пятнах» в науке с прологом и эпилогом. Ташкент, «Унитувчи», 1972. 223 с. с илл. 100 000 экз. 46 н. (Для детей среднего и старшего возраста).

В увлекательной форме автор не только сообщает интересные факты из самых разных областей современной науки, но и приглашает поразмыслить над теми тайнами, которые еще таит в себе природа.

Антонов С. Серебряная свадьба. Повести и рассказы. Худож. А. Брусиловский. М., «Современник», 1972. 607 с. с илл. 50 000 экз. 1 р. 26 н.

В сборнике, принадлежащем перу известного советского прозаика, представлены лучшие его повести и рассказы, а также киносценарий, одноименный с названием книги.

В ожидании врача. Сост. А. Н. Великоречий. М., «Знание», 1972. 79 с. 200 000 экз. 15 н.

Спасение жизни пострадавшего при несчастном случае и внезапно заболевшего во многом зависит от оказания первой помощи. Сборник знакомит со способами необходимой помощи до прибытия врача (при травмах, ранениях, отравлении, кровотечениях, при внезапном нарушении сердечно-сосудистой деятельности и пр.).

Гамаюнов И. Н. Сотворение характера. М., «Знание», 1972. 96 с. 144 900 экз. 18 н.

Почему важно воспитывать в ребенке самостоятельность, какую роль играет эта сторона воспитания в становлении характера.

Георгиевская С. Любознатель и кибернетика. Повести. М., «Сов. писатель», 1972. 302 с. с илл. 30 000 экз. 50 н.

В новую книгу известной писательницы вошли три повести: «Любовь и кибернетика», «Колокола» и «Пека». Они написаны для взрослых, но центральной темой в них по-прежнему остается мир детства, и сложную жизнь взрослых С. Георгиевская показывает глазами своих маленьких героев.

Евстигнеев Г. М., Лившиц Ю. А. и Сингаевский О. Н. Тайны продуктов питания. М., «Пищевая промышленность», 1972. 216 с. 600 000 экз. 43 н.

Силаревский Л. Я. Целебные свойства пищевых растений. М., Росельхозиздат, 1972. 271 с. с илл. 500 000 экз. 64 н.

Обе эти книги раскрывают тайны привычных для нас продуктов питания. В первой разбираются свойства и физиологическая ценность разнообразных продуктов, во второй больше внимания уделено лекарственным свойствам пищевых растений, указаны случаи их применения не только в научной, но и в народной медицине.

Константиновский И. Книжка ст...ствий. М., «Сов. писатель», 1972. 447 с. 30 000 экз. 77 н.

Это не совсем обычные путевые очерки, хотя они и возникли в ре-

зультате поездки автора в Австрию и ряд социалистических стран. Рассказы о людях, с которыми приходилось встречаться в пути, раздумья, вызванные этой встречей, — вот главное в них.

Кочетов А. И. Перевоспитание подростка. М., «Педагогика», 1972. 120 с. 40 000 экз. 26 н.

Эта книга предназначена учителям в их работе с трудными подростками. Но со многими вопросами — такими, как особенности психики трудного ребенка, истоки трудновоспитуемости, и им подобными — полезно будет познакомиться и родителям.

Лавров А. и Лаврова О. Вы, ваш ребенок и мир вокруг. 2-е изд. М., Политиздат, 1972. 192 с. 100 000 экз. 27 н.

В центре внимания авторов — воспитание ребенка в семье. Авторы считают, что можно избежать многих промахов в воспитании, если познакомить родителей с основами семейной педагогики.

Муравьев В. Слава столетия. Ист. повести. Илл. Л. Фалина. М., «Дет. лит.», 1972. 239 с. с илл. 75 000 экз. 67 н. (Для детей старшего возраста).

Плеяда русских писателей — Кантемир, Ломоносов, Радищев, Державин — была славой XVIII столетия. О знаменательных событиях их жизни, а также жизни выдающегося актера, основателя русского театра Федора Волкова рассказывает эта книга.

Пирсон Хескет. Бернард Шоу. Пер. с англ. М., «Искусство», 1972. 448 с. с илл. 50 000 экз. 2 р. 19 н.

Книга о жизни и творчестве великого английского драматурга необычна. Ее автор хорошо знал писателя, советовался с ним. В. Шоу не только сообщил ему много фактов из своей жизни, но и тщательно отредактировал рукопись.

Подольный Р. Без обезьяны. Рис. А. Добрицына. М., «Дет. лит.», 1972. 256 с. с илл. 75 000 экз. 57 н. (Для детей старшего возраста).

Используя новейшие данные истории, антропологии, этнографии и психологии, автор в увлекательной форме рассказывает о человеке.

Путешествие в страну поэзии. Поэзия — школе. В двух кн. Изд. 2-е, испр. и доп. Л., Лениздат, 1972.

В двухтомнике выборочно представлено творчество более 120 поэтов XVIII—XX веков. Наиболее полно отражена советская поэзия. В первую книгу включен также памятник древнерусской поэзии «Слово о полку Игореве».

Розинер Ф. Расскази мне, музыка, сказку. М., «Сов. композитор», 1972. 106 с. с илл. 45 000 экз. 39 н. (Для младших школьников).

Волшебный мир звуков может открыться не всем. Как помочь малышу, подростку понять его и полюбить? Автор этой ярко иллюстрированной

книги своеобразно раскрывает перед ребенком красоту музыкальных богатств известных русских опер.

Северов П. Тепло твоей руки. Рассказы. Киев, «Рад. письменник», 1972. 428 с. 65 000 экз. 81 н.

Воспоминания писателя о встречах с разными замечательными людьми: поэтом М. Рыльским, генералом И. Д. Черняховским, академиком В. Л. Филатовым и другими.

Сердюковская Г. Н. и Калужная Р. А. Союз врача и педагога. М., «Знание», 1972. 64 с. 84 330 экз. 12 н.

Об особенностях современных школьников, их физическом и интеллектуальном развитии, о проблемах, которые поставила акселерация перед врачами и педагогами.

Тадевосян В. Новое советское законодательство о браке и семье. М., «Моск. рабочий», 1972. 120 с. 100 000 экз. 18 н.

В брошюре подробно разбираются статьи общесоюзного закона о браке, и семье, который был принят в 1968 году. Разъяснения сопровождаются примерами из юридической практики.

Успенский Э. Вниз по волшебной реке. Повесть-сказка. Рис. В. Алфеевского. М., «Дет. лит.», 1972. 112 с. с илл. 100 000 экз. 49 н. (Для старших дошкольников).

Сказочная повесть — современная, но с активным участием Бабы Яги, Серого Волка, Кощея Бессмертного, Змея Горыныча и других старинных и неизменных героев русских сказок. Автор повести известен по сказке (и мультфильму) «Крокодил Гена», которая замечательна, впрочем, не только самим крокодилом, но и его маленьким симпатичным другом Чебурашкой.

Федорцов В. И. Предупреждение бессонницы. М., «Медицина», 1972. 62 с. с илл. 50 000 экз. 16 н.

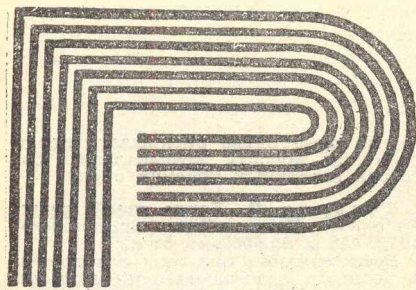
Бессонница — распространенная форма нарушения сна. Автор книги, кандидат медицинских наук, рассказывает о значении сна, о причинах его нарушений.

Холоденко М. И. Заметки невропатолога. Изд. 2-е. М., «Медицина», 1972. 76 с. с илл. 50 000 экз. 12 н.

О причинах возникновения и лечения болезней, наиболее часто встречающихся в практике невропатолога: мигрени и «заурядной болезни» — радикулита.

Хрестоматия для маленьких. Сост. Л. Н. Елисеева. М., «Просвещение», 1972. 415 с. с илл. 300 000 экз. 1 р. 23 н.

Имея эту книгу, можно забыть о сомнениях, что почитать малышу двухлетнего или четырехлетнего возраста, с какими произведениями художественной литературы его уже можно знакомить. Обо всем этом позаботился составитель, подобрав интересный материал из фольклорной и художественной литературы для каждого возраста (от 2 до 5 лет).

Ищем соавтора

Рассказывает
заслуженный артист РСФСР
Николай Владимирович
Литвинов

«Москва. Сказочнику Литвинову...» Нередко приходят на радио письма с этим адресом, написанным нетвердым ребячьим почерком. Когда-то такие же письма отправляли и отцы этих ребят. Ведь Николай Владимирович Литвинов пришел работать в редакцию детских радиопрограмм сорок лет назад. И было это так...

— Радио открылось для меня случайно, — вспоминает Н. В. Литвинов. — Знаете, в жизни частенько бывает так: мечтаешь об одном, убеждаешь себя, что это и есть твое призвание, а вдруг оказывается, что призвание-то совсем в другом. Важно это вовремя понять... Я окончил ГИТИС, стал драматическим актером, играл в спектаклях. И вот в 1932 году меня пригласили попробовать на радио: тогда только начинался детский радиотеатр. В то время пришли на радио такие замечательные артисты, как Ростислав Плятт, Мария Бабанова... Они выступали в радиопостановках и возвращались в театр; так же было сначала и со мной, но со временем расставаться со студией, с микрофоном становилось для меня все труднее — радио захватывало меня целиком.

— С тех пор вот уже сорок лет вы неизменно работаете на вещании для детей, сначала только как ак-

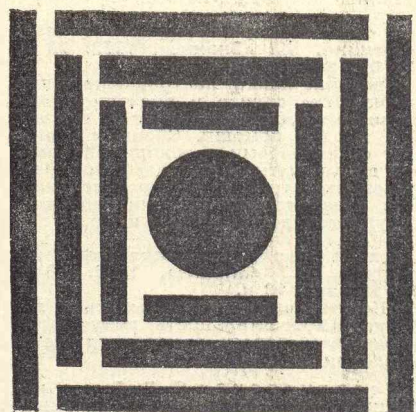
тер, теперь как актер и главный режиссер редакции. Почему все-таки именно детская аудитория интересуется вами?

— Прежде всего, как мне кажется, потому, что в передачах для детей радио проявляет себя с особой полнотой. Задача авторов любой радиопостановки, не только детской, разбудить фантазию слушателей, заставить работать их воображение, домысливать образ. Но в детских передачах фантазия, выдумка, сказка просто необходимы, и здесь для детского воображения открывается особый простор. Я очень люблю сказки, просто не мыслю себя без них. Сказки — это и великолепная литература, это всегда увлекательный сюжет, это и народная мудрость... За четыре десятилетия у нас сложился самый представительный в мире радиотеатр для детей — со своими традициями, своим огромным действующим репертуаром. В нашей фонотеке «полное собрание сочинений» А. Гайдара, много произведений русской, советской и зарубежной классики. Это не случайно — одной из главных своих задач мы считаем развитие в детях любви к настоящей литературе, настоящему языку.

— В том, что радио тоже воспитывает, убеждать нас не приходится. Но скажите, как это удается? Когда ребенок слышит родительское или учительское поучение, ему деваться, в общем, некуда. От радиовоспитания отделаться легко — одним поворотом ручки...

— Недаром Горький говорил: «С ребятами надо разговаривать забавно». Он был тысячу раз прав. В таком «забавном» разговоре возникает прочный контакт с детской аудиторией. Конечно, часто бывает нелегко выдержать эти условия — чтобы передача была и поучительна для ребят, и значительна по содержанию, и улыбкива. Ищем... Вот подыскивали недавно «Радионяню». Слышали вы эту передачу? Мне самому она нравится. И ребята, кажется, уже приняли ее. Ведущие здесь шутят, разыгрывают друг друга, а между делом и полезные вещи говорят. Дело, наверное, не в том только, что скучная формула превращается в веселую песенку. Просто нам хочется, чтобы вообще к учению ребята относились веселее, легче (не значит — несерьезнее!).

— Не считаете ли вы, что теперь у телевидения гораздо больше возможностей, чтобы увлечь де-

тей, включая поучительное в занимательную наглядную форму?

— Может быть, я пристрастен сейчас, но на мой взгляд, очень важно то преимущество радио, о котором я упоминал в начале — оно дает слушателю возможность пофантазировать, вообразить себе образ, пейзаж, действие. Если в детском телетеатре Баба Яга скачет на помеле, то это происходит, по моему, совсем не так интересно, как в воображении маленького слушателя. Вообразить себе что-то, глядя на экран или на сцену с декорациями, значительно труднее, чем тогда, когда слышишь ту же сказку по радио. Мешает восприятие зрением. И если телевизионный зритель часто превращается в созерцателя, то радиослушатель — всегда активен, он домысливает образ, он думает, он наш соавтор! Очень мы ищем такого соавтора...

А когда мне говорят, что телевидение сокращает нашу аудиторию, я пожимаю плечами. Вот за первых три месяца этого года наша редакция получила писем в два раза больше, чем за то же время в прошлом году. Иногда в день к нам приходит тысяча писем!

— Ребятам какого возраста вы адресуете свои передачи?

— Возрастной диапазон наших слушателей от четырех до семнадцати лет. Дистанция, как видите, солидная. Конечно, не все получается одинаково ровно. Например, в смысле тематики радиопередач наиболее обездолены, что ли, младшие школьники. Они, с одной стороны, еще почти дошколята, а с другой — вот-вот пионерами станут. Здесь трудно определить точно ребячьи интересы. Ну и, конечно, старшеклассники доставляют нам много творческих хлопот. Мы выпускаем для них радиопрограмму «Ровесники», есть и другие передачи, но их всегда не хватает, потому что ребят этого возраста интересует все: и проблемы морали, и вопросы нравственности, и взаимоотношения в семье и с товарищами, и политические события...

Беседу записал Е. ДЕМУШКИН

на зарядку!

Радио — детям о физкультуре и спорте

Свою ежедневную программу для ребят Всесоюзное радио начинает утренней гимнастикой. Первые такой радиоурок физкультуры прозвучал в эфире более 30 лет назад.

— Не все верили, что радиогимнастика для детей привьется, — рассказывает ее руководитель Николай Лаврентьевич Гордеев. — И совершенно неожиданно для скептиков в одной из анкет, которые тогда проводились среди юных слушателей, эта передача была названа одной из самых популярных. Спор о том, быть ей или не быть, решили, таким образом, сами ребята. За время существования передачи у нее сменялось уже несколько поколений слушателей, а она продолжает жить и приносить пользу каждому, кто откликнется на ее позывные.

— Николай Лаврентьевич, а кто составляет комплексы упражнений?

— Они разрабатываются в Государственном центральном институте физической культуры. А это очень серьезное учреждение. Чтобы упражнения не надоедали и выполнялись осмысленно, не механически, каждые две недели комплексы обновляются. Комплексы представляют собой простейшую гигиеническую гимнастику и выполнять их под силу практически каждому ребенку. Сложные упражнения не даются, комплекс рассчитан в основном на то, чтобы растормозить ребят после сна.

— И только?

— Это самый очевидный результат зарядки. Но, конечно, не единственный. Утренняя гимнастика организует ребенка — она приучает его вставать в одно и то же время, а привыкший просыпаться рано и спать ляжет вовремя... Как бы ни были просты упражнения, они, если не пропускать ни дня, развивают и физически, а рекомендуемые нами и фактически входящие в состав утренней гимнастики водные процедуры еще и закаливают организм. Поэтому вполне естественно, что среди писем, приходящих к нам, много таких, в которых ребя-

та сообщают о том, что занятия утренней гимнастикой помогают им добиваться лучших успехов на уроках физкультуры в школе.

Наверняка в большинстве семей утро ребят начинается с утренней гимнастики. Но хочется еще раз обратить внимание тех родителей, которые к ней относятся с предубеждением, на эту десятиминутную передачу. Постарайтесь убедить (лучше всего — личным примером) вашего ребенка в ее полезности. Она сослужит ему добрую службу.

«Живу я в Калевале с мамой. Учусь в четвертом классе. Расскажите, пожалуйста, как лучше закалить себя, чтобы стать крепким и здоровым?» (Костя Леттнева, Карельская АССР). Одно из сотен писем, пришедших в адрес передачи «Внимание, на старт!». Во многом именно письма и определили ее тематику. В одном выпуске можно услышать рассказ юного физкультурника о его первых шагах в спорте, и репортаж о работе школьного спортивного коллектива, выступление известного тренера с рекомендациями начинающим... Практические советы специалистов по организации всевозможных соревнований, по сооружению площадок и секторов для занятий. Стали уже традиционными заочные соревнования юных любителей шахмат под руководством экс-чемпионки мира Елизаветы Быковой. Успешно выступившим в них были присвоены спортивные разряды. Школа юных хоккеистов занятия проводит заслуженный мастер спорта Евгений Майоров. Эта передача звучит раз в неделю, по четвергам, в 7. 40.

Внимание физкультуре и спорту уделяют и такие популярные передачи радио, как «Пионерская зорька» и «Ровесники».

По «Пионерской зорьке» можно узнать ход пионерской военно-спортивной игры «Зарница», познакомиться с ее участниками. С возникновением «Орленка» (военно-спортивной игры для старших школьников, для ребят, которые готовятся к службе в армии) в выпусках «Ровесников» можно услышать информацию и о туристских походах по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, и о том, как проходит сдача норм на значок ГТО...

Напоминаем вам, что «Пионерская зорька» выходит в эфир ежедневно, кроме четверга, в 7.40 (воскресенье в 10.05), а программа «Ровесники» три раза в неделю: в понедельник (16.40), вторник (16.20), четверг (10.20).

В любопытнейшей (и в свое время — ценнейшей) маленькой книжке профессора Ивана Александровича Бодуэна де Куртене «Об отношении русского письма к русскому языку» говорится, что, в отличие от знаков звуковой речи, которым несвойственно «увеличиваться» или «уменьшаться», усиливаться или ослабевать дальше определенных им природой речи величин, знаки речи письменной, в частности буквы, обладают в этом смысле неограниченными возможностями.

Чтобы привести пример буквы-гиганта, И. А. Бодуэн вспоминает феномен географический: «Не забудем о *дельтах рек*, например «дельта Нила», — говорит он. Природа создала очертание, которое человек сумел «прочесть» как колоссальную букву.

Затейливая мысль. Мне она здесь нужна лишь, чтобы заговорить о другом. «Дельта реки»... Тут просто случай языковой игры, метафорически делающей имя буквы словом, имеющим нарицательное значение.

Явление занятное: оно прямо противоположно тому, что наблюдается весьма часто и в мире азбук, — превращению значимого слова в имя буквы, в чистое наименование. Так слово *алеф* — телец стало называть знак для одного из звуков древнесемитских алфавитов. Так стали именами букв русские слова *добро*, *мыслете*, *аз*, *он*, *ук*.

В нашем же случае — наоборот: слово, значившее только «4-я буква греческой азбуки», утратив нацело свой архаический смысл (*далет* — дверь палатки), внезапно испытало обратную метаморфозу — стало словом со значением «область отложения наносов реки, прорезанная сетью ее рукавов».

Теперь, прочтя начало фразы: «К числу величайших дельт мира принадлежат...», вы спокойно допишете: «дельты Нила, Ганга, Миссисипи» — и никак не станете натуживать память, вспоминая, где в мире есть написанные огромные буквы Δ. Разве один сотый читатель вспомнил бы при этом греческую букву «дельту».

Но «область в устье реки» не единственное переносное значение

слова *дельта*. В энциклопедиях вы отыщете *дельта-лучи*, *дельта-металл*, даже *дельта-древесину*. Повсюду здесь эпитет *дельта* указывает на порядковое место предметов в ряду им подобных, может быть (*дельта-древесина*), — на высокое качество товаров.

У математиков слово *дельта* входит во множество терминов: *дельта-оператор*, *дельта-функция*. Тут это *дельта* держится как бы на лезвии бритвы: оно уже перестает быть просто буквой, значком, но освободилось от этого качества не на много больше, нежели «слово» а, когда мы превращаем его в алгебре в заместитель выражения «некоторое число или количество».

В большей степени слово стано-

ЗАКОН БУКВЫ

Лев УСПЕНСКИЙ

вится *дельта* и даже знак Δ в дифференциальном исчислении, где оно означает «приращение абсциссы или аргумента». Уже то, что постоянно встречаются выражения *дельта* *икс* и *дельта* *игрек*, доказывает: *дельта* здесь есть слово, не многим отличное типологически от слова *дом* в выражениях *Дом писателей* и *Дом художников*.

Конечно, никакой мудрец и пророк не смогли бы в те века, когда семитское *далет* превращалось в греческую *дельту*, предсказать дальнейшую судьбу этого «междязычного» имени. Да и мы представляем не имеем, какие значения возьмет оно на себя хотя бы через 250 лет...

Среди таких — может быть, бо-

лее курьезных, нежели значительных, — приключений мне хочется помянуть историю (не долгую и не краткую, а так тысячи на полторы лет), приключившуюся с нашей буквой «ф».

В кирилловской азбуке она носила затейливое наименование «ферт». Затейливое? Да, этимологи и сейчас спорят — откуда оно взялось. Греческое «фюртэс» вроде как не годится для названия буквы; оно значит «беспокойный человек», да и не слышно, чтобы «ф» в Греции так именovali. Думают — «ферт» просто выдумка, звукоподражание, понадобившаяся потому, что славянских слов с буквой «ф» вначале не нашлось. «Суа» — как говорят французы. Пусть так!

Но вот на Руси с «ф» произошло нечто наверняка не предусмотренное изобретателями этого буквенного имени.

Читателям с воображением эта палочка с двумя дужками по бокам стала напоминать заодно подбочившегося человека. Может быть, сначала родилось словосочетание *стоять фертом* (как буква «ф»), а затем из него выделилось и новое существительное *ферт*, и даже уменьшительное *фертик*, по Вл. Далю — «франтик, щеголек».

Дальше — больше. У А. П. Чехова: «Тут к нам ездит один ферт со скрипкой, пикирует» («Черный монах») — или у В. Вересаева: «Вхожу в приемную, вижу какой-то ферт стоит в красных лампахах» — существительное это стало уже неодобрительным, полубранным. Слово нацело потеряло связь с именем буквы, и случилось это невесте когда. Ведь еще у Пушкина:

«У стенки фертик молодой
Стоит картинкою журнальной...»
Трудно представить себе, чтобы фертик этот на балу стоял именно «руки в боки, глаза в потолок». Он по другим признакам был фертик. То же можно сказать и о строках Д. Фурманова, в которых упоминается «какой-то фертик в воротничке и манжетах, с высокомерным надменным лицом» («Незабываемые дни»). Разве не любопытно претворился тут в жизнь «закон буквы», закон ее существования в языке!

Вам, конечно, встречалось слово *похерить*, обычно заставляющее и произнесшего и выслушавшего его сделать этакую извинительную гримаску. А извиняться не в чем.

Слово *похерить* связано прямо с названием буквы «х» в кириллице — «хер» и является сокращением слова *херувим*, «званием» одного из «чинов ангельских». Зачеркните какой-нибудь кусок написан-

ного вами текста. В девяти случаях из десяти вы перечеркнете его крест-накрест и вертикально. И получите косой крест, похожий на букву «х».

Уже сонные подьячие в допетровских приказах «херили» такими крестами испорченные места рукописей. Вот оттуда-то и пошло слово *похерить*, порожденное именем старославянской буквы...

«Глаголь».... У Пушкина есть начало одного неоконченного произведения, чего-то вроде баллады, гениально набросанное: «Альфонс садится на коня...» Помните мрачный ландшафт Испании:

«Какую ж видит он картину?
Кругом пустыня, дичь и голь,
А в стороне торчит глаголь,
И на глаголе том два тела
Висят...»

Здесь *глаголь* значит «виселица». Но нельзя сомневаться, что не это орудие казни дало свое имя букве, а, напротив того, оно было названо по сходству с буквой. Как это доказать?

Тот, кто придавал буквам «мнемонические», напоминающие имена, выбрал для «г» по «акрофоническому принципу» («чтобы совпадало с первой буквой слова») не существительное, как вроде бы было естественно, а глагольную форму. *Глаголь!* — по-славянски значило «Говори!». Сомнительно, чтобы нам удалось когда-либо узнать мотивы, по каким буквы получали именно эти, а не другие названия; но мы знаем, что это — не исключение: для буквы «р» тот же (или другой) изобретатель избрал такую же глагольную форму: «рцы!».

Букву можно назвать любым словом: не требуется, как у Козьмы Пруtkова, пытаться именовать «судьбу не индейкой, а какой-либо другой, более на судьбу похожей птицей».

А вот любая «вещь», которую нужно назвать новым словом (не «именем»), требует некоего соотношения между этим словом и ее свойствами. Неправдоподобно, чтобы столб с горизонтальной перекладиной был наименован словом *говори*; скорее уж так могли бы назвать дыбу, орудие пытки. А если признать, что оно на этот мрачный столб перенесено с названий буквы, на него похожей по очертанию, то все становится на свое место. Буква стала словом!

«Мыслете»... Опять производное от глагола *мыслить*. В бытовом языке, по-видимому, сложное «туда-сюда» движение пера, нужное для начертания буквы «м», связало ее с шатающимся («туда-сюда») на пути хмельным человеком. И вот уже возникает нечто вроде полусу-

ществительного *мыслете*, означающее нечто неопределенное, но все-таки связанное с образом пьяницы.

«Добро»... Желтый флаг во флотской флажной сигнализации, о котором в «Морском словаре» сказано: «Д(Добро) — буквенное значение одного из флагов военно-морского... свода сигналов. Значение этого флага: «Да, согласен, разрешаю».

Отсюда в языке моряков развилось постепенно значение для слова *добро* (в его архаическом смысле — «буква «д») — как синонима для слов *позволяю*, *разрешение*. На флоте и в настоящее время постоянно можно слышать выражения: «Дал добро», «Получили добро», «У меня командирское добро в кармане», причем никому не приходит в голову понять *добро* в кармане в смысле «командирское имущество», «деньги», «хозяйственные запасы». А в то же время лишь редкие из моих сотоварищей моряков Великой Отечественной войны отдавали себе отчет в том, что это *добро* есть в прошлом наименование одной из букв старославянской азбуки. Любопытно, не правда ли?

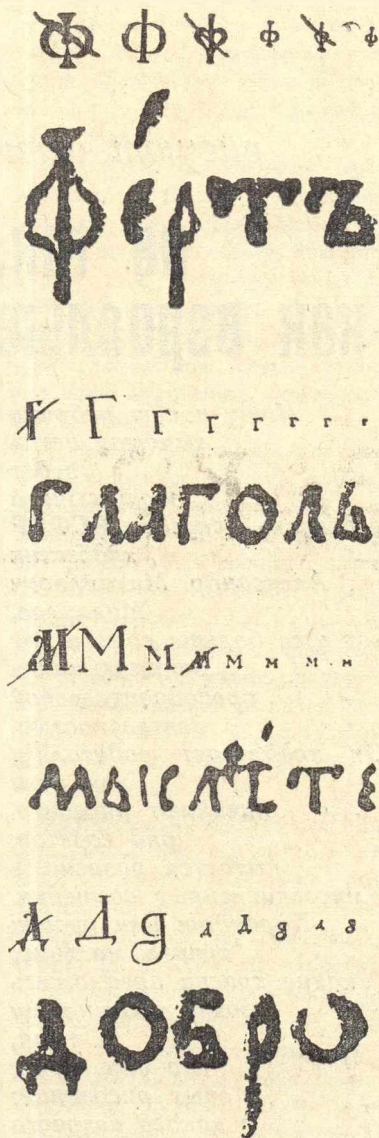
«Икс»... История того, как в слово, в математическом языке означающее «неизвестная величина», превратилось наименование одной из последних букв латинского алфавита, довольно сложна.

На рубеже средневековья и Возрождения Европа лихорадочно овладевала научными и, в частности, математическими знаниями арабско-мавританского Востока. За средние века арабы далеко обогнали европейцев на этом фронте. Занимались европейские ученые от своих учителей и обозначение неизвестного при помощи буквы. Из страны в страну слово-буква «х» («икс») дошла и до России. Сначала как математический термин.

Сначала как термин, а затем...

Прислушайтесь не к беседам академиков, к живой речи рядовых людей вокруг вас. Наряду со строгим термином *х* — «неизвестное» (а иногда и более специфично: «переменная величина»), рядом со строго зафиксированным физическим значением его — «единица длины, применяемая при измерении длин гамма-лучей», есть и более простое, бытовое его значение. В толковых словарях оно определяется сходно: «неизвестное или неназываемое лицо». В словаре Д. Н. Ушакова (30-е годы) к этому добавлено: «гражданин Икс». В Академическом четырехтомнике приведен другой пример: «товарищ Икс». И есть еще таинственный «мистер Икс»...

Еще одно слово, рожденное из термина названия буквы, — это *Н*.

иногда *Н:Н*. (на письме чаще — *NN*), и произведенные от них прилагательные *энный* и *энский*.

В математике *n* — «любая, какую угодно подразумевать, величина». В художественной литературе *Н. NN* (особенно — в XIX веке) — лицо отнюдь не таинственное, как *Икс*, но такое, «которое по каким-то причинам нежелательно называть». «Не важно кто», или «было бы нескромно называть, кто это». В произведениях классиков вы такие обозначения встретите... «эн раз».

Мы видели букву «Н» в роли заместителя имени личного. Но она же еще недавно фигурировала и в качестве заместителя топонимов. «в городе *Н*», в городе *Эн*» или даже в «Энской губернии» — в той же литературе было постоянным явлением. Я не поручусь: может быть, в этом сказалось косвенное влияние воинских обычаев, поскольку многие полки старой армии русской именовались по названиям городов — «Павлоградский 6-й лейб-драгунский», «Сумской 3-й драгунский»... Не всегда хотелось уточнять, о каком именно полку шла речь, и появлялось: «Полузескадрон Энского гусарского полка двинулся по извилистой аллее» (А. Н. Толстой. «Старушонка»).

Рядом с прилагательным *энский* за последние 30—40 лет все шире входит в бытовую речь нашу недавно еще чистый термин, слово *энный*. Выражение *энский* в математических науках не встречается, *энный* и близкие к нему *энгранник*, *энгольщик* попасться могут.

В широком значении «неопределенно большой» *энный* попало уже во все словари. Правда, теперь — не от людей науки — слышишь его и в смысле «некоторый», «все равно какой» — всё это близко к его тематическому значению. Но совсем недавно мне пришлось слышать, как один солидный оратор выражался так: «Придут *энные* люди, начнут говорить *энные* слова...» Слово *энный* приобрело уже значение «какой-то, некоторый»... Вот так именно точные термины науки утрачивают свою однозначность и приобретают — не по дням, а по годам и десятилетиям свойства живых, многозначных слов.

Разумеется, я перечислил не все возможные случаи рождений из названий букв настоящих слов. Но это и не входило в мою задачу. Я сознательно оставляю круг возможностей вам, читателям. «Ищите и обрящите!» — говорили в старину. Я убежден, что и на вашем примере это подтвердится.

рисуют дети

не так, как взрослые

*Нашу новую рубрику
«Рисуют дети»
ведет
заслуженный
деятель искусств РСФСР
художник
Александр Михайлович
Михайлов,
вот уже больше сорока лет
занимающийся
преподавательской
деятельностью.
Он предлагает родителям,
чьи дети
начинают рисовать,
ряд советов,
пытается разрешить
многочисленные сомнения.
Карандаш или краски
купить малышу;
какие краски предложить
самому маленькому
и тому,
кто уже имеет
опыт рисования;
с какого возраста
следует начинать
собственно
художественное воспитание,
посещение музеев,
коллекционирование
репродукций;
когда и как
учить детей
лепке, выжиганию...*

Ваш малыш сел рисовать. Вы нас-
коро освободили ему место за сто-
лом, сунули в руки карандаш и бу-
магу и, обрадовавшись, что у вас
есть несколько свободных минут,
занялись своими делами. Но ребе-
нок непоседлив, что-то отвлекло его
внимание, он забросил карандаш,
вот вы уже застаёте его готовящим
«предприятие», грозящее катастро-
фой для всего дома. «Почему у дру-
гих дети как дети, они могут при-
лежно посидеть за столом, они ча-
сами занимаются рисованием....» —
сетуете вы.

А разве он в чем-нибудь виноват?

Вас радуют первые шаги, кото-
рые делает ребенок, радуют его
первые слова, а вот к «каракулям»,
которые он «изображает» на бума-
ге, вы отнеслись небрежно и вни-
мания не обратили.

Будем откровенны — для многих
родителей рисование малышей, к
сожалению, только занятие, кото-
рое на какое-то время отвлекает их
от шалостей...

Между тем рисунок — это вто-
рой язык ребенка, это начало ху-
дожественного освоения действитель-
ности, это начало творчества. Ребенок
еще плохо говорит, но уже
рисует мудреные композиции. С по-
мощью изображения он может пе-
редать и свою душевную настроен-
ность, и свое отношение к людям,
его окружающим, свое понимание
мира.

И это относится не к особо ода-
ренным, а ко всем детям.

Разумеется, рисунки одних бо-
лее выразительны, других — менее,
одни садятся за рисование с боль-
шой охотой, другие — с меньшей.
Это естественно — все дети разные.
Но если бы мне пришлось услы-
шать о том, что у ребенка вообще
«нет склонности» к рисованию, я с
полной уверенностью предположил
бы, что дело тут не в индивидуаль-

ных особенностях ребенка, а в отношении окружающих.

Полугодовалый - двухлетний малыш просит карандаш, когда видит, что кто-то из взрослых рисует или пишет. Он просто подражает. Но ему не захочется взяться за рисование в другой, в третий раз, если взрослые не посидят вместе с ним за рисунком, если они не заинтересуют его, не поставят перед ним заманчивых задач. Ребенок вывел свои каракули и сразу же мчится к кому-нибудь из взрослых — показать, услышать похвалу. Она ему просто необходима. Не отказывайте ребенку в ней, не скупитесь на выражение одобрения, даже если вам покажется, что успехи ребенка весьма незначительны. Я знал нескольких детей, которые начали рисовать и рисовали с большим увлечением: одна работа была интереснее другой. А потом вдруг все прекратилось. Из осторожных расспросов удалось узнать, что кто-то из взрослых посмеялся над рисунком, кто-то сделал бестактное замечание.

Дети рисуют не так, как взрослые. Они не могут рисовать, как взрослые.

И для того чтобы им помочь, надо об этом всегда помнить, надо постараться понять, в чем особенности детского творчества.

Вы, наверное, заметили, что *дети редко рисуют молча.* Они пыhtят, гудят, изображая паропровод или автомобиль, ракеты у них вылетают с грохотом, космонавты, ступая на землю новой планеты, издают радостный клич. В сущности, для них каждый рисунок — игра, которую они сами сочиняют. И не будет для ребенка ничего радостнее, если вы начнете фантазировать, сочинять вместе с ним, а не просто спросите: «Что это ты нарисовал?..»

Далее. Часто мы называем рисун-

ки детей примитивными. И верно — *для малышей не существует понятия перспективы, объема, света и тени и т. д.* Тем не менее выразительности детского рисунка, остроте непосредственного видения удивляются подчас и маститые художники. Изображая вещи по-своему, дети могут достигнуть замечательных успехов.

Случается, что взрослые, помогая ребенку, считают необходимым «подсказать»; приравниваясь к языку, они рисуют схемы: на прямоугольнике трехугольник — это дом; над трубой дым в виде штопора, рядом палка, под углом от нее другие палки — это елка; чуть выше окружность — это солнце.

Я считаю, что такие «подсказки» ни к чему. Вместо того чтобы помочь ребенку, они мешают его самостоятельности, они заковывают его фантазию в заданные схемы. Шестилетний мальчик рисовал замки, удивительные, ни на что не похожие; приезжий родственник посмотрел и исправил рисунок: на небе двумя взмахами кисти он изобразил птиц в виде «галочек». Мальчик после этого надолго забросил рисование.

Малыши некоторое время рисуют лошадей с шестью ногами, число рук у человечков тоже бывает произвольным. *Стоит ли взрослым в данном случае вмешиваться, указывая на ошибку?* Я считаю, что *стоит, но, конечно, в самой тактичной форме.* Случается, что, несмотря на разъяснения взрослого, малыши продолжают рисовать животных с множеством ног. Не надо на них сердиться, обвиняя в упрямстве. По-видимому, они еще не овладели представлениями о числе.

Рисунки детей поражают насыщенностью цвета. Пятилетняя девочка, услышав «Сказку о рыбке»

и рыбке» Пушкина, изобразила старуху в черном платье, а старика в розовой рубашке. На вопрос, почему она выбрала эти цвета, девочка ответила, что старуха злая, а старик добрый. Взрослые, не всегда понимая особенности отношения детей к цвету, встают подчас на путь ложного руководства. Они поправляют рисунок, спорят с детьми, что «так не бывает».

Мне кажется, что *роль взрослого, не имеющего художественного образования, должна заключаться совсем не в том, чтобы давать советы технического порядка, то есть учить, «как рисовать».* Его роль совсем в другом. Заинтересовать ребенка, расширить круг его наблюдений. Если ребенок увидел бабочку, цветок и, разглядывая, застыл, зачарованный, поймите его в эту минуту, войдите мыслями в его мир и разделите с ним восторг. Помните, что первый помощник в художественном воспитании ребенка — природа. Ваши каждодневные прогулки вы можете превратить в увлекательнейшие экскурсии в царство цвета и света. Помогая ребенку, вы и сами вдруг поймете, что трава при разном освещении может быть серебристо-голубой, и бронзово-золотистой, и даже темно-синей. А сколько цветов и оттенков цвета можно насчитать на небосклоне во время захода солнца!..

С самых первых шагов творчества детей *нужно не столько учить, сколько пробуждать и постоянно поддерживать интерес к самостоятельному труду.* И постоянно помнить, что изобразительное творчество детей — не забава и не развлечение, а одно из важнейших средств формирования их внутреннего мира, формирования личности.

А. МИХАЙЛОВ,
заслуженный деятель искусств
РСФСР

пУГОВКИ ЛИТЫЕ, ПЕТЕЛЬКИ ВИТЫЕ

Даже в «золотые вена» пуговиц, ногда былинные щеголи

«...надевали шубы соболиные,

Цена-то шубе три тысячи,

А пуговкам — семь тысячей»...

и позже, во времена Екатерины II, при которой был построен стеклянный завод специально для производства цветных пуговиц, а сатирические журналы не находили достаточно язвительных слов, восставая против рескриптов «Ея Величества Моды», застежкам отдавалась блестящая, но все же подыгрывающая роль — украшения. Теперешним пуговицам, при всем их разнообразии, трудно спорить с екатерининскими ухищрениями, стоявшими немалого труда, фантазии и денег, однако значение их в современном костюме нуда более почетно.

Мы уже говорили о том, что современная детская одежда стремится к яркости, контрастности, пестроте даже. Но что-то должно ведь сводить воедино, объединять всю эту разногласицу! И вот то, что раньше достигалось одинаковостью ткани, монотонностью цвета или близостью оттенков, теперь (когда мода не только не запрещает, но и прямо предписывает пестроту красок, игру фактуры) стало задачей второстепенных некогда элементов — отделок и застежек. Пуговицы и пряжки, выдержанные в одном стиле, способны скрепить самые неожиданные решения костюма.

Но, разумеется, костюма современного — по силуэту, пристрастию к мелким узорам, обилию деталей. Вытащить из сундуков комбинированные «бобочки» и вельветовые брючки-гольф и разукрасить их медными пуговицами — это не решение вопроса. Но стоит из тех же вещей сделать шортики и прилегающую спортивную курточку, как единообразие пряжек, заклепок и пуговиц пересилит вынужденную случайность в подборе цвета и ткани.

Становясь зрительной опорой ансамбля, пуговицы и пряжки почти беспредельно расширяют область возможных поисков материала — от небольших кусков новых тканей до сохранившихся частей старой одежды в самом причудливом их сочетании. И чем пестрее костюм, чем неожиданней соседство деталей, выкроенных из разных тканей тем определеннее, явственнее должен звучать ведущий «пуговичный» мотив, объединяющий разнородные элементы.

Поэтому так щеголеваты современные застежки — медные и кожаные, резные и плетеные, с гербами, орнаментами, ободками, круглые и квадратные, овальные и ромбовидные, шариками, бочонками, цветочками — в общем, самые разные пуговицы, зажимы и пряжки.

Что главное в костюме? Пуговица!

Е. ОВДАК,
художник по костюму

444-я московская школа одна из первых была переведена на программу с углубленным изучением математики и прикладной математики. С тех пор уже более тысячи ее выпускников вместе со свидетельством о среднем образовании получили удостоверение о присвоении квалификации программиста-вычислителя.

Специальные программы для девятых и десятых классов по математике были разработаны Академией педагогических наук СССР вместе с преподавателями школы.

Для работы по новым программам в школе создана хорошая материально-техническая база.

программа для программиста

Фотографии —
на 4-й странице
вкладки

Ученики седьмых классов осваивают азы работы с вычислительной техникой в классе электрических клавишных машин. Старшеклассники работают в классе программирования, где установлена электронно-вычислительная машина.

Основная практика работы десятиклассников на ЭВМ проходит в вычислительном центре Центрального научно-исследовательского института комплексной автоматизации. Их работой руководят научные сотрудники института. Здесь практиканты выполняют не только учебные, но и конкретные производственные задания, которые входят в план работы института.

математический фокус

1	2	3	4	5	6	7	8
9	10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	31	32

— Вот вам карточка с числом от 1 до 32. Задумайте любое из этих чисел, а мне его не называйте. Теперь я передам вам одну за другой пять карточек, на которых нет никаких чисел, а одни только прорезы. Вы этими карточками будете закрывать ту, первую, с числами. Я отвернусь, чтобы не видеть, какие числа открыты, а какие закрыты. Вы только будете говорить мне, видно ли задуманное число. После того, как все пять карточек перейдут к вам в руки, я назову число, которое вы держали в тайне!

...С такой речью вы можете обратиться к присутствующим, не рискуя попасть в просяк, ибо вы знаете секрет фокуса: карточки с прорезями зашифрованы. Первая (с четырьмя вертикальными прорезями) означает 1. Вторая (с двумя вертикальными прорезями) — 2. Третья (в которой вырезан квадрат) — 4. Четвертая (с двумя горизонтальными прорезями) — 8. Пятая (где один горизонтальный вырез) — 16. Это придется запомнить.

Таким образом, передавая карточку (вытаскивать их можно в любом порядке), вы знаете ее числовой шифр. Весь секрет в том, что надо сложить числовые шифры тех карточек, в прорезях которых, как вам снажут, будет видно задуманное число. Например, задумано число 21. Вы даете карточку с шифром 1. Задуманное число видно. (Запоминайте: 1). Карточка с шифром 2. Число не видно. (Остается по-прежнему 1). Карточка с шифром 4. Число видно. (Прибавляйте к 1 шифр 4. Запоминайте: 5). Карточка с шифром 8. Число не видно. (По-прежнему остается 5). Карточка с шифром 16. Число видно. (К 5 прибавляем 16, получая задуманное число 21). Потренируйтесь — и убедитесь, что система действует безотказно.

Одно замечание. Если число видно в прорези всех пяти карточек, то, как легко сосчитать, это будет 31. А вот как быть с 32? Суммы такой получить не может ведь! Это число исключение. Если вам говорят, что число не видно в прорези ни на одной карточке, значит, задумано именно 32.

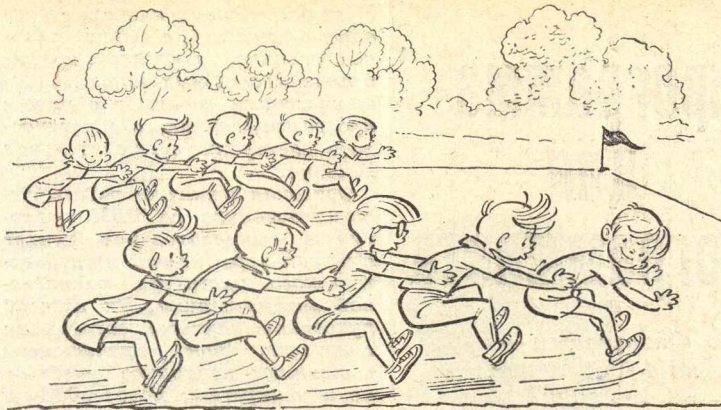
И совет: действуйте быстро, «не задумываясь» — тогда фокус будет особенно эффектен.

Г. ГОЛЬ

задуманное число

игры во дворе

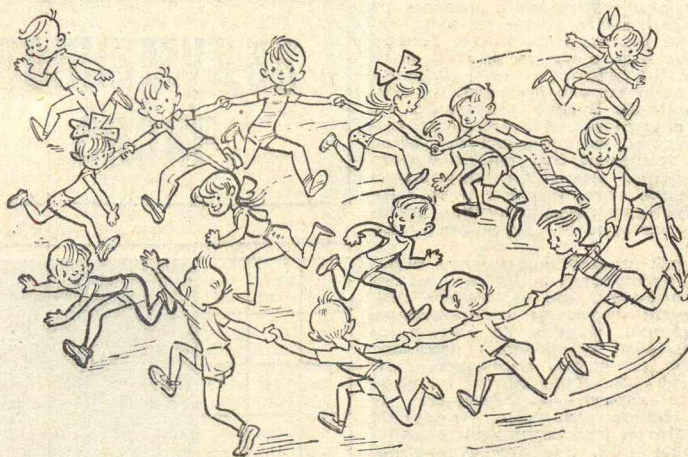
лягушки

Это веселое состязание может одновременно занять десятки ребят. В каждой команде по 5—10 участников. Они становятся в затылок друг другу, приседают и поддерживают руками друг друга. По команде начинается гонка. Вставать нельзя, надо подпрыгивать вперед и поддерживать товарищей, чтобы никто не упал. Если кто упадет — надо помочь ему встать и продолжать гонку.

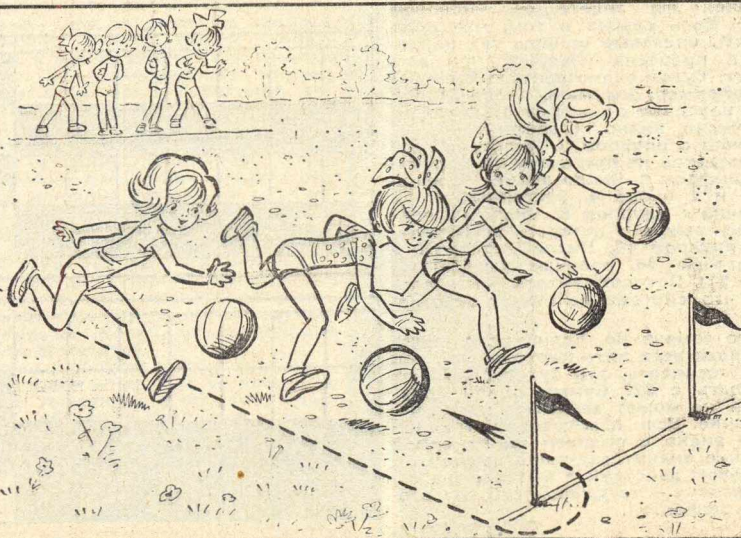
Дистанция гонки 15—20 метров. Если участвуют старшие ребята, дистанцию можно увеличить до 30 метров.

анаконда

Играть в эту игру могут десятки ребят, но не меньше, чем 10—15. Сначала 8—10 играющих берутся за руки. Вот и анаконда! Эта огромная змея, извиваясь, пытается поймать в кольцо остальных. Кто попался, тот сам включается в общую цепочку и продолжает ловить других. Трое, продержавшиеся дольше всех, — победители.

гонка с мячами

Дистанция гонки 25—30 метров. Если мячей мало, проведите эстафету: добежал до флажка, вернись обратно и передай мяч товарищу по команде. Умение не брать мяч в руки, а все время гнать его перед собой, используя отскоки, — отличная спортивная тренировка для баскетболистов.

С. ГЛАЗЕР,
мастер спорта

Художник А. Орлов

в арсенал новичка

Часто бывает, что неопытный шахматист, хотя и умеет решать задачи, не знает, как правильно записать решение.

В двухходовках достаточно указать первый ход белых.

Белые: Kpf2, Фf6, Ch7; черные: Kpg4, п.g5. Вот запись решения — 1. Фh8! И всё! А что на любой ответ черных последует мат, это уже ясно.

В трехходовках указывают первый ход белых и пишут, какую он создает угрозу (или отмечают, что угрозы нет). Затем приводят все важнейшие ответы черных и вторые ходы белых. А вторые ходы черных и матующие ходы белых писать не обязательно.

Белые: Kpg7, Фс5, п.b3; черные: Kpa5, Сb5, пп.a7, b7, h7. Запись решения — 1. Kph6! Угрозы нет, у черных цугцванг (то есть такое положение, когда любой их ход идет им же во вред).

Если 1. ... Kpa6, то 2. b4;
если 1. ... a6, то 2. Kp: h7;
если 1. ... b6, то 2. Фa3+.

В четырехходовках и других задачах тоже обрывают решение за ход до мата.

две пешки

Встретились в центре доски две пешки.

— Чего стала? Проходи! — начала черная.

— Сама проходи! — ответила белая. — Я здесь всегда играю.

— Проходи, говорю. А то побью.

— Очень я тебя испугалась. Я защищенная!

— Подумаешь: защищенная! Я вот сейчас нашего Коня позову. Он такую комбинацию сделает, что потом и своих не узнаешь!

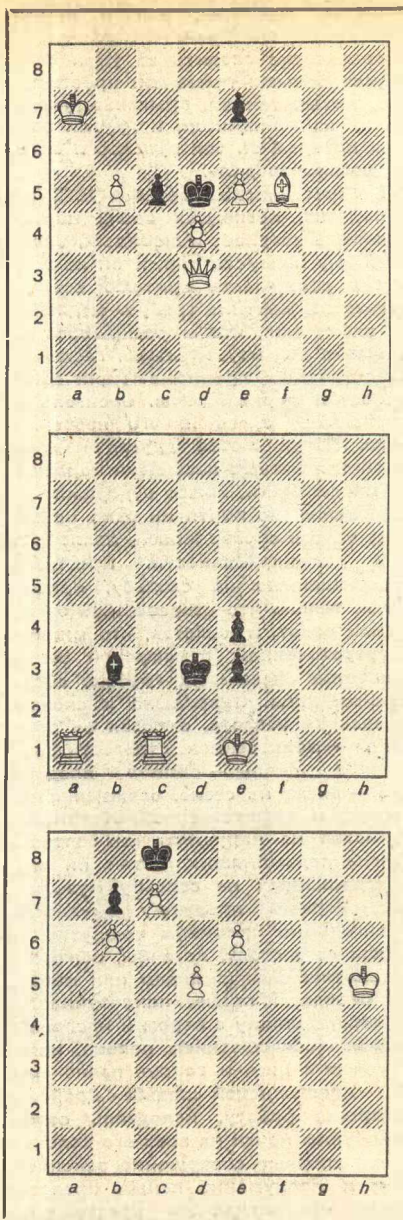
— Ну и зови. А я нашего Слона позову. Он твоего Коня свяжет, тот и не пикнет!

— Фью! Слон! Не видали тоже... У меня Ладья есть знакомая, не то что твой Слон. Это фигура тяжелая!

— А моя Ладья еще потяжелее твоей Ладьи будет! Она тут рядом на линии. Я вот крикну — и сразу придет.

— Попробуй только. Я самому Королю скажу.

— Ну и что? А я Ферзя позову. Он как шахнет твоего Короля, так тот от страха сразу в ящик сыграет.

— А я нашего Ферзя позову... Он тоже твоего Ферзя шахнет...

— Хо! Ферзей шаховать нельзя. Ты еще ничего и не знаешь!

Поползли, поползли Пешки и разошлись.

— В другой раз лучше не попадайся мне! — прокричала черная, обернувшись на ходу.

— Твое счастье, что уходишь небитая! — ответила белая.

Вот и здесь — на первой диаграмме — встретились две пешки... Кончилось тем, что белые дали мат в два хода. Как — найдите сами!

возьмите ход обратно

— Нет, я возьму свой ход обратно! Я пойду не так!

И вспыхивает спор: один партнер хочет переменить свой неудачный ход, а другой не разрешает. Прав, разумеется, второй. Ведь в партии ходы менять не полагается.

А вот в задаче на диаграмме второй от вас именно это и требуется: взять обратно только что сделанный белыми ход и сделать вместо него такой, которым черному королю объявляется мат.

Ну-ка, любители брать ходы обратно, где вы?

задача с намеком

Композиции нашего частого корреспондента Александра Мамсимова (с. Загайново Нурганской области) пользуются заслуженным признанием читателей. На диаграмме третья новая приложенная им задача, где белые объявляют мат в пять ходов.

Разумеется, без превращения пешки в фигуры здесь не обойдется, но пусть послужит вам намеком замечание о том, что... надо обдумать, во что их превращать.

необычное задание

Расставьте все фигуры в начальное положение. Теперь уберите с доски белого коня q1 и черного — q8. Попробуйте показать ходы, которые приведут к получившейся позиции, если известно, что их можно сделать не более пяти.

Ю. БАРСКИЙ

Главный редактор
Л. М. ИВАНОВА

Редакционная коллегия:
М. В. ГОГОЛЕВА, В. В. ДАВЫДОВ, М. В. ЖИЛИНСКАЯ, О. М. ИВАНОВА, И. И. КАРПЕЦ, Н. П. КУЗИН, Р. А. КУРБАТОВА, Т. В. МАТВЕЕВА, И. П. РУДЕНКО, В. А. РЫБАКОВ, Э. С. СОКОЛОВА, А. Г. ХРИПКОВА, О. Э. ЧКАЛОВА.

Оформление номера
Юрия Коллюшева
Художественно-технический
Редактор Т. Мухина

Издательство «Педагогика»
Академии
педагогических наук СССР
и Комитета по печати
при Совете Министров СССР

Адрес редакции:
129278, Москва, И-278
улица Павла Корчагина, 7
Телефоны редакции:
283-85-16, 283-82-21, 283-82-18

Рукописи и фотоснимки
не возвращаются.
Литературных консультаций
редакция не дает.

Подписано к печати
8 августа 1972 года. А07311
Тираж 1 300 000 (1 150 001—1 300 000) экз.
Заказ 282. Бумага 84×108/16.
Печ. л. 4+вкл. 0,25 (6,72+вкл. 0,42).
Уч.-изд. л. 10,60

Главполиграфпром Комитета по печати
при Совете Министров СССР. Отпечата-
но в ордене Трудового Красного Зна-
мени Ленинградской типографии № 2
им. Евг. Соколовой, Измайловский про-
спект, 29, с матриц ордена Трудового
Красного Знамени Ленинградской ти-
пографии № 1 «Печатный Двор»
им. А. М. Горького, Гатчинская ул., 26.
Обложка и вкладка отпечатаны в Ле-
нинградской типографии № 3 имени
Ивана Федорова, Звенигородская ул., 11.

картины нравов

крестьянская свадьба

Художник Питер Брейгель (около 1525—1569) работал в Нидерландах. Он рисовал старух и нищих, ряженых и калек и был прославлен при жизни как мастер комического жанра. «Чудной» — это одно из прозвищ Брейгеля. Более известно другое его прозвище — «Мужичий». Единственным героем Брейгеля был народ — мужики, толпа...

Снова и снова пишет художник веселые карнавалы на площадях, хоровады и драки, танцы и балаганные фарсы, людей, животных, процессии шутов, проходящие мимо веселого застолья прямо под открытым небом, не нарушая ни оживленной торговли лоточника, ни манипуляций гадателя, ни наивно-вульгарного деревенского флирта. Возникает впечатление, что Брейгель как будто скуповато регистрирует этот поток жизни, и хотя ничему не уделяет предпочтительного внимания, всему принадлежит его бесспорная, чуть снисходительная симпатия. При более внимательном разглядывании любой картины Брейгеля становится ясно, что замысел его всегда глубже, чем просто воспроизведение увиденного. Большинство картин Брейгеля — политико-религиозные аллегории, прямо или косвенно откликающиеся на актуальные события борьбы против испанского террора, буржуазной революции и Реформации. Естественно, они нуждаются в специальной расшифровке. Зато «мужичьи» сцены Брейгеля — жатва, гуляния, свадьбы — принадлежат к его наиболее прославленным, классически-ясным творениям.

«Брейгель, — рассказывал первый его биограф, Ван Мандер, — часто ходил по деревням, когда там происходили ярмарки или свадьбы. Он являлся на свадьбы, переодетый крестьянином и, выдавая себя за родственника либо жениха, либо

невесты, подносил, как и другие, подарки. Здесь Брейгелю доставляло удовольствие следить за теми безыскусственными приемами крестьян в еде, питье, танцах, прыганье, уходе за женщинами и других забавах, которые он так красиво и смешно воспроизводил».

В «Крестьянской свадьбе» (1568 год), одной из последних своих картин, Брейгель выступает в любимый, знакомый ему наизусть мир, и он не торопится раскрывать зрителю все его богатство. Картина требует медленного вхождения, чтобы раскрылась царящая в ней изумительная гармония, стал внятным пронизывающий ее тяжелый и мерный ритм. Брейгель не изображает здесь ничего необычного. Почти любая другая картина Брейгеля больше насыщена поражающими деталями, живее будоражит воображение, но почти ни одна не создает такого образа живой, полнокровной патриархальности. Крестьяне, приглашенные на свадьбу, пришли сюда, только что оторвавшись от полевых работ, и кажется, что мирной, сосредоточенной атмосферой земледельчества овеваны их грубые, обветренные лица. Напряжена и скована стыдливая невеста, в позах ее родителей — молитвенная строгость, связанные снопы — символ плодородия — висят на стене, освещая помещение, и торжественной обстановки таинства не нарушают ни болтовня слегка подвыпивших гостей, ни игра приглашенных на свадьбу музыкантов. Верный прозвищу «чудного», Брейгель не преминул подшутить и здесь: чего стоят, хотя бы, обжора с остекленевшим взглядом или малыш на переднем плане, нахлебавший огромную шляпу с пером и наслаждающийся обсаживанием пальца, когда и рядом с ним, и вокруг полно еды.

В «Крестьянской свадьбе» Брейгель завершал работу, исподволь совершавшуюся почти на всех его холстах. Здесь впервые совершенно законченным и продуманно ясным предстал образ нидерландского крестьянина: с точными, безошибочно схваченными особенностями излюбленных поз, манеры держаться, говорить и одеваться, пить и танцевать. У Брейгеля крестьянин хитер, но добродушен, чрезвычайно сметлив. Он держится очень чинно, но когда уж гуляет, то гуляет без удержу, пляшет до упаду.

Среди гостей «Крестьянской свадьбы» изображен мужчина в черной одежде горожанина. У него тяжелые черты лица, суровый взгляд, ослепительная борода. Он резко контрастирует с прочими персонажами картины. Он обособлен ото всех, сидит отдельно, не за столом, а в углу, на перевернутой лопате, и внимательно слушает монаха, о чем-то говорящего ему. Он здесь

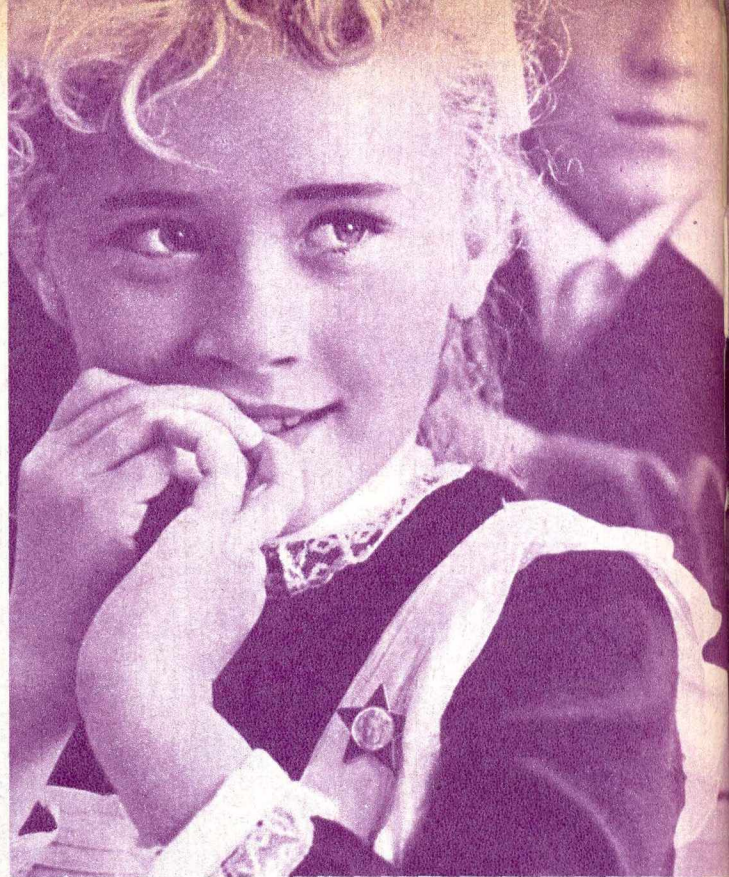
явно чужой, пришелец. В его облике, скрытая мужественной суровостью, угадывается глубокая, неусыпная скорбь. Только он один из присутствующих производит впечатление современника драматических событий, переживавшихся Нидерландами в 1568 году. Это был самый тяжелый, безнадежно мрачный период, когда едва начавшаяся в 1566 году революция, казалось, была совершенно уничтожена, разбита, когда благодаря жесточайшему террору, установленному в Нидерландах испанским наместником герцогом Альбой, вся страна, по словам историка, «обратилась в живодерню. Похоронный звон ежедневно раздавался в каждой деревне; не было семьи, которая не оплакивала бы самых дорогих своих членов, между тем как оставшиеся в живых бесцельно бродили призраками среди себя вокруг развалин прежних домов... Покорность стала бесполезной, бегство невозможным и дух мщения погас у каждого очага...»

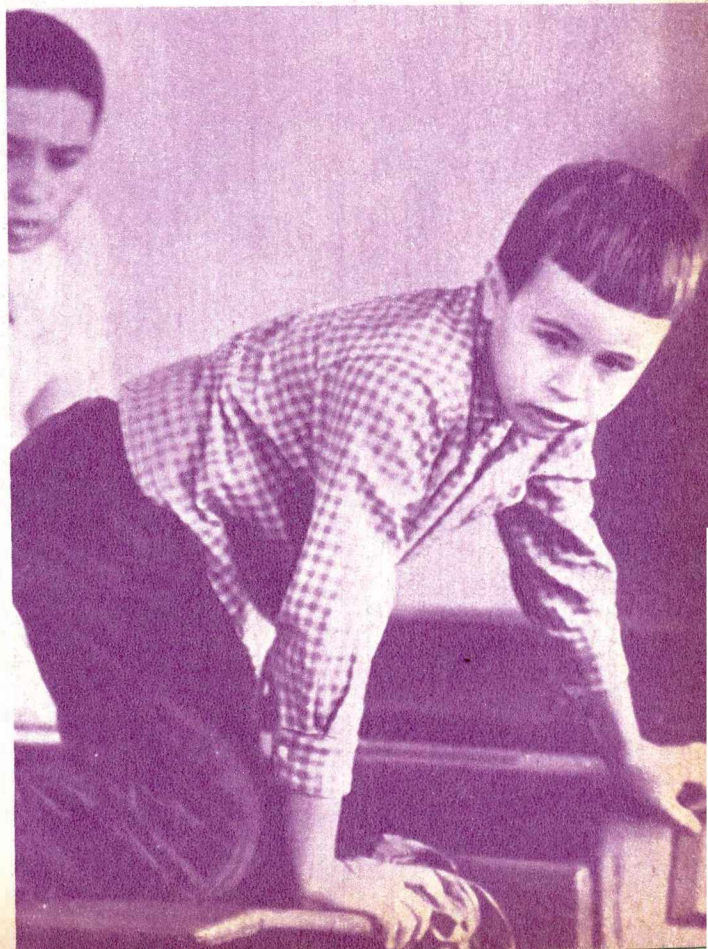
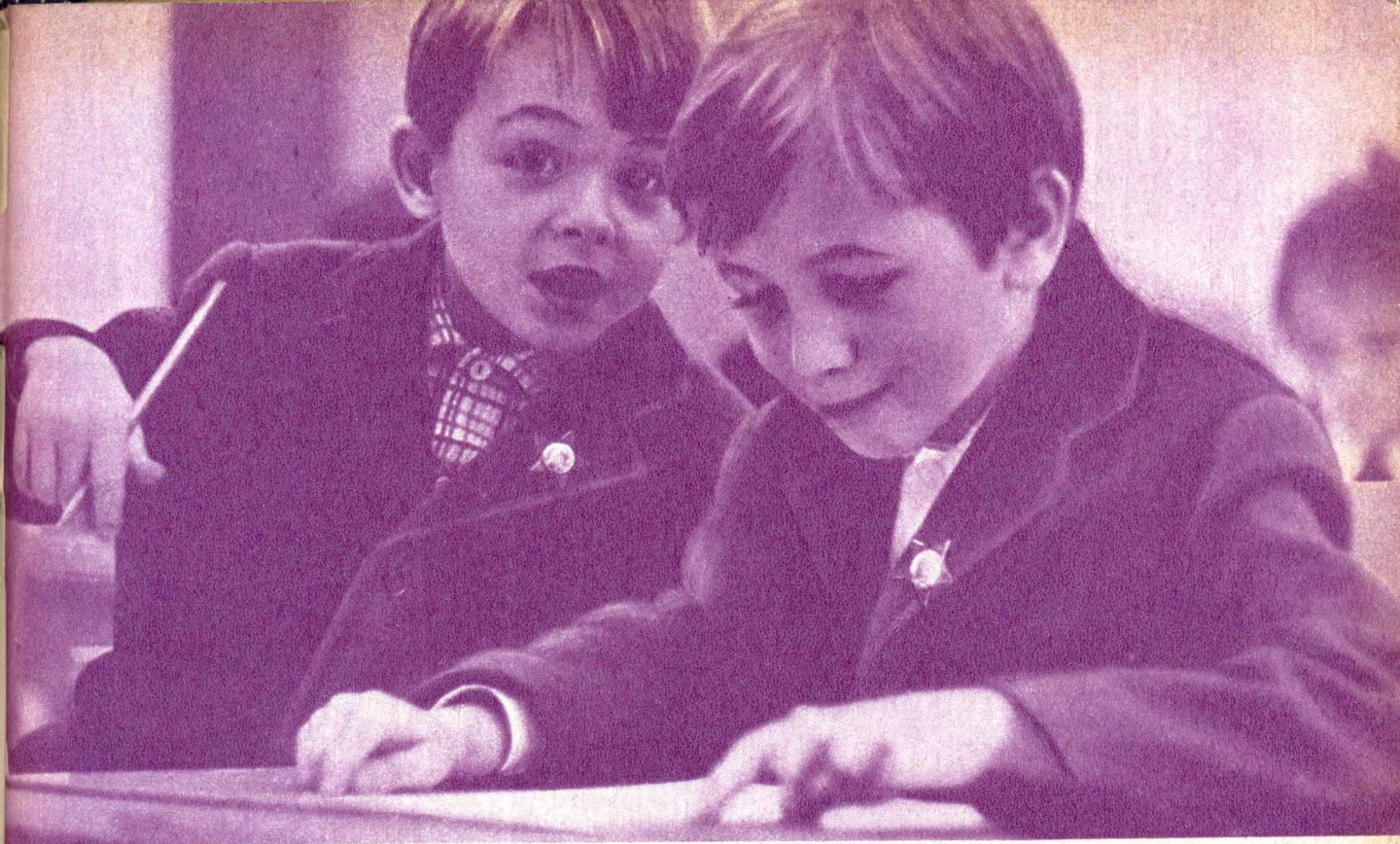
Судя по другим картинам Брейгеля, он не остался чужд всеобщему ощущению безнадежности и отчаяния. Процессия слепых на косогоре: они держатся друг за друга и последние еще не знают, что поведырь их уже упал в пропасть, увлекая за собой других. Это притча о несамостоятельности пути, о духовной слепоте, о неотвратимой гибели тех, кто не видит дороги. Это знаменитые «Слепые» Брейгеля. А в картине «Мизантроп» Брейгель изобразил старика монаха, бредущего по дороге, усыпанной терниями. Он не замечает, как подвешенный к поясу кошелек срезает у него юркий вор, заточенный внутри прозрачной стеклянной сферы, увенчанной крестом. Сфера с крестом — это символическое изображение мира. Под картиной подпись: «Потому, что мир обманчив, я ношу траурное платье».

Обе эти картины написаны в 1568 году, одновременно с «Крестьянской свадьбой». Конечно, можно только гадать о том, что позволило Брейгелю совместить два столь разных мироощущения. Но если предположить, что «Крестьянская свадьба» имела для Брейгеля смысл более широкий, чем нежное и любовное изображение милой сердцу жизни, то станет понятно, почему он такими безмятежными рисовал гостей на свадьбе, словно бы и не подозревавшими о том, что творится за порогом их скромной трапезной, — патриархальный крестьянский быт всеял в художника надежду, с ним связывал Брейгель свои представления о будущем...

В. АЛЕКСЕЕВ

*уроки
и не только
уроки*

Фото Н. Свиридовой и Д. Воздвиженского

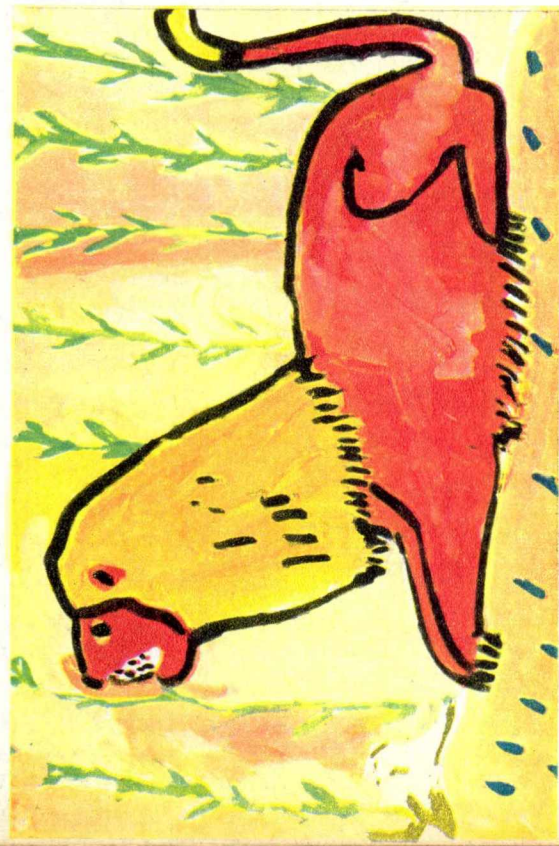
Гриша Дедюхин (7 лет). Зоопарк

Юля Саратовская (9 лет). Концерт

Галя Скользнева (9 лет). Наш класс

Оля Дедюхина (6 лет). Лев

рисуют дети

(См. 58-ю страницу)